

ТОМ 3.

Как стать попаданцем? Возьмите древнюю легенду, людей и ненависть. Готово, можно искать новый мир. А как не допустить повторения подобного? Очень просто – станьте властелином вселенной. А что же делать, если магии нет, тело слабое, а вокруг полно врагов? Включите погромче внутреннего циника и уложите вселенную к своим ногам, в конце концов, она – тоже женщина.

Никите Державину и его роду грозит смертельная опасность. Враги действуют жёстко и глобально. Как он будет справляться с новыми трудностями вы узнаете из продолжения истории про Примарха.

А кто говорил, что будет легко? Я – Примарх, и это начало моего восхождения!

*

Восхождение Примарха — 3

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

*

Восхождение Примарха — 3

Глава 1

ОТ АВТОРОВ: Дорогие читатели, это третий том истории Никиты Державина. Первый вы можете прочитать по ссылке: <https://author.today/work/310489>

Один из телеканалов центрального телевидения Российской империи.

— А мы прерываем нашу программу передач для срочного выпуска новостей. Только что нам стало известно о мощном взрыве возле небоскрёба, принадлежащего министру транспорта Игорю Державину. Там уже работала наша съёмочная группа в надежде получить комментарии по поводу смерти нашей коллеги Виолетты Цыпочкиной, но на данный момент никто из той группы на связь не выходит. Мы надеемся, что все живы, а сейчас передаём слово нашему корреспонденту на месте. Мария, здравствуйте.

— Здравствуйтесь, Анастасия. Действительно, сильнейший взрыв потряс сегодня Воробьёвы горы. Мы стоим у ограждения, до небоскрёба Державиных более ста метров, но даже отсюда видно, что нижние этажи сильно повреждены. Выбиты практически все стёкла. Наклона башни незаметно, но будем ждать комментарии специалистов.

— Скажите, Мария, что известно к этому часу? Какие версии произошедшего? Кто пострадал и, вообще, как обстановка на месте?

— Да, Анастасия. Вот, что известно к этому часу: взрыв прогремел в двенадцать ноль две по Московскому времени. Весь род Державиных, за исключением старшей дочери младшей ветви Елены в замужестве Мещерской и Ольги Державиной — жены Игоря Всеволодовича, собрался в крематории для прощания с Ростиславом Леонидовичем, погибшим позавчера при взрыве на одном из заводов рода. Наши коллеги, кто присутствовал при этом, передают, что видели, как девять человек прошли в крематорий буквально за несколько минут до взрыва. И никто не видел, чтобы они оттуда выходили. Что же касается пострадавших, то мы

можем говорить лишь о наших коллегах с разных каналов, присутствовавших в тот момент на месте. Ранено двадцать пять человек, трое погибли. Анастасия?

— Да, Мария. Скажите, что по поводу Державиных? Есть вообще какие-то сведения? Живы они или нет? Заявления от их представителей? Хоть что-нибудь? И ещё очень хотелось бы узнать о судьбе нашей первой съёмочной группы. Мария?

— Да, Анастасия. Что по поводу наших, на месте работает несколько бригад скорой помощи. Они вывозят всех, кого могут, и большая часть пострадавших без сознания. Взрывная волна была настолько мощной, то вывело из строя всё оборудование поблизости. Что касается Державиных, никаких комментариев ни от кого нет. Территория небоскрёба полностью закрыта от посещения, и мы видим, что на месте завалов работают их люди: медики и пожарные, но получить у них комментарий не представляется возможным. Анастасия?

— Да, Мария, скажите, пожалуйста, как оценивается ущерб от взрыва, что специалисты говорят о мощности взрывного устройства, кто за этим может стоять? Мария?

— Да, Анастасия. Ущерб пока сложно подсчитать, но совершенно точно ясно, что он исчисляется миллионами рублей. Как сказал нам один из медиков, который работал в медицине катастроф, рвануло не меньше ста килограмм, а, может быть, и больше. Если обойти огороженную территорию, можно найти отдельные фрагменты здания крематория. А это около ста метров, я напому. Что же до заказчиков этого громкого теракта тут высказывается на данный момент несколько версий. Начиная от движения сопротивления аристократам, которое взяло на себя ответственность за смерть Ростислава Леонидовича, до переделов сфер влияния. Потому что тайно подготовить теракт, в котором, возможно, погиб целый род, причём, не самый последний в империи, просто так невозможно. В любом случае, повторяюсь, никаких официальных данных и версий ещё нет, поэтому мы можем только фантазировать на эту тему. Анастасия?

— Да, Мария, мы вас поняли. Держите нас в курсе развития событий. А мы переходим изменённой сетке передач. Напому, сегодня в полдень был взорван родовой крематорий Державиных, где в этот момент проходило прощание с одним из представителей рода...

*

— Ну что же, — сказала принцесса, смахивая занявшийся было огонёк на манжете. — Начнём сначала. Насколько можно доверять нашей службе безопасности?

Отец-император выглядел потерянным. Он часто моргал и то и дело открывал рот, пытаясь что-то сказать, но закрывал его, так и не проронив ни звука. Но на вопрос дочери отреагировал. Он мотнул головой, словно прочищая мозги, и потёр ладонью лоб. В целом, он производил впечатление человека, который долгое время шёл наощупь в темноте и вдруг, в единое мгновение вышел на яркий свет.

— Да к чёрту службу безопасности, — проговорил он ещё довольно глухим голосом. — Скажи мне про ребёнка. У меня будет внук?

— Ты всё узнаешь в своё время, — строго ответила на это Варвара. — Сейчас скажи мне, как ты относишься к Разумовскому и почему ты в последнее время так приблизил его к себе, хотя он на пенсии.

— Интересный вопрос, — ответил император и задумался. — Знаешь, — продолжил он через некоторое время, — мне казалось, что это неплохая идея, ведь он столько лет был при дворе. Щиты мне ментальные ставил.

— Судя по всему, не только щиты, да? — поинтересовалась принцесса. — Скажи, мог он попытаться использовать тебя в своих целях?

— Теперь я чувствую, что на меня было оказано ментальное воздействие. Ты вывела меня из себя, я психанул и сжёг щиты, поставленные Разумовским. А вместе с ними... Вот же гад! А я ему доверял...

— Контрольный вопрос: что ты думаешь про Скуратова и свадьбу с ним?

— С кем? Со Скуратовым? Да он же бастард, неизвестно чей. Какая ещё свадьба? Ах ты ж, сучёныш, — монарх вспомнил, что говорил несколько минут назад. — Теперь я понимаю твоё негодование. Но что с ребёнком-то? У меня будет внук?

— Когда-нибудь обязательно будет, — ответила Варвара. — Но не в этот раз. Мне нужно было лишь вывести тебя из себя, чтобы вернуть моего рассудительного отца.

— Что ж, — грустно усмехнулся император, — по крайней мере, одну мою болевую точку ты нащупала очень хорошо, — он огляделся. — Теперь понятно, почему мы с тобой тут.

— Так что будем с заговором-то делать? — поинтересовалась принцесса, видя, что отец полностью пришёл в себя. — Тут налицо прямая попытка захватить власть и воздействовать на действующего императора против его воли. Такое просто невозможно спустить с рук.

— Ты абсолютно права, — согласился Ярослав Иванович. — Но мне нужны доказательства, сама понимаешь. Скажи, откуда ты узнала о том, что на меня оказывается ментальное воздействие?

— Никита Державин попросил о свидании и рассказал, что ты под влиянием. Как ты понимаешь, я в этом убедилась сполна, — ответила Варвара.

— Державины, Державины, — себе под нос пробубнил монарх. — Опять эти Державины. Так, я сейчас же вызову их к себе, и всё у них узнаю.

И в этот момент телефон императора буквально завопил. Такой сигнал мог сработать только в одном случае, если кто-то инициировал протокол «ЧП».

— Да, слушаю, — ответил монарх.

— Род Державиных уничтожен в собственном небоскрёбе. Инициирован протокол «Война».

Как прикажете действовать?

— Сварог всемогущий, — Ярослава Иваныча враз покинули силы. — Расследуйте и найдите виновных.

— Есть.

В то же время пришло сообщение принцессе.

«Никиту Державина взорвали на похоронах. Держись».

Варвара побелела, закусила губу, а по её щеке побежала слеза. Но на этот раз она сдержалась. Никаких больше бесконтрольных взрывов. Никогда

*

«Да, Мария, мы вас поняли. Держите нас в курсе развития событий. А мы переходим изменённой сетке передач. Напомню, сегодня в полдень был взорван родовой крематорий Державиных, где в этот момент проходило прощание с одним из представителей рода...»

Лишь только она дала согласие на сотрудничество, Валю перевели из допросной в комнату, больше похожую на апартаменты аристократов, нежели на тюремную камеру. Тут было всё: постельное бельё, халат, тапочки, холодильник, стиральная машина, телевизор. Вот последний-то она и включила от нечего делать. На свою беду.

И теперь стояла, впившись глазами в изображение развалин крематория Державиных. Развалин, под которыми находился дорогой её сердцу человек.

Стул, в который она вцепилась мёртвой хваткой ощутимо тлел. Девушка закусила губу и побледнела. И если бы хоть кто-нибудь во всём мире сравнил бы её и принцессу, нашёл бы их чрезвычайно схожими. Вот только Валю переполняла тихая ярость, которая в какой-то момент взяла верх над рассудком. Круг невыносимо жаркого пламени разошёлся от неё по апартаментам, а потом и за их пределы.

Взвыла пожарная сигнализация.

«Они использовали меня, — думала девушка. — И как только я согласилась занять трон, сразу же стали устранять всех неудобных. И начали с Никиты. С моего Никиты. А ведь я и согласилась-то только из-за надежды, что он когда-нибудь полюбит меня. Или не только?»

И тут она вспомнила. Словно некая скрывающаяся пелена упала с её памяти.

Варвара, целующая Никиту. «Это потому что ты не принцесса, — говорит старик Разумовский. — Согласись ею быть, и Державин — твой». Обломки крематория. «Державин — твой». Он соврал. Нагло соврал! Но это ещё не всё.

Скуратов, зачистивший к ней по два, а то и по три раза в день, чтобы «просто поговорить». О

чём? О том, что ей нужен будет рядом надёжный человек. Например, такой как он. Не такой, как Державин. Державин ненадёжный. А такой, как он, Скуратов. И она же начала испытывать к нему симпатию? Как! Как такое возможно! Он же ей не понравился с первого взгляда.

Тогда в баре. Только сейчас она вспомнила и поняла, что напоил её чем-то именно Скуратов. Это он накачал её какой-то отравой, а потом стоял над ней, пока её рвало в подворотне, и выспрашивал всё про Никиту. Про Никиту! Они сразу не собирались оставлять его в живых. Вот эти двое: Скуратов и старик Разумовский.

— Вот твари, — вслух произнесла она, но за треском разрастающегося пожара даже она сама не услышала собственного голоса.

Это же Скуратов взял её кровь и выяснил, что она — бастард императора. Это он влез в её жизнь и сломал её на корню. Какую такую симпатию она могла испытывать к нему? Ясно одно, они использовали её. Они проникли в её мозг. Проникли в кровь. И хотели проникнуть в кровать.

Ну уж нет, этого она им теперь точно не позволит.

«Но куда бежать? Я могу выйти отсюда прямо сейчас, пока суматоха и неразбериха. Но куда я денусь? Домой нельзя. Никиты нет, он бы обязательно защитил меня. Куда? Куда?»

Телевизор давно оплавился и погас, но девушка всё ещё видела на нём картину разрушенного крематория.

— Куда! Куда! Куда! — лихорадочно повторяла она.

И тут ей в голову пришла гениальная, как ей показалось, идея. Слившись с бушующим вокруг пламенем, она выскользнула из золотой клетки и поспешила туда, где, она на это надеялась, ей не только удастся найти приют и защиту, но также она сможет донести информацию о готовящемся покушении на императора. Причём, покушении от собственной же безопасности.

Решение далось очень нелегко, так как девушка не привыкла ни у кого просить помощи. Однако сейчас ситуация была совершенно иного характера. Опасность угрожала всей стабильности в империи. Поэтому просить она будет не для себя. Ну и плюс никто и никогда не догадается, к кому она пошла. Будь он хоть трижды менталистом.

«Так, — думала Валя, — надо только найти подходящий предлог, чтобы меня впустили. Ну и за причёску, конечно, придётся ответить».

*

За сутки до этого.

— Как ни прискорбно это признавать, — сказал дед, — они смогли заполучить одного из

моих лучший сотрудников. Стас Громобой — это настоящий профессионал. Если ему доверили нас убить, поверьте, жить нам осталось недолго.

Кажется, лишь я да дядя Слава смогли в полной мере оценить весь недобрый юмор Игоря Всеволодовича. Остальные как-то попритихли.

Мы снова собрались на общеродовой совет, но теперь уже с новыми вводными данными. Итак, охотилась на нас имперская собственная безопасность, и влезть они смогли во все уязвимые места.

Мой отец сидел с отсутствующим взглядом. Ему показали допрос фон Боде, но его не отпустило. Скорее, наоборот. Он начал рыдать и пытался целовать экран. Деду вроде бы пообещали поработать со снятием психической привязки, но сейчас на него было страшно смотреть.

Конечно, император не одобрил бы подобных методов. Вообще даже во время войны кланов запрещены подобные приёмы. Просто потому, что размывают грань в понятии свой/чужой, и начинается не война, а настоящая бойня. Вообще, если вскрыется, что творил Разумовский, ему грозит смертная казнь.

Но это в том случае, если мы выживем и предоставим необходимые доказательства. И именно сейчас мы вплотную занимались первым пунктом.

В дверь постучали.

— Входите, — распорядился дед.

В комнату вошёл бравый безопасник — косяя сажень в плечах и с совершенно незапоминающимся лицом. Я бы его легко перепутал с любым другим.

— По вашему указанию прибыл, ваше сиятельство, — пробасил великан.

— Скажи, ты сегодня ответственный за зону лазарета и морга? — спросил дед у безопасника.

— Так точно, — ответил он.

— Как вахта? Без происшествий?

— Так точно, — снова отрапортовал громила. — Только в районе восьми утра Стас Громобой снял всю охрану с первого этажа. С морга, лазарета, крематория, нескольких технических помещений первого этажа. Но затем, после вашего отъезда в башню младшей ветви, охрана была восстановлена.

— И ничего необычного не заметили? — поинтересовался Игорь Всеволодович.

— Никак нет, — ответил безопасник.

— Собирайтесь, пойдёмте, — сказал дед нам, а затем перевёл взгляд на пришедшего. — Проводи-ка нас к записям с камер безопасности.

С дедом пошли не все. Николай остался с отцом, который всё ещё не до конца понимал, что происходит вокруг него. Я бы предпочёл, чтобы брат был рядом со мной, так как на него я ещё мог положиться, а вот на Леонида с Филиппом — нет.

Мы прошли в помещение, куда выводились картинка с сотен камер слежения. Система работала так, что пока в объектив камеры не попадало ничего подозрительного, изображение с неё передавалось лишь на второстепенный экран. Но в случае любой нестандартной ситуации, картинка выдавалась на один из главных экранов, перед которыми всегда дежурили люди.

— Какие камеры обслуживают тот сектор, — спросил у безопасника дед. — Я хочу посмотреть видео с них.

— Так, — пробасил великан. — Камера номер пятнадцать, номер двадцать семь, с тридцать второй по пятидесятую и девяносто восьмая.

— Ну, — дед тяжело вздохнул, — давай по порядку.

— Подождите, — вмешался я. — Давайте, первым делом посмотрим камеры из крематория.

— Почему? — спросил меня дед, и, кажется, тут же додумался сам. — Самое удобное место, согласен.

— О чём вы? — спросил дядя Слава.

— Если нас хотят устранить, делать это будут не в морге и не в лазарете, — ответил я.

— Ну да, — согласился дядя Слава. — Лучшего места, чтобы снести всех разом и не найти.

Видео на камерах не оказалось. Вообще. В промежуток времени между восемью и девятью часами утра они просто ничего не записывали.

— Как такое могло произойти? — сурово спросил у безопасника дед.

— Извиняюсь, ваше сиятельство, — тот буквально сначала побелел, а затем позеленел. — Никак не могу знать. Судя по всему, Громобой отключил запись.

— А на такой случай оповещение не предусмотрено? — удивился Игорь Всеволодович.

— Если отключение вещания производится по протоколу, то оповещение не срабатывает, — ответил громила.

— Понятно, — вздохнул дед. — Это нужно исправить. Но не прямо сейчас. Сейчас бери парней и дуй за нами в крематорий. Будем искать подарочек.

Уж не знаю, почему, но я сразу полез в печь. То ли чутьё сработало, то ли логика, но мне почему-то показалось, что печь выглядит неплохо для минирования. Правда, уже позже я понял, что, если бы минировали там, то крематорий рванул бы намного раньше, чем мы туда пришли.

Сначала я ничего не увидел. А потом, периферийным зрением уловил верёвочку. Как оказалось, это была завязка от вытащенной Стасом ленты для дожига костей.

— О, — сказал на это дядя Слава, — теперь точно ясно, куда.

Он одним резким движением рванул на себя боковину гроба. Дерево внешней отделки расщепилось, являя глазам широченную ленту взрывчатки, опоясывающую внутренний металлический ящик.

— Осторожней! — вскрикнул Леонид. — Это же для Ростика!

— Ого, — уважительно произнёс дядя Слава. — Композитное бабахалово, уважают, гады.

— Хорошая взрывчатка? — поинтересовался я, как и дядя, не заметив ремарки Леонида.

— Первый класс, — поглаживая смертоносное вещество, словно родную дочь, доложил дядя Слава. — И столько, что можно в Поднебесную улететь, не выходя из крематория. Один минус взрывать надо смертником.

— В смысле? — уточнил я.

— Из-за собственного излучения она блокирует сигналы дальше тридцати метров. И я пока не слышал, чтобы это как-то исправили.

— Надо найти детонатор и извлечь его как-нибудь, — сказал на это дед. — Я на самолётах привык летать, а не на бомбах.

— Нет, ну, про Поднебесную — это я, конечно, загнул, — проговорил дядя Слава, оглядывая ленту на предмет детонатора. — Но килограмм сто пятьдесят в тротиловом эквиваленте тут точно есть.

А у меня в это время родился план.

— А давайте не будем разминировать, — сказал я.

И как раз в этот момент примчались безопасники. Увидев композитную взрывчатку, опоясывающую гроб, они широко раскрыли глаза. Ещё бы, едва не проморгали покушение на хозяев.

— Что значит, не будем? — удивился дед. — Оно же тогда рванёт! — затем посмотрел на безопасников и добавил: — Подождите пока в комнате охраны. Я вызову.

Те ретировались.

— Конечно, рванёт, — ответил я. — И это будет нам на руку.

— Никита, ты что? Ты хочешь, чтобы мне весь небоскрёб разворотило? Ты с головой дружишь вообще? Я его собственными потом и кровью взрастил. Я в него душу вложил. А ты говоришь — взорвать.

— Но, если этого не сделать, под угрозой останется весь род. А это куда более ценный ресурс, нежели простое здание, не так ли?

— Никита дело говорит, — вмешался в разговор дядя Слава, до этого переводивший взгляд с одного на другого и обратно. — Это может быть сильным тактическим ходом. Если они решат, что все мы погибли, то переключатся на следующие пункты своего злодейского плана.

— Знать бы ещё на какие, — сказал я. — Но что-то мне подсказывает, не мы — их главная цель. Мы — так, одно из препятствий, которые надо устранить.

Дед смотрел на нас таким взглядом, словно мы его предали. А вот Леонид с Филиппом выглядели полным балластом. Более того, они вообще не понимали, что происходит.

— То есть вы хотите, чтобы всех нас взорвали и об этом раструбили по всем СМИ, так, что ли? — поинтересовался дед.

— Фактически так, — согласился я. — Полагаю, огласка из-за резонанса будет тотальной. Разумовский решит, что его план сработал, и немного расслабится. Тут-то мы его и прижучим.

— Вы понимаете, что это война? — спросил дед настолько беспечным тоном, словно хотел узнать, сколько сейчас времени. — И не просто война, а с менталистами. Вы же видели, что они с Сашей сделали? А он очень крепкий в плане воздействий.

— Не мы эту войну развязали, — сказал на это дядя Слава. — А взрывчатка в нашем крематории. Так что я за большой шурум-бурум.

— Нужно собрать доказательства и пробиться к императору, — проговорил я.

— Ага, — полным сарказма тоном сказал дед. — Явиться ему призраком и сказать: это Разумовский меня взорвал, у-у-у.

Я невольно улыбнулся, представив эту сцену. Особенно министра транспорта, укутанного в простыню.

— Но ты прав, — продолжил Игорь Всеволодович. — Мы должны собрать все доказательства, какие сможем, и обратиться к императору с просьбой разрешить сатисфакцию. И чует моё сердце, что инцидент с ветряками и тайфун — это всё одного

дерева яблочки. И зовут это дерево — Виталий Кириллович.

— Отличный план, — сказал дядя Слава. — Мне нужно наше ЧВК предупредить, чтобы были готовы к любому развитию событий.

— Ты погоди, — сказал дед. — Нам надо ещё решить, как мы завтра действовать-то будем. А то взорваться-то всё взорвётся, а мы?

Я прикинул, где мы сможем отсидеться первое время. Понятно, что в башню младшей ветви возвращаться нельзя. Беллу тоже подставлять не хотелось. А вот готовить контрудар под крылом сильного рода — вполне приемлемо. И, кажется, у меня есть на примете такой род.

— А мы поедем отсюда напрямик к Грозовым, — сказал я. — Наверняка, у тебя подземная ветка в ту сторону есть.

Насчёт последнего я не знал наверняка, но надеялся, что не ошибаюсь.

— Есть, — прищурившись ответил дед. — Не к ним, конечно, но проходит совсем недалеко. Надо будет подготовить машину, чтобы забрала нас из точки. Вот только я не уверен, что Грозовы захотят нас укрыть.

— Не переживай, — проговорил я. — Я Катерину от смерти спас, так что я договорюсь. И машина тоже пусть будет их. Только скажи координаты точки.

— Ладно, я к бойцам, — сказал дядя Слава. — Потом скажете, что решили, а пока я не помощник.

— Хорошо, — дед, кажется, решился на сомнительную, по его мнению, операцию. — Стрибог нам в помощь.

После отъезда дяди Славы мы ещё обсудили, как сможем воздействовать на Разумовского. Ничего, кроме захвата его дочерей, нам в голову пока не приходило. Однако на подкорке этот вопрос остался.

*

Следующие приготовления заняли практически весь день.

Сначала я поехал к Грозовым и едва пришедшему в себя Арсению рассказал и показал, что хотят с нами сделать. Так же упомянул, кто к этому причастен. Услышав про Разумовского, Грозов сказал:

— Не хотел бы я ссориться с собственной безопасностью, а уж тем более с менталистами. Но, если речь идёт лишь о том, чтобы укрыть вас на время, то почему бы и нет? Всё-таки я у тебя в долгу.

— Спасибо, Арсений, — сказал я. — Понимаю твои опасения, но правда за нами. Тебе

потом император ещё спасибо скажет. А, может, и медаль какую пожалует.

Громов грустно усмехнулся.

— Если доживу.

Затем я поехал к Белле на Патриаршие.

Она выслушала меня в гробовом молчании. Мне показалось, что она даже шампанское за это время ни разу не отпила. Когда я закончил, она встала.

— Ты очень смелый, — проговорила она. — Я счастлива, что у меня такой внук. Пусть у тебя всё получится!

В это же время дед с моим отцом поехали к Илье Святославовичу Вяземскому. Тот снял слепок воздействия на моего отца, а у каждого менталиста оно уникальное, как отпечатки пальцев, так что одним доказательством стало больше. А затем принялся избавлять Александра Игоревича от ментальной привязки к Матильде фон Боде.

— Будет непросто, — сказал он. — Потребуется время.

— У нас есть только сегодня, — ответил на это дед.

Вяземский вопросительно на него посмотрел.

— Завтра, — продолжил Игорь Всеволодович, — друг мой, ничему не удивляйтесь. А где-нибудь ближе к обеду я попрошу вас приехать в усадьбу к Громовым.

Илья Святославович поднял правую бровь.

— Дело государственной важности, — закончил дед.

И Вяземский кивнул. Он не любил много разговаривать.

Дядя Слава встретился с руководством нашего ЧВК. Им надлежало быть готовым к нескольким вариантам развития событий.

— В случае начала боевых действий против рода, — вещал дядя Слава, — вы получите сообщение с текстом «игры разума». Если нужно будет прикрыть Игоря Державина, пока он будет устранять неудобных, сообщение будет «прикрытие». Если нужны будут новые вводные, то «варианты». Ясно?

— Так точно, — ответили ему.

И, наконец, Николай отправился к нашей старшей сестре Елене, чтобы предупредить её. В последнее время она редко бывала в родном доме, но лишь по причине того, что её годовалый ребёнок постоянно болел. Все врачи разводили руками. Но я, услышав об этом,

решил, что после того, как данное противостояние закончится, обязательно осматриву малыша. Думалось мне, что не всё так просто с его болезнью.

*

В ночь перед взрывом мне очень хотелось спать. Пришлось буквально за волосы себя вытаскивать из царства Морфея.

«Архос, — позвал я. — Мне нужно научиться противостоять ментальной магии».

«За одну ночь? — поинтересовался мой наставник. — Не думаю, что это возможно».

«Судя по тому количеству магий, которые ты в меня запихал, мне жизни не хватит, чтобы их все изучить», — заметил я на это.

«У тебя будет долгая жизнь, — пообещал Архос. — И интересная».

«Если сегодня не научусь ставить блоки, — проговорил я. — То, возможно, очень короткая. Хотя и не менее интересная».

«Хорошо, — сдался Архос. — Закрой глаза. Я буду тебе рассказывать, что ты должен делать, а ты старайся повторять. Фактически, самый действенный ментальный блок — это второй слой сознания, в котором нет ни единой мысли. Такой вакуум вокруг мышления. Но любой менталист сразу же поймёт, в чём дело. Поэтому в вакуум разума-обманки нужно поместить ничего не значащие мысли, и вот это уже сложнее. А ещё более сложно управлять этими мыслями в зависимости от окружающей ситуации, не забывая, что они лишь обманка».

«Сложно, — согласился я. — Но я буду стараться».

И я старался до самого утра, пока у меня, наконец, не начало получаться. Для этого пришлось представить, что моя голова находится в центре аквариума, в котором плавают мысли-обманки.

Так мне этот аквариум и снился до тех пор, пока не разбудил будильник и не позвал специально для общественности взорваться вместе со всем родом.

Глава 2

Две самых больших проблемы заключались в том, чтобы защитить тело Ростика от грядущего взрыва. А вторая — уговорить деда, что, в целом, ничего страшного не происходит и, когда всё закончится, мы обязательно починим небоскрёб и крематорий.

Третья проблема вырисовалась сама собой и стала откровенным испытанием. Утром мы обнаружили, что дом деда осаждён репортёрами. Пара съёмочных групп паслась и возле нашей башни, но те были совсем отчаянные. Основная масса знала, что мы все соберёмся тут, в министерском небоскрёбе.

К нам их привело неожиданное убийство Виолетты Цыпочкиной. Если честно, мне было её жаль. Она была настоящим профессионалом своего дела. И, что характерно, погибла она после того, как связалась со мной. Однако это не моя вина.

— И что делать? — шепнул мне Николай, когда мы вышли из своих автомобилей. — Это же смертники! Шугануть их?

— Шугани, — согласился я. — Только вот не послушают они тебя. Подумают, что ты их свободы притесняешь.

Николай покачал головой, а затем попытался отогнать корреспондентов и остальных членов съёмочных групп, которые несли такую околесицу, что у меня за полминуты уши в трубочку свернулись. Ясное дело, ничего не вышло. Представители СМИ подняли вой и ещё теснее сгрудились вокруг башни и особенно крематория.

— Не берите в голову, — сказал дядя Слава. — Мы для них уже ничего не сможем сделать.

— Эх, надо было предвидеть, — проговорил я. — Мне ж ещё вчера позвонил Олег и предупредил.

— Всего не запланируешь, — отрезал дед. — Пойдёмте, пора парадно проходить на заклание.

В крематорий было два хода. Один, по прозрачному коридору, для скорбных торжеств. Второй — технический для чистки печки, сбора пепла и прочих санитарных процедур.

Войдя в крематорий у всех на виду, мы тут же повернули в технический вход и мгновенно ретировались от ста с лишним килограммов композитной взрывчатки. Прибавив шагу, мы спустились вниз и сели в вагон. Без одной минуты двенадцать мы покинули пределы небоскрёба на Воробьёвых горах.

Однако взрыв был такой силы, что свет в вагоне мигнул, нас немного трянуло. И это несмотря на расстояние в несколько километров.

— Мой дом, — шептал дед, закрыв лицо. — Мой любимый дом.

Вагон остановился в назначенном месте. Пока двое безопасников ходили выяснять, на месте ли машины, мы переоделись в неприметные костюмы рабочих. Сейчас в нас сложно было узнать аристократов. Лица мы закрыли лёгкими респираторами. Теперь нас можно было принять за канализационных техников или что-то вроде того.

Вернулись безопасники и доложили, что автомобили нас ожидают в условленном месте. Стараясь не привлекать ненужного внимания, мы погрузились и уже через пятнадцать минут были в усадьбе у Громовых.

По пути мы включили телевизор, по которому всю рассказывали, как нас взорвали.

— А ведь мы могли бы быть внутри, — задумчиво проговорил мой отец, который стал постепенно приходить в себя после вчерашнего посещения Вяземского.

— Почти для всего мира так оно и есть, — сказал дед.

*

Первой нас вышла встречать Катерина. Я буквально видел, как она себя сдерживает, чтобы не кинуться мне на шею. И всё-таки уловив момент, когда остальные были заняты приветствием друг друга, она крепко обняла меня и шепнула на ухо:

— Спасибо, ты — настоящий друг!

— Полагаю, так на моём месте поступил бы каждый, — ответил я с улыбкой.

Мне нравилось, что она в приподнятом настроении.

— Но не каждый способен был вернуть мне меня, — загадочно произнесла она, а затем запустила фонтан прозрачной воды из правой ладони.

Создав в воздухе полуметровую дугу, водный поток исчезал в её левой руке.

— О, — я почти искренне удивился, — ты снова можешь колдовать?

— Да, — ответила она, показывая всё своё удовольствие. — Я снова ведьма, а не чёртов нулевик!

— Но-но-но, — произнёс я потрясая указательным пальцем. — Нулевики тоже люди, не надо мне тут.

Она снова приблизилась ко мне и понизила голос до того, чтобы её никто, кроме меня не смог услышать.

— Ты-то уж точно не нулевик. Я больше на эту байку не поведусь.

— Хочешь, в академии проверим, когда... — я замялся, но достаточно быстро нашёлся. — Когда всё это закончится.

— Всё очень и очень серьёзно, да? — спросила она, заглядывая мне в глаза.

— Ещё как, — я пытался сохранять ироничное настроение. — Даже пришлось дедову халупу разнести.

— Да не, — засмеявшись ответила Катерина. — Говорят, даже не покосился ваш небоскрёб. Стёкла, конечно, повыбивало, но при таком взрыве это не удивительно.

— Это ещё дядя Слава сообразил, — припомнил я. — Он как-то хитро развернул гроб так,

чтобы небоскрёб пострадал меньше всего.

— Вы, конечно, молодцы, — Громова смотрела на меня с нескрываемым восторгом. — Мои вряд ли бы на такое решились.

— Дети, вы идёте? — позвал нас дед. — Потом ещё наговоритесь.

Мы переглянулись и поспешили внутрь.

*

Переговоры устроили в большом конференц-зале. Громовы сели с одной стороны, нас усадили с другой. У самого стола сидели с их стороны Арсений, Вадим Давыдович, Андрей Вадимович, младший брат Арсения, и Катерина. Остальные Громовы расселись вдоль стены чуть поодаль.

С нашей стороны за стол сели Игорь Всеволодович, дядя Слава, Николай и я. Леонид с женой и сыном, а также Карина с отцом расположились у стенки.

Первым взял слово Арсений. Он встал, ещё раз всем кивнул и сказал:

— Уважаемый род Державиных, вы просили у меня помощи, вы её получили. Как мы и обещали, мы сможем укрывать вас неделю или две. Ровно столько, сколько будет нужно. Отдельно подчеркну, что это вряд ли стало бы возможно без той помощи, что была оказана Никитой Державиным мне и моей дочери.

Проговорив официальную часть, он выпил воды и обратился к нам уже более раскованно.

— Прошу располагаться. Ваши комнаты вам покажут, как только мы закончим. На улицу, ясное дело, пока выходить не рекомендую, а так мой дом — ваш дом, пока всё не наладится.

— Само-то оно и не наладится, — взял слово Игорь Всеволодович. — Мы на самом деле очень благодарны вам за приём. Естественно, в долгу мы не останемся и эту помощь не забудем, а воздадим вам сторицей. Однако, — дед вышел из-за стола и принялся прохаживаться по конференц-залу, — на том, что мы сказались убитыми и бросили свой дом, наша война не заканчивается. Она только начинается. Наши враги — менталисты из собственной безопасности, довольно опасные соперники. Поэтому я хотел бы просить вас, Арсений, и тебя, Вадим Давыдович, встать с нами в этой войне плечом к плечу.

Мысленно я даже поаплодировал. Речь была краткой, но блистательной.

— Нет, — ответил Арсений. — Мы в эту битву вмешиваться в качестве одной из сторон не будем. Любую поддержку мы вам окажем, но это ваша война. Нас она не касается.

— Я могу тебя поддержать, друг, — сказал Вадим, — но только как частное лицо. Дела рода в руках у Арсения.

Катерина напряглась от ответа отца и вся выпрямилась. А я вспомнил эту её позу. Именно такой я увидел её впервые в академии. Она явно что-то хотела сказать, но сдержалась, понимая, что пока время высказать свою позицию ещё не пришло.

Игорь Всеволодович приподнял бровь. Не то чтобы он удивился, он, видимо, был готов к подобному ответу, но всё-таки немного разочаровался в Арсении. А я подумал, будь я на месте отца Катерины, что бы ответил я? У меня ответственность за весь мой род, стану ли я ввязываться в драку на стороне другого рода? Да, мне оказали помощь, но не слишком ли великую цену за неё просят?

— Благодарю за прямоту, — ответил дед. — Я очень ценю, что вы говорите так, как думаете, — он встал позади своего стула и оперся на его спинку. — Но я полагаю, что вы ошибаетесь, думая, что это исключительно наша война. Судя по всему, мы лишь незначительный элемент в грядущей битве. Одна из фигур, скинутая твёрдой рукой с доски в самом начале игры.

— При всём моём уважении, — Арсений весь подобрался на стуле, словно на него грозили напасть, — это всего лишь домыслы. Нет никаких оснований так думать. Да, есть факт угрозы вашему роду по невыясненным нами причинам. Продолжается это ещё с тех пор, как кто-то остановил ваши ветряки, всё так. Но ни о каких глобальных воздействиях лично я не знаю. Я просто не вижу смысла рисковать всем своим родом. Полагаю, вы меня прекрасно понимаете.

— Но как же, — проговорил Игорь Всеволодович, понимая, что переговоры затянутся, и занимая своё место за столом. — Ведь было воздействие на императора. Было покушение на принцессу. Доказанное воздействие на моего сына. Подтверждённое проникновение в сознание безопасника. Вы же понимаете, что на нашем месте мог быть каждый?

— Я позволю себе с вами не согласиться, — Громов явно не получал удовольствия от разговора, но и не прерывал его, так как хотел полностью обосновать свою позицию. — Что касается отца-императора, то, кроме ваших слов, у нас никакой информации на этот счёт нет. Покушение на принцессу было организовано графом Ошибкой, которому вообще не следовало носить титул, но это дело не нашей компетенции. А все остальные случаи связаны исключительно с вашим родом. Да, я соглашусь, что ментальное воздействие на сотрудников безопасности рода — это вопиющее преступление, которое должно быть расследовано должным образом. Ментальное программирование аристократов вообще нонсенс. И тут я полностью на вашей стороне. Но я не могу только по этим причинам ввязываться в драку, вот что я прошу вас понять.

— Какого рода доказательства вам нужны? — спросил Игорь Всеволодович.

Арсений взглянул на него, словно уже жалея, что вообще пустил нас. Он посчитал, что достаточно высказал свою позицию. Но нет, его упорно тащили к войне.

«Архос, я, что, стал понимать, что думают люди?»

«Не совсем. Ты улавливаешь не мысли, а, скорее, эмоции».

«То есть, эмпатия потихоньку подключается?»

«Это самая естественная для социальных существ магия, так что неудивительно. Я больше жду, когда в тебе джайв-магия проснётся».

«А это что ещё за магия такая?»

«Тебе понравится», — ответил Архос и, кажется, мерзко захихикал.

— Сын, — взял слово Вадим Давыдович. — Ты подумай, в чём-то Игорь прав. Это мог быть наш безопасник или наш родственник. А по поводу императора, мой друг не будет напраслину возводить.

— Отец, — сказал Арсений, как отрезал, — я бесконечно ценю ваше мнение, но в данной ситуации считаю нецелесообразным подставляться под удар менталистов. Вы же не зря отошли от дел и передали мне управление родом? И потом, мы только-только пережили болезнь Катерины. Что же до доказательств, — он обернулся к деду, — Игорь Всеволодович. Если мне кто-то ещё подтвердит это, и, если я пойму, что существует угроза империи, или монаршей семье, я незамедлительно встану возле вас.

А я подумал о том, что, к величайшему сожалению, не могу никак рассказать всем присутствующим о потоках энергии, собираемых с уважаемых семей по всей Москве и не только. И что все эти ручейки стекаются всё к тому же Разумовскому. И что из Громовой магию качали те же самые менталисты, что и решили взорвать нас. Я понимал, что такая информация мигом бы развернула Арсения в нашу сторону. Но... это была запретная тема.

В этот момент сработало оповещение на устройстве возле него.

— Слушаю, — сказал он, а затем поднял удивлённые глаза на Игоря Державина. — Там Вяземский... — с тоном, в котором сквозила нерешительность, произнёс он.

— Да, — сказал дед. — Это я его позвал ещё вчера. Надеюсь, его слова будет вам достаточно?

Арсений закатил глаза.

Вяземскому освободили место с нашей стороны, но не рядом со мной, а через стул, словно подчёркивая, что он — третья сторона. Полагаю, если бы о его прибытии было бы известно заранее, столы поставили бы вообще иным образом. А так пришлось убирать целых два стула, чтобы влезло инвалидное кресло Вяземского.

Все поприветствовали нового участника совещания, а затем уселись на свои места. Прислуга подала воду взамен выпитой в первом туре.

— Игорь Всеволодович, — произнёс Илья Святославович. — Для начала хочу отметить, что очень рад целостности и сохранности вашей семьи. Честно говоря, увидев утренний репортаж, я уже хотел было отменить поездку. Но затем вспомнил, как вы сказали, чтобы я ничему не

удивлялся и приезжал. Моё почтение, шоу удалось на славу.

Мой дед привстал и поклонился.

— Премного благодарю за тёплые слова. Я, собственно, хотел попросить подтвердить вас факт воздействия на императора, так как Арсений Громов при всём своём уважении ко мне нуждается в дополнительных свидетельствах.

— Ах, — сказал Илья Святославович. — Нет ничего проще. Можете дать видео с презентации телепорта куда-нибудь на экран?

Дед подсоединил свой телефон к проектору и включил нужный видеоролик.

— Вот тут остановите, пожалуйста, — попросил Вяземский. — Теперь посмотрите внимательнее, что вы видите?

Все присутствующие пожали плечами, кроме дяди Славы.

— Рот у него как-то странно скособочен, — сказал он.

Теперь увидели все. И действительно, одна сторона рта Ярослава Ивановича лучезарно улыбалась, а другая опустилась вниз, а в уголке было видно бисеринку слюны.

— Абсолютно верно. Такое могло произойти при инсульте, о котором мы с вами не слышали. Либо при чрезмерном ментальном воздействии. Причём, в этот момент человек, который контролировал императора, на что-то на секунду отвлёкся. Пустите ролик дальше.

И правда, буквально через секунду уголок рта монарха выправился, и тот уже улыбался полноценно и изображал полное счастье.

— Этого слишком мало, — сквозь зубы процедил Арсений, растирая ладонью лицо.

Всё его существо противилось происходящему. Он категорически не хотел вступать ни в какие конфронтации. Я прям чувствовал, как он бурлит изнутри. И что находится в шаге от того, чтобы не выгнать нас всех из усадьбы. Но не из-за страха. Точнее, не из-за страха за себя, а за весь свой род. Значит, надо ему доказать, что единственный способ выжить в данной ситуации — сражаться.

— В таком случае, расскажу, почему я оказался тут, — проговорил на это Вяземский. — Дело в том, что не так давно проходил приём у императора, где невесте присматривали подходящего жениха. Полагаю, ни для кого это не секрет. Так вот, среди большого количества нулевиков позвали туда и моего внука Павла. Во второй половине приёма он почувствовал себя плохо. Именно на уровне сознания, чтобы вы понимали. Но не смел уйти, это же всё-таки императорский приём, а не выступление бродячих артистов. И тогда Никита шепнул ему, что его пытаются вывести из себя. Когда Павел вернулся, первым делом он пришёл ко мне. Я вот такую дыру в его защите обнаружил, — и Илья Святославович показал ладонями круг сантиметров двадцати в диаметре. — Ещё бы чуть-чуть, и они своего

добились бы. Так что господа менталисты из СБ что-то сильно разошлись. Считаю, что моему роду таким образом война объявлена.

Вадим Давыдович смотрел на Вяземского с удивлением. Я чувствовал, что между ними была какая-то давняя... не вражда даже, а антипатия. И возникла она из-за того, что Громов считал Вяземского мягким и не способным на реальные действия. И вот тут вдруг выясняется, что Илья Святославович — очень даже решительный человек.

— Разрешите, — попросил я голоса.

Арсений молча дал мне слово, махнув рукой.

— По поводу приёма хотел бы добавить. Вызвано было почти три десятка претендентов, а доехало чуть больше половины. Всех преследовали несчастные случаи. Мы с Олегом Чернышёвым едва избежали падения огромной вывески. А других вполне задело различными якобы случайностями. Одного сбilo самокатом возле самого дворца. Но отдельно хотелось бы упомянуть про сошедший с рельсов сапсан. Вы понимаете, что для этих людей жизнь аристократов — просто ничто. Судя по всему, и жизнь императора тоже.

— Это всё ещё бездоказательные домыслы, — настаивал Арсений. — Хотелось бы более убедительных аргументов. Хотя, нет. Не хотелось бы. Вообще не хотелось бы, чтобы всё это происходило.

И я его понимал. Он очень сожалел о той спокойной жизни, когда дочь его ещё могла надеяться чуть ли не на восьмой-девятый уровень. Когда всё в империи было тихо и спокойно. Когда даже подозрений не возникало, что императором кто-то может управлять.

Это типичная грусть по былым временам, когда всё было легко и просто. Но так уж работает память. На самом деле и там проблем хватало. Но мы помним только светлое и тёплое.

— Да, воздействия на безопасника Стаса Громобоя и на Александра Игоревича я могу доказать, — сказал Вяземский. — У меня есть слепки ментального воздействия.

— Это их род, и проблемы их рода, — словно заученный урок твердил Громов.

— А я не удивлюсь, — подал голос Игорь Всеволодович, — если узнаю, что и тайфун наш, который мы, Вадим, с тобой разворачивали, — тоже их рук дело. Вот и Никита в нём почувствовал чей-то умысел.

— А я полностью согласен, — подтвердил Вадим Давыдович. — Я тоже ощущал нечто такое... рукотворное. Уж не знаю, имеют ли к этому отношение Разумовский со Скуратовым, которым мы тут кости полощем, но то, что буря была ручками докручена — это прям сто процентов. Ну и баржа наша — вообще в нас шла. Тут без наводки не обойдёшься.

— Так, может быть, нас с тобой устранить хотели? А, Вадим? — дед сцепил руки, и костяшки его пальцев побелели. Было видно, что он переживает из-за того, что никак не может переломить ход переговоров в свою пользу. — А что? Двое из десятки сильнейших в

империи магов. Да ещё близкие к императору. Что думаешь?

Вадим пожал плечами.

— Исключать этого нельзя, — сказал он. — Тем более, что на вас продолжились нападения. Вот и Ростислав из-за этого погиб. И хотя, действительно, многое из того, что мы видим касается исключительно вашего рода, обстановка в империи и прям нездоровая. Если кому-то интересно моё мнение, то я считаю, что в воздухе пахнет заговором.

— Всё, что вы говорите, — эмоции! — Арсений поднялся с места. — А мне недостаточно эмоций, чтобы рисковать жизнью рода! Поэтому моё решение — нейтралитет. Мы в войну не вступим до тех пор, пока либо не будет непосредственной угрозы нашей семье, либо семье императора. Точка!

— Да как ты смеешь! — без спроса поднялась Катерина.

Всё последнее время она сильнее и сильнее мрачнела. Она никак не могла понять, почему её отец занимает столь трусливую позицию. Но оно и понятно, в ней сейчас говорил юношеский максимализм. Либо победа, либо поражение, и вот это вот всё. Но мне было чрезвычайно приятно, что она так поступила. Хоть и полностью похерив весь протокол настолько, что у дедов даже рты пооткрывались.

— Как ты можешь вообще такое говорить! — продолжала девушка. — Никита срывается посреди ночи по твоему звонку и едет меня спасать! Наплевав на всё! Вообще на всё! Он не ставит тебе условий, ничего не просит, просто приезжает. И спасает меня! Мало того, он мне ещё и магию вернул, чего не могли все эти шарлатаны доктора! Да, пускай пока это трючка, но уверенная. И я разовью её сильнее. Но не в этом дело. Человек готов пожертвовать всем, а ты отвечаешь ему дикой... просто лютой неблагодарностью. И говоришь, что недостаточно оснований для вступления в войну его союзником. Что ты не встанешь с ним плечом к плечу. Я не узнаю тебя, отец. Может быть, ты тоже под воздействием менталистов, а?

— Нет, — как-то слишком поспешно сказал Вяземский. — Арсений чист.

Громов с тоской в глазах посмотрел на свою дочь. Он взял стакан воды со стола и отпил глоток.

— Видишь ли, Катерина, — тихо и совсем по-отцовски сказал он. — Дело в том, что жизнь одного-единственного члена рода никогда не перевесит безопасности всего рода. Даже твоя жизнь, дочь, не стоит благосостояния всех Громовых. Я просто не могу утопить весь род в крови ради одной твоей прихоти. Ты просто не представляешь себе, что такое война кланов. Тем более, война с менталистами. Да мы просто-напросто все друг друга поубиваем, и всё. А они будут стоять у забора и смеяться над нашими трупами.

Я увидел в глазах Катерины ту нестигаемую твёрдость, которую впервые разглядел на пожаре. Она молча посмотрела на отца, затем на деда. А потом взяла и перешла на нашу

половину, сев между мной и Вяземским.

Арсений закрыл руками лицо и тяжело выдохнул. Сегодняшние переговоры давались ему слишком сложно.

— Что ж, — глухим, уставшим голосом проговорил он, — если ни у кого больше нет вопросов и предложений по существу, то предлагаю сделать перерыв.

В этот момент в дверь постучали. А после разрешения войти, служанка Катерины передала ей записку.

Громова прочитала её про себя. Затем тихо ругнулась. Прочитала ещё раз. А потом передала её мне.

«Пришедшая девушка просит передать, что она ответственна за смену причёски Катерины Громовой, а также у неё есть информация про Никиту Державина. Представилась Валентиной Грымовой из рок-клуба и очень просит пустить для передачи важной информации».

— Валя? — удивился я и перевёл глаза на Катерину.

Но она понимала не больше моего.

— Пустить? — спросила она меня.

— Знаешь, если Валя пришла к тебе, а не к кому бы то ни было, да ещё и в косяке своём призналась, должно произойти что-то из ряда вон выходящее. Я прошу пустить её и пока не расходиться.

— Хорошо, — распорядилась Громова. — Приведите её сюда, а пожалуйста.

Прислуга удалилась, а все собравшиеся уставились на нас.

— Что нас ещё ожидает? — с ухмылкой спросил меня дед.

— Если бы я знал сам, — я развёл руками. — Но какое-то внутреннее чувство подсказывает мне, что дело важное.

Когда Валю ввели в конференц-зал, случилось сразу несколько вещей одновременно.

Для начала надо отметить, что явилась она в тех же вещах, в каких ходила у себя в трущобах, только слегка более обгорелых.

— Что это за детский сад! — прошипел Арсений при виде неё. — Кать, это что!

Он уже вставал с места, видимо, собираясь распорядиться, чтобы из его дома выгнали попрошайку.

Но в то же самое время Валентина увидела сначала Карину, сидящую у стенки, и уже в это мгновение до неё начало доходить. Затем она увидела моего отца. Повернув голову ещё, уставилась на Катерину. А когда я выглянул из-за девушки и помахал, прикрыла рот рукой.

По полу поползли языки пламени, которые, впрочем, быстро гасли. Но всё же грозили расплавить плитку на полу. Валя их не замечала. Она, словно загипнотизированная, смотрела на меня и слегка качала головой, всё ещё не веря своим глазам. Затем она всё-таки вспомнила, где находится, спохватилась, и огонь исчез.

— Простите, — проговорил Арсений, падая обратно на стул. — Дочь, представь нам, пожалуйста, барышню, которую ты посмела пригласить на тайный семейный совет. Будь добра.

— А, это... — начала было Громова.

— Не надо, — попросила Валя, сделав знак рукой Катерине молчать. — Я сама.

Она, улыбаясь, смотрела на меня, и было видно, что борется с подступившими слезами. Но сил ей было не занимать. Вдох-выдох. Ещё раз. И вот уже перед нами стоит молодая дама, полная собственного достоинства.

— Валентина Ярославовна Грымова, урождённая Рюриковна, первородная принцесса и будущая императрица Российской империи, — бедный Арсений бледнел всё больше при каждом новом слове, — во всяком случае по плану этого шизанутого мозгоправа Разумовского.

*

На фабрике Вюртемберга фон Эйнема всюду шло приготовление свадебного торта для свадьбы в роду Долгоруковых.

Вот только двое кондитеров, занимающиеся украшением этого самого торта, были крайне недовольны.

— Макс, мы же уже сделали им один торт, почему мы должны украшать второй?

— Да хрен его знает, Петь. Начальник сказал, что нужно запасной приводить в надлежащий вид и тебя взять в помощь. А тот они, походу, при транспортировке раздавили.

— Да как так-то? Это же произведение искусства. Мы за полгода готовиться начали, а эти дуболомы довести не могут. Я в ахере!

— Да я тоже, — сказал кондитер, который был повыше и потолще. — Ещё и эти звёздочки лепить заставили.

— Это вообще какой-то бред, — согласился тот, которого напарник назвал Петей. — Они вроде бы из карамели, но жёсткие, как мой тесть с похмелья. Я одну попробовал укусить, так

чуть зубов не лишился. Помяни моё слово, на нас ещё за них жалобу напишут. И никакого обещанного бонуса за ночную смену, в которую мы их будем клеить.

— Я тогда уволюсь сразу, — сказал тот, которого звали Максом. — Мне это всё осточертело. Занимаешься, ночей не спишь, лишь бы красиво было, а они говорят, делайте другой. Это-то вообще не такой. Тут и крем, смотри, дешевле. И они же его на каркасе умудрились сделать. Мол, чтобы, как с тем не было.

— Это, растопи мне шоколад, вообще никуда не годится, — согласился Петя. — Из чего они этот каркас сделали? Он же в крем даст привкус. Ох, чувствую, аукнется нам с тобой ещё этот торт, ох, аукнется.

Макс тяжело вздохнул и продолжил вдавливать в крем крохотные звёздочки из твёрдой, как металл, карамели.

— Хоть бы не штрафнули, — проговорил он чуть позже. — Моя на новый год новый «имперфон» запросила и слышать ничего не хочет, что это для аристократов аппарат. А мне надо полгода пахать, чтобы самый дешёвый купить. Короче, — он махнул рукой и снова вздохнул.

— Женщины, — проговорил Петя, словно это всё объясняло. — Слушай, а откуда эти звёздочки? Я такого отвратительного качества в наших кондитерских не припомню.

— Да кто же его знает, — отозвался Макс. — Начальник дал мешок, сказал использовать все. А что да откуда, не сказал.

— Ох и порвёт Долгоруковых от этого торта, — качая головой от безысходности, вздохнул Петя. — А потом они нас порвут.

Глава 3

— Ни фиги себе, — сказала Катерина Громова.

Арсений, кажется, что-то простонал, но на это мало кто обратил внимание.

Все, в том числе и я, с открытыми ртами смотрели на Валу. Только теперь я понял, кого она мне так сильно напоминала в нашу последнюю встречу. Не то чтобы она была копией Варвары, но общие черты, определённо, имелись.

— А теперь, милочка, можно всё сначала и по порядку? — попросил Вадим Давыдович, первым опомнившийся от потрясения, вызванного словами девушки.

— С самого начала рассказывать долго, — с грустной усмешкой заметила Валя. — Да и не знаю я, как император встретил мою маму на своём пути. Так что начну с того момента, как я сожгла рок-клуб. Кать, — она повернулась к Громовой, — ты уж меня извини, но я приревновала тебя жутко, вот и добавила огоньку в ваш с Никитой танец. А устраивать пожар я, правда, не хотела.

— Никогда бы на тебя не подумала, — поднимаясь и подходя к пришедшей, проговорила Катерина. — Но всё это в прошлом, я тебя прощаю, конечно. А ревновала ты, кстати, зря.

Затем Громова обняла Валью за плечи. Спустя мгновение та ответила тем же.

— Да я уж поняла, — проговорила Грымова. — У нашего Никиты другие увлечения.

— Сердцу не прикажешь, — ответил я. — И всё-таки, Валь, нам очень нужно услышать всё, что знаешь ты.

— Да, конечно, Никит, — проговорила она, а потом обвела взглядом всех присутствующих. — Вы уж извините, я до сих пор под впечатлением, что Державины живы. Мысли разбегаются, ничего не могу с собой поделаться.

Затем я вновь увидел, как она собирает себя в кулак. Вдох, выдох с прикрытыми глазами, поиск первого верного слова, а после поток слов, рисующих весьма удручающую картину.

Она рассказала, как её вынесло из рок-клуба с толпой, как она хотела обратно, но её не пустили. Как обрадовалась, что я жив в очередной раз. А потом рассказала о незнакомце, подсевшем к ней в местном баре. О коктейлях и о полной дезориентации в пространстве.

Она очень горячо говорила про то, как очнулась утром и вспоминала, изнасиловали её или нет. Заметила кровоподтёк и боялась, что её накачали какими-то наркотиками. Но всё оказалось гораздо банальнее. Скуратов, а тем самым незнакомцем из бара был именно он, взял у неё кровь на анализ. Так и выяснилось, что она — императорских кровей.

А дальше тон повествования сменился и стал тёмным и тягостным. Она рассказала о том, как её посадили в спецмашину СБ. Она решила, что это из-за пожара в рок-клубе, и отчасти была права. Но затем её привели на допрос к седому старику, который, по её словам, мог убивать одним взглядом. И вот он уже рассказал ей страшную правду о том, что она — первородная принцесса, и неплохо было бы ей воссесть на трон. И то, что её поддержат простые люди, среди которых она выросла. Но самое главное, что, возглавив революционные настроения, она сможет сохранить монархию, которая в противном случае может пошатнуться и упасть.

— Я отказывалась, как могла, — сказала Валя. — Но это не помогло. В итоге он мне показал целующихся принцессу с Никитой, и тут я уже с катушек-то съехала. Но главное, что потом ко мне зачастил Скуратов. И сначала я не понимала зачем, ведь не рассматривала его как мужчину. А потом, как поняла... Короче, Разумовский этот, мозгоправ недоделанный, хочет Скуратова любыми путями консорт-императором сделать. И что-то мне показалось, что не просто так. Родственник он его что ли...

Она продолжила рассказывать, как сбежала, устроив пожар в отделе СБ, а я крепко задумался.

Действительно неспроста этот Скуратов везде в последнее время появляется. И на охоте.

Там я увидел его в первый раз. Сначала он просто хотел выиграть у нас соревнования, но потом... он загадочным образом оказался возле принцессы в тот самый момент, когда ей потребовалась помощь. И, если бы не Люберецкий факел, то вполне оказался бы тем самым рыцарем на белом коне.

Но с принцессой не выгорело, и вот её уже саму хотят устранить, а на её место посадить другую девушку, которая окажется более внушаема. И рядом снова протискивается Скуратов. Рисковал бы ради него Разумовский карьерой, жизнью и репутацией, если бы он был ему никем? Полагаю, что нет.

И, помнится, Олег рассказывал про странно позднее рождение Скуратова. Кажется, у нас на руках есть козырь, о котором мы не знали.

— Ну и я решила, что никто никогда в жизни не подумает, что я сбегу сюда, — закончила Валя. — Вот и пришла предупредить о готовящемся перевороте.

— Ты — большая молодец и очень смелая девочка, — проговорил Игорь Всеволодович. — Твоя информация очень поможет нам.

— А откуда мы можем знать, что она прямо сейчас, вот в этот самый момент не находится под ментальным воздействием Разумовского? — пытаюсь сохранить спокойствие, спросил Арсений.

— Разрешите я проверю, — попросил Вяземский Валью.

— Да, конечно, — разрешила та.

Илья Святославович сосредоточился на девушке. А я буквально видел, как от него к ней потянулись бархатные нити. Это была эмпатическая связь, которую ни с чем на свете не перепутаешь. Они обвили Валину голову и считывали нужную информацию.

— О, да, — проговорил Вяземский, когда закончил. — Я этот ментальный отпечаток ни с чем не перепутаю.

— То есть, на ней есть воздействие! — взвился Арсений.

— Нет. Уже нет, — покачал Илья Святославович. — Одни только ошметки. Она — очень сильный маг. Очень!

Последнее слово он произнёс с таким восторгом, что все в конференц-зале попритихли.

— Что же теперь делать? — Арсений взялся за голову. — Это же война!

— Война за отчизну и императора, — проговорил ему Вадим Давыдович. — Долг каждого из нас.

По всему было видно, что Катеринин отец находится в перманентном шоке с момента

появления Вали.

— Я предлагаю собрать наши основные силы, — проговорил Игорь Всеволодович, вставая. — И отправиться в Кремль на защиту императора. Полагаю, после нашего устранения именно монаршая семья на очереди.

— Полагаю, императора уже освободили от воздействия, — проговорил я. — Надо срочно связаться с ним и предупредить.

— Свяжись пока ты через принцессу, — сказал мне дед. — А мы соберём войска.

— Хорошо, — ответил я.

Я включил телефон, который до этого момента имитировал гибель во взрыве.

Первое же сообщение, которое бросилось мне в глаза, было от принцессы.

«Если ты выжил и не сообщил мне об этом, я убью тебя лично и уже насовсем, Варя».

Я тут же набрал ответное.

«Привет, нужно срочно поговорить».

Я ожидал, что ответ придёт, если не сразу, то через несколько минут, но прошло уже минут пятнадцать, а реакции не было. Тогда я решил позвонить. Неприятный резкий звук сменился голосом робота:

— Абонент не отвечает или временно недоступен.

«То есть как? — подумал я. Не может быть такого, что у неё сам собой отключился телефон. Или может? А что, если мы опоздали? Что, если коварный план Разумовского уже приведён в исполнение? Но нет, ему для этого позарез нужна Валя, а она тут. Значит, ещё есть шансы, что с Варварой всё в порядке и она просто не уследила за зарядом телефона».

А после я и вовсе успокоил себя тем, что при разговоре с отцом случился сильный выброс, и гаджет расплавился. А новый пока ещё не куплен.

Тем временем дядя Слава уже вызвал нашу ЧВК. Громовы активизировали свои силы. С нашей стороны к Кремлю выдвигались: дед, дядя Слава, Николай и я. Отца, Леонида и Филиппа решили оставить тут — у Громовых. Вместе с Кариной и Авдотьей Ильиничной. От Громовых шли Вадим Давыдович, Арсений и ещё двое мужчин рода, которых я не знал. Мне их представили Георгием и Алексеем.

— Я, пожалуй, пойду, — сказала Валя, видя наши сборы.

— Вот же проклятие! — выругался на это Арсений.

— Что такое? — поинтересовался я, но тут же сообразил.

— Выпустить мы её не можем, — ответил мне Громов. — Потому что её тут же схватят.

— И часть наших усилий окажется напрасными, — согласился я и обернулся к Вале. — Останься, пожалуйста, тут на время.

— Будем надеяться, что они не нападут на усадьбу в наше отсутствие, — тяжело проговорил Арсений и потёр пальцами переносицу, затем достал рацию и проговорил уже в неё: — Охрана, усилить периметр вдвое. Никого не впускать, любые сборища вблизи пресекать.

Ему оттуда ответили: «Есть», и мы выдвинулись в сторону Кремля.

Принцесса на сообщение так и не реагировала.

*

— Сергей! Я иногда просто не понимаю, как ты попал в собственную безопасность! Ты проваливаешь задания одно за другим! — Разумовский чуть ли ни бегал по своему московскому кабинету, при этом он рвал и метал из-за пропажи Вали.

— Вы же меня сами устроили, — пожал плечами Скуратов.

Он искренне не понимал, чем вызван столь бурный взрыв эмоций у Виталия Кирилловича. Валя пропала сразу после того, как увидела репортаж про взрыв крематория Державиных. И тут уж недоработка самого Разумовского, который ставил ей ментальные установки.

— Ты сейчас под дурачка косишь! — бывший начальник собственной безопасности уставился на Сергея злыми глазками. — Ты не понимаешь, что на кону наши с тобой жизни? Нет? Так вот, я тебе напоминаю! Как ты упустил нашу будущую императрицу? Это же надо, сбежать у нас из-под носа! У меня это в голове не укладывается!

— Судя по видео с камер наблюдения, — спокойно ответил Сергей, — в момент просмотра репортажа о гибели Державиных, Валентина Грымова получила сильные психотравмирующие эмоции. Ваши ментальные установки не выдержали, девушка испугалась и убежала.

— Да как она могла убежать? Как! — Разумовский всё ещё не мог соотнести девушку-простушку с сильным магом огня.

— Сожгла пол-этажа, — пожал плечами Скуратов. — Сама, растворившись в пламени, сбежала. Вы же сами распорядились снять с неё охрану.

— Да, но это не значит, что можно позволять ей сбежать. Вообще-то она — наш козырь. Если мы её потеряем, то это нам слишком дорого встанет, — Виталий Кириллович терпеть не мог, когда что-то шло не так, как он запланировал.

— Не потеряем, — ответил Скуратов. — Я уже распорядился отследить её по наружным камерам наблюдения. Это дело пары часов, не больше.

— Это хорошо, но не только в ней проблема. Ты мне расскажи, почему такой взрыв вышел? Вместо того, чтобы тихонько взорвать гроб и ужокошить дорогих родственников покойного, ты устроил фейерверк со шрапнелью.

— Тут не моя вина. Я приказал Громобую заложить взрывчатку, кто ж знал, что он туда половину арсенала притащит? — ответил Скуратов.

— Половину арсенала, говоришь? У Голицыных и Барятинских стёкла потрескались от ударной волны. А их башни в нескольких километрах от Державинской. Но это ещё полбеда. Задействован спецпротокол с призывом к императору абсолютов. Понимаешь? — распалялся Разумовский.

— Понимаю, но разве это нам как-то помешает? — удивился Скуратов.

— Уж, как минимум, не поможет, — ответил Виталий Кириллович. — Но всё-таки ответь мне, как так вышло, что крематорий просто разнесло? Зачем такая демонстрация силы?

— Да говорю же, — Сергею не нравилось, что Разумовский пытается всех собак повесить на него. — Я тут абсолютно ни при чём! Я приказал Громобую только заложить взрывчатое вещество, остальное — его собственная инициатива.

— Ох, — Виталий Кириллович обхватил руками голову. — Как это всё непрофессионально. Ладно, ты напортачил, тебе и разгребать. У тебя есть два часа, чтобы найти Валю. И ещё пара, чтобы доставить ко мне. Я сам займусь другой целью.

— Хорошо, будет сделано! — ответил Скуратов и развернулся, чтобы идти к себе, но затем любопытство взяло верх. — А какой другой целью? Императором?

— Узнаешь, — усмехнулся Разумовский. — Одно могу сказать, наши противники точно не знают всей нашей мощи.

С тем Сергей и ушёл. Сам себе он признался, что в последние дни ему очень не нравился настрой Виталия Кирилловича. Что-то изменилось в старике, словно он стал злее и беспринципнее. Хотя уж, казалось бы, куда более?

Валю отслеживало целых четыре работника. Трудность заключалась в том, что приходилось «следовать» за ней от камеры к камере, так как в местах, где она должна была появиться, её так и не было.

Когда же Скуратов увидел, куда пришла его подопечная, у него, мягко говоря, волосы встали дыбом. С кем, с кем, а с Громовыми он точно не хотел бы сцепиться без подготовки.

Но главное, его поразил выбор девушки. Если бы ему предложили на выбор сто мест, куда может направиться Валя, усадьбу Громовых он назвал бы в последний момент, если назвал

бы вообще. Он прекрасно помнил, по какой причине в московском рок-клубе начался пожар, и отношение девушки к юной сопернице тоже.

И вот тут он понял, что даже, если всё получится, и Валентина станет императрицей, а он консорт-императором, то править будет исключительно она. С таким складом ума он ей даже в подмётки не годится.

Ну, или есть ещё второй вариант, держать её на постоянном ментальном поводке. На очень коротком поводке. И ещё обеспечить его сохранность и неприкосновенность.

— Мне нужно две группы по пятнадцать человек, переодетых в анархистов, — распорядился он в трубку.

Конечно, можно сейчас вернуться к Разумовскому и получить у него санкцию на операцию в усадьбе Громовых, но после сегодняшнего нагоняя от Виталия Кирилловича Сергей больше не горел желанием с ним общаться.

В конце концов, он дал ему санкцию делать всё, что угодно, лишь бы Валя была в его руках. Именно этим Скуратов и займётся.

Кроме двух групп переодетых людей, которые изображали недовольных действиями аристократов, ему потребовался ещё водитель на спецмашине.

— Недалеко от усадьбы Громовых, — давал ему инструкцию Сергей, — есть неприметная общественная стоянка. Будешь ждать меня там. Как только получишь сообщение от меня со словом «готово», выезжай и следуй со скоростью десять километров в час ко входу в усадьбу. Там уже должен быть я. Если вдруг меня не увидишь, проезжай, разворачивайся и возвращайся. У входа не стой. Как понял?

— Слушаюсь, ваше сиятельство, всё будет исполнено, — взял под козырёк шофёр.

Теперь предстояло самое сложное — взять нахрапом усадьбу Громовых. Угроздило же сцепиться с одними из сильнейших магов-водников в империи.

Но тут никак сама удача улыбнулась Скуратову. Едва он прибыл на место и стал высматривать удобные позиции, как целая толпа представителей рода выехала из усадьбы. Это было настолько неожиданно и настолько на руку, что Сергей чуть не впал в эйфорию.

Но он тут же взял себя в руки. Усадьба от того, что из неё выехали многие представители рода, не перестаёт быть укреплённым местом.

Устроившись поудобнее, он наблюдал, как ко входу прибыла первая группа протестующих анархистов. Ещё немного, и те начали швырять бутылки с зажигательной смесью через забор усадьбы. Охрана долгое время ничего не предпринимала, но, наконец, не выдержала такой наглости и вышла утихомирить нарушителей спокойствия.

Завязалась драка.

Пользуясь ею как прикрытием, Скуратов без особых проблем проник внутрь. На себя он навесил заклинание отвода глаз, так что его видели только камеры. Но с ними он разберётся позже.

От Валентины остался чёткий след ментального воздействия Разумовского, поэтому найти её даже в огромном особняке не представляло особой сложности. На удачу она сидела и разговаривала с Катериной Громовой в небольшой, явно девичьей комнате.

Тут Сергею пришлось немного поднапрячься. С Валентиной он больше не собирался миндальничать, поэтому тут же вырубил её мощной мозговой волной. Частое воздействие подобным образом могло привести к скорой смерти, но от одного раза точно ничего не будет. А вот Катерине надо было кое-что внушить.

— Ты сейчас пойдёшь, — сказал он девушке, воздействуя на её центры принятия решений, — и отдашь всем камерам видеонаблюдения приказ самоуничтожиться. Протокол «слепая зона». Поняла?

— Я поняла, — механическим голосом проговорила Катерина. — Я иду и отдаю приказ уничтожить все файлы видеозаписи вместе с камерами.

— Ну или так, — согласился Скуратов.

Ему сейчас было некогда корректировать приказ. Он взвалил на плечо бесчувственную Валентину, отправил сообщение «готово» на нужный номер и поспешил к выходу.

Это задание он уже не мог провалить. Оно выходило у него на «ура».

Не встретив ни малейших трудностей, он вышел за пределы усадьбы, погрузил бесчувственное тело первородной принцессы в автомобиль, запрыгнул сам и был таков.

*

— Извините, что я так долго, — сказала Карина, заходя к Катерине в комнату, где та должна была сидеть с Валей.

Но в комнате никого не оказалось. Она выскочила в коридор, посмотрела в сторону противоположную той, откуда пришла и увидела знакомые платиновые волосы.

На окрики Катерина почему-то не отвечала, и Карина почуяла неладное.

Лишь на окрик и встряску девушка уставилась на сестру Никиты пустыми глазами, постепенно приходя в себя.

— Что случилось? Где Валя? — спросила Карина у Громовой.

— Не знаю, — замедленно, словно во сне, ответила Катерина. — Тут была.

Карина метнулась к окну, вспоминая, с какой стороны видно входную группу, и угадала. На её глазах подъехала машина, и в неё странный расплывчатый силуэт запихнул тело, сильно смахивающее на Валино. Затем дверь закрылась, и машина уехала.

— Ты видела? Видела? — тормозила Карина подошедшую Громову.

— Что видела? — переспросила та.

— Машину и то, что в неё грузили!

— Машину видела, а больше — ничего.

— Так, я звоню Никите. А ты ищи Валю, вдруг я ошиблась!

*

— Граф Валерий Чернышёв прибыл, — доложили императору.

— Ну вот, и все в сборе, — сказал император дочери. — Теперь мы сможем противостоять предателям.

— Разумовский со Скуратовым всё-таки менталисты, — заметила на это Варвара. — Против них нужно какое-нибудь специальное оружие. И да, ты уверен, что твои абсолютники не находятся под воздействием? — для отца она пыталась сделать вид, что держит себя в руках.

— Насчёт спецоружия, имеется такое, а вот по поводу воздействия ты абсолютно права. Знать бы только, кому можно доверять в сложившейся обстановке, — проговорил монарх.

— В сложившейся обстановке, — сказала принцесса, — ты можешь доверять мне.

— Это-то понятно, но ты же не разглядишь шлейф ментального воздействия на абсолюте, — с прискорбием заявил Ярослав Иванович.

— Тут уж извини, чего не могу, того не могу, — Варвара развела руками. — Но я не поверю, что у тебя нет человека, которому ты доверял бы и который мог это проверить. Или это только менталисты могут, а они все под Разумовским?

— Нет, это могут и эмпаты, — ответил император, и тут его осенило. — Слушай-ка, тогда на приёме среди нулевиков у нас был внук Вяземского. Разумовский, помню, им был очень недоволен, а это значит, что они не заодно.

— Будем надеяться, — сказала Варвара. — Вообще тяжело жить в обществе, где никому не можешь доверять. Так что скорее бы всё это завершилось.

— Именно, — ответил император, потрясая указательным пальцем. — Звоню Вяземским.

— Здравствуйте, ваше величество, — ответили ему.

— Могу я срочно видеть у себя Илью Святославовича? — поинтересовался монарх.

— Он сейчас на встрече, с вами имеет честь разговаривать его сын. Отец сможет подъехать к вам в течение двух часов.

— Это слишком долго, — проговорил император. — А быстрее никак?

— К сожалению, у отца отключён телефон, поэтому я никак не смогу ускорить его приезд. Но могу предложить свои услуги, если они, конечно, подойдут, — сказал он.

— А у тебя же дар отца, так? — поинтересовался Ярослав Иванович.

— Всё верно, — ответил ему Вяземский.

— Тогда срочно приезжай в Кремль, тебя проводят.

— Слушаюсь!

Буквально через пятнадцать минут прибыл сын Ильи Святославовича и оглядел всех абсолютов. Никаких посторонних вмешательств он не заметил, о чём и поспешил доложить отцу-императору.

Совещание же началось ещё до его приезда, но пока монарх не спешил выкладывать все обстоятельства дела, так как не был уверен, что служащие ему маги не находятся под ментальным воздействием. После вердикта Вяземского он стал выдавать более детальную информацию.

На совещании присутствовали четыре мага-абсолюта. Маг воздуха — Орлов. Маг земли — Чернышёв. Маг воды — Белозёрский. Маг огня — Тарковский. Также была тут и Варвара, но она предпочитала молчать.

— Защитники короны! — начал свою речь император. — Я вас сюда собрал в связи с тем, что был активирован спецпротокол «Война». Целый род был стёрт с лица земли, и есть все основания полагать, что опасность угрожает и моей семье.

Маги стояли навытяжку по стойке смирно.

— Мы с вами должны выработать план действий, опираясь на сложившиеся обстоятельства, — продолжал Ярослав Иванович.

— Нам нужно больше вводной информации, — бодро проговорил Орлов.

— Будет, но чуть позже, — сказал монарх. — А пока я должен удостовериться, что никого из вас не используют против меня.

После визита Вяземского император сказал:

— Я прошу прощения, но это была необходимая мера. Дело в том, что нам противостоит бывший начальник моей собственной безопасности, маг-менталист десятого уровня — Виталий Кириллович Разумовский.

— Он под старость лет из ума выжил? — поинтересовался Тарковский.

— Это мы узнаем чуть позже, когда справимся с ним и приведём к ответу. Но вы должны понимать, что этот человек не гнушался ничем, даже воздействием на меня самого.

— Да как он посмел! — разразился праведным гневом Чернышёв. — Сейчас же изловить и казнить!

— Он слишком хитёр и пронырлив для этого, — ответил на это император. — Поэтому у меня есть несколько другой план. Но сначала я должен обезопасить самое ценное, что у меня есть. Мне нужен кто-то из вас.

— Я готов, — сделал шаг вперёд Михаил Николаевич Орлов. — Что прикажете?

— У вас, кажется, есть неприступная крепость недалеко? — приподняв бровь, осведомился монарх.

— Всё так, — ответил Орлов.

— Поручаю вашим заботам свою единственную дочь. Что бы ни случилось, с её головы не должен упасть ни единый волосок, понятно?

— Так точно, — Михаил Николаевич поклонился императору и направился к Варваре. — Варвара Ярославовна, позвольте, — он взял девушку под руку. — Как доберёмся, я позвоню.

— Отлично, — кивнул император и переключился на остальных. — А мы с вами пойдём на свадьбу.

— На свадьбу? — удивился Белозёрский. — В такой-то обстановке?

— Мы должны заставить думать Разумовского, что всё идёт по его плану. Тогда он покажет своё истинное лицо, и мы его прищучим.

— Предлагаете ловить на живца? — прищурился Белозёрский.

— Именно, и живцом в данном случае буду я, — ответил монарх.

— Но, ваше величество... — начал было Чернышёв.

— Послушайте, этот человек задумал государственный переворот, — прервал его император. — Вы думаете, он не предусмотрел попытки устранить его, если вдруг всё вскроется? Поверьте, это очень умный человек, который продумывает свои ходы далеко вперёд. Сейчас наша задача постараться предугадать его действия и предотвратить развитие самого плохого

для нас варианта.

*

Орлов пропустил Варвару в машину первой, когда водитель открыл дверь специальной правительственной «Волги». А затем сел сам.

Внутри было просторно и пахло карамелью.

Принцесса не горела желанием разговаривать с подручным отца. Все её мысли занимал сейчас один-единственный человек, телефон которого был выключен с того самого момента, как прогремел взрыв в крематории Державиных.

Повинуясь внезапному порыву, она написала ему сообщение.

«Если ты выжил и не сообщил мне об этом, я убью тебя лично и уже навсегда, Варя».

Она просто не могла поверить, что Никиты больше нет. Это не укладывалось в её голове. Варвара верила, что он нашёл способ выжить. А вот то, что он не предупредил её... Что ж, может быть, не было возможности, ведь все их телефоны наверняка прослушиваются.

Она смотрела в окно, но то было настолько сильно затонировано, что было не совсем понятно, куда они едут. Но принцесса не волновалась. Куда может отвести её один из ближайших доверенных отца, дававший ему личную клятву? Только туда, куда надо, правда?

Вот только запах карамели почему-то усилился, а воздуха стало катастрофически не хватать.

— Можете открыть форточку? — попросила Варвара. — Что-то мне тяжело дышать.

— Конечно-конечно, — ответил Орлов и, кажется, даже куда-то потянулся.

Но свежего воздуха так и не появилось. Вместо него всё вокруг занял карамельный запах, заполняющий всё её существо. Ещё несколько мгновений, и принцесса замерла на своём сидении без чувств.

Орлов подождал некоторое время, чтобы убедиться, что девушка действительно отключилась, а не притворяется, и только тогда открыл окно, проветривая салон. Ещё через минуту он высунулся наружу и вдохнул морозный московский воздух.

Дело было сделано. Дело, за которое он должен получить достойную награду.

«Жизнь порой преподносит неожиданные сюрпризы, — подумал он. — Иногда такое ощущение, что удача сама спешит тебе в руки».

Достав свой телефон, он набрал короткое сообщение.

«Везу тебе царский подарок. Встречай».

Пока мы ехали к Кремлю, я по большей части смотрел в окно и думал, почему принцесса не отвечает на сообщения. Моё внимание привлёк только Вадим Давыдович, дозвонившийся императору.

— Ваше императорское величество, — сказал он в трубку. — Рад приветствовать вас в добром здравии.

— Здравствуйте, Вадим Давыдович, — ответил монарх, и по голосу, доносящемуся до меня из трубки и усиленному мною для того, чтобы не пропустить ни единого слова, я бы не сказал, что тот сильно расстроен. Озабочен — да, но, полагаю у него были на то причины. — У вас что-то срочное? А то у меня тут дел невпроворот.

— К сожалению, да, — ответил Громов. — Касающееся непосредственно утренних событий. Я звоню, чтобы получить допуск в Кремль. Мы будем через пятнадцать минут.

Некоторое время в трубке царила тишина, лишь на заднем плане было слышно, как тихо переговариваются какие-то люди. Но это было слышно мне, не Громову.

— Да, — наконец, сказал Ярослав Иванович. — Вы же были друзьями с министром. Хорошо, жду вас через пятнадцать минут, по поводу пропуска сейчас распоряджусь.

«Странно, — думал я, совершенно никакого беспокойства по поводу дочери. — С другой стороны, если Варвара его уже предупредила по поводу Разумовского, то логично было бы спрятать её где-нибудь, да так, чтобы сложно было отследить».

Конечно, можно расстроиться по поводу того, что она не поставила меня об этом в известность. Но, во-первых, какая бы это была в таком случае тайна? А, во-вторых, я ничем не лучше и тоже не предупредил её, что взрываться буду не на самом деле.

Заезжали в Кремль мы со стороны Большого Каменного моста и тут же проехали к Московскому дворцу, построенному не так давно, дедом нынешнего императора.

Он ждал нас в окружении трёх магов, одного из которых я знал. Олег показывал мне фотографии своей семьи.

Сначала к нему подошёл Вадим Давыдович и поклонился, а затем подошёл дед, попутно снимая шляпу с широкими полями, скрывавшими его лицо.

— Игорь! — монарх был явно удивлён и даже взял Державина-старшего за руку. — Вы живы, голубчик. Я очень рад, правда. Очень!

— Я польщён, — ответил министр. — Но мы к вам прибыли с тревожными и откровенно недобрыми новостями.

— Вам известно, кто на вас покушался? — приподняв правую бровь спросил император. —

Или вы это сами инсценировали?

— Известно, — ответил дед. — И вы знаете фамилию. Это всё тот же Разумовский, задумавший передел власти в империи. Но, к счастью, мы вовремя засекали взрывчатку. При желании могли бы обойтись и без взрыва, но решили сделать так, чтобы негодяй подумал, что полностью контролирует ситуацию.

— Это вы правильно сделали, — одобрительно кивнул император. — В таком деле любая фора важна. А по поводу Разумовского я, честно говоря, поражён. Столько лет безупречной службы короне, и вдруг в один-единственный момент — всё псу под хвост.

— Полагаю, у него есть мотивация и достаточно сильная, — проговорил Державин-старший. — Но узнать мы её сможем лишь тогда, когда поймем его с поличным.

— Он ещё хочет устранить кого-то из близких мне родов? — поинтересовался Ярослав Иванович.

— Хуже, — на этот раз ответил Вадим Давыдович, стоявший рядом с дедом и императором. — Он хочет устроить государственный переворот.

Глаза монарха расширились. Он, вероятно, просчитывал такую вероятность, но у него были не все данные.

— Но как же это? Ему тогда надо было бы договориться с моей дочерью, а она меня не предаст. Наоборот, сняла воздействие...

— Вас планируют убрать вместе с дочерью и императрицей, — сказал на это Игорь Всеволодович. — А принцессу новую они уже нашли.

— Как так? Какую ещё принцессу? — удивился император.

— Вашу дочь. Зачатую ещё до Варвары. Так что чисто технически она будет первородной, — проговорил Громов. Они с дедом словно играли в теннис, отвечая на вопросы монарха по очереди.

— Вот даже как, — император задумался. — Значит, какую-то СБ всё-таки пропустила, и девочка выжила. А это даже приятная новость, если не обращать внимание на обстоятельства. У нас с супругой так и не вышло зачать запасную дочь, а тут уже готовая отыскалась. Жаль, правда, что она на стороне нашего врага.

— Отнюдь нет, — проговорил дед. — Она сама, рискуя быть обнаруженной, пришла к незнакомым людям и смогла довериться.

— Даже так! — Ярослав Иванович одобрительно кивнул. — Что ж, тогда воздам ей по заслугам, как только всё это безумие закончится.

— Разрешите присоединиться к вам в борьбе против Разумовского, — попросил Вадим

Давыдович.

— Конечно, — император кивнул с явной благодарностью. — В данной ситуации мне понадобится любая помощь. Как только поймает Виталия Кирилловича на попытке меня устранить, сразу же упаковываем и везём в темницу. Допрашивать придётся самим, а параллельно выяснять, кто ещё замазан из собственной безопасности. Затем Разумовского прилюдно судить и казнить. За одно лишь предательство я ему ещё пулю в лоб пускать бы не стал, а вот за желание устранить мою дочь — сделаю это. Никто не вправе поднимать руку на мою семью.

— Простите, пожалуйста, — вмешался в этот момент я, рискуя навлечь на себя немилость. — Я Никита Державин. А где Варвара сейчас? Я уже больше часа не могу до неё дозвониться.

Император слегка поморщился от моих манер, но акцентировать внимание на этом не стал. Я чувствовал, что он вспомнил, кто передал принцессе новость о том, что на него производится ментальное воздействие.

— Всё в порядке, молодой человек, — ответил он. — Я её спрятал. Хотя странно, что телефон не отвечает. Я сейчас сам попробую.

Его звонок постигла ровно такая же участь, как и мой. Император сразу же ощутимо напрягся. Он позвонил ещё раз. А затем набрал другой номер.

— Абонент не в сети, — ответили ему на этот раз.

— Да что же это? — удивился монарх. — Орлов тоже пропал. Так, мне кто-то нужен срочно, чтобы найти мою дочь и приставленного к ней мага-абсолюта.

— У меня один из сыновей военный, — сказал Игорь Всеволодович. — У него brave ребята под началом. Разрешите им заняться?

— Хорошо. Сейчас же выезжайте на поиски. Я вам делегирую сейчас самые широкие полномочия и допуски к базе данных мобильных операторов и камер слежения. Сделаете запрос на пеленг телефонов Орлова и Варвары. Только аккуратней, мы не знаем, кто у нас в СБ предатель, а кто нет. Как же всё это трудно, кто бы знал!

— Орлов мог соблазниться министерским креслом, — задумчиво проговорил дед. — Да и после нашего устранения мог претендовать на наши активы.

— Я проверил его перед поручением, — сказал на это император. — Он был чист от воздействий.

— Некоторым людям не нужно ментального воздействия, чтобы быть тварями, — задумчиво произнёс Громов. — Чем займёмся мы, ваше императорское величество?

— А мы с вами едем на свадьбу к Долгоруковым, — ответил император, на душе которого

теперь скребли кошки. — Если я хоть что-то понимаю в тактике, удар будет нанесён там.

*

— Здравствуйте, меня зовут Анжелика Конкорд, и я — ваш навигатор по миру блистающей аристократии. Сегодня мы с вами отправимся на самое завораживающее событие этого года: свадьбу молодого князя Аполлона Долгорукова и юной княжны Троекуровой.

Надо сказать, что сегодняшнее событие, которое, к слову сказать, готовилось не один месяц, было омрачено жуткой трагедией. На похоронах Ростислава Державина, покинувшего этот мир совсем ещё мальчишкой, погиб весь род Державиных, находившийся на прощании с усопшим. Говорят, что выжила лишь старшая сестра младшей ветви и супруга министра транспорта, вот уже месяц проходящая лечение на горячих источниках.

Полагаю, если бы трагедия произошла не день в день, а немного раньше, торжественные мероприятия могли и перенести, но сегодня уже ничего сдвинуть не могли. Как заявил достоверный источник, рассматривались варианты переноса, но всё-таки решили праздновать, хоть и скромнее. Дело в том, что на свадьбу приглашён сам отец-император Ярослав Иванович вместе с семьёй, а также представители иностранных знатных родов.

В списке приглашённых: Гогенцоллерны, Медичи, Габсбурги и другие.

По сути, событие подобного масштаба всегда является плацдармом для демонстрации новых веяний моды, а также власти и могущества. По одним только подаркам молодым можно судить о расположении того или иного рода к российской знати вообще и к Долгоруковым в частности.

В ходе сегодняшнего репортажа мы ещё обязательно коснёмся и подарков, и одежды наших гостей, и даже их автомобилей. Каждый штрих важен в этом процессе.

Но давайте же окунёмся в атмосферу зимнего парка в Царицыно. Вся территория усадьбы сегодня оцеплена не только сотрудниками имперской безопасности, но и укреплена армией. Также можно увидеть множество сотрудников частных военных организаций разных родов. Как я уже говорила, в связи с трагической гибелью Державиных, приняты беспрецедентные меры безопасности. Даже нам стоило больших трудов попасть внутрь. И то, некоторые члены группы так и остались снаружи.

Нашей съёмочной группе, как официально аккредитованной в Кремле, разрешили снимать убранство парка со специального беспилотника. Давайте посмотрим вместе, как украсили усадьбу к столь значимой дате.

Мы видим повсюду разные световые инсталляции. Вот тут, у пруда, милующиеся журавли, а ближе к месту, где будет проходить главная церемония, взлетающая ввысь стая белых голубей. Интересно украшены деревья, превратившиеся в различные символы мира и гармонии.

Но больше всего привлекает внимание аллея, по которой молодые пройдут к тому месту, где дадут торжественные клятвы друг другу в любви и верности перед лицом людей и богов.

Вдоль главной аллеи расположились различные арт-объекты, напоминающие о различных стихиях и стилях магии. Каждый особенный и приковывает взгляд даже искушённой публики.

Достаточно сказать, что огонь представлен вулканом, из которого вырываются столбы пламени. Из жерла стекает горящая лава. Она светится, и от неё буквально пышет жаром. Иногда пламя начинает гореть в обратную сторону и это действительно завораживает. Словно языки огня выхватывают что-то в воздухе и угаскивают это обратно в жерло.

В канале нашего телеканала мы обязательно разместим видео этого объекта в хорошем разрешении. Дальше идёт необычный фонтан. Он словно вырывается из дыхала кита и затем разливается под ним. Получается это настолько волшебно, что и кит кажется настоящим, и выходит, что плывёт он по той воде, что сам же и заставил бить струёй в воздух.

У земли достаточно сложный арт-объект. Тут показаны недра, как всё в них живёт, расходится и сходится. Как одни пласты замещают другие. Как растут горы и появляются глубокие каньоны. Тоже потом посмотрите, очень интересно, но, конечно, больше на любителя.

Для магов воздуха сотворили небольшой торнадо под стеклянным колпаком. Это очень забавно. Он пытается выбраться, чтобы добраться до прохожих, но не может. От этого он будто злится и старается ещё больше, но у него ничего не выходит.

А сейчас, внимание! Только что подъехал кортеж жениха. Мы будем с вами внимательно наблюдать за каждым шагом молодожёнов, так как это торжество навеки останется в нашей памяти.

О, юный князь предпочёл классику. Тёмно-синий костюм-тройка, удачно подчёркивающий водную стихию Долгоруковых. Мы можем увидеть некоторые вольности в прекрасной дизайнерской бабочке вместо классического галстука с двойным виндзорским узлом и лишнюю расстёгнутую пуговицу на пиджаке. Но это лишь подчёркивает открытость молодого Аполлона для своей нежной невесты.

Машины отъезжают, и практически сразу на их место прибывает белоснежный лимузин. Лакей в белоснежном смокинге открывает дверь, и до нас доносятся потрясённые ахи и охи. Невеста выглядит настолько шикарно, что многие модницы уже со злости обдирают свой маникюр и звонят стилистам, чтобы потребовать от них компенсацию.

Молодая Троекурова же блистает, словно утренняя звезда. Князь кланяется невесте и спешит к клятвенному помосту. А невесту берёт под руку её отец и ведёт вслед за женихом.

Буквально через несколько минут нас с вами ждёт красивейший древний ритуал, который мы увидим сразу после рекламы.

*

Больно.

Кто-то хлѣсткими ударами бил её по лицу.

Шлѣп! Шлѣп! Шлѣп!

— Да очнись ты уже! — прорычал девичий голос над самым ухом.

Варвара открыла глаза и уставилась на девушку с тѣмными волосами, обрамлявшими правильное и красивое лицо, которое сразу показалось ей знакомым.

— Перестань меня бить! — приказала принцесса, пытаясь отползти подальше от обидчицы.

Но сзади неё оказалась стена, на которую она и опѣрлась. Подниматься на ноги сил не было совершенно.

— Ты кто? — спросила Варвара. — Я видела тебя где-то раньше? Мне, определённо, знакомо твоѣ лицо.

— В зеркало давно смотрелась? — пренебрежительно ответила ей девушка.

— А... ты... — Варвара поняла, что никак не может сформулировать мысль, поэтому сочла за лучшее закрыть рот, и огляделась.

Она находилась в тѣмном помещении с грязным полом и неровными стенами. Примерно так выглядел подвал котельной, в которой хранили уголь для отопления дворца в стародавние времена. Его сохранили для потомков, чтобы те представляли, как это выглядело.

Но этот был явно не музейной достопримечательностью, а действительно заброшенным подвалом. Варвара дѣрнулась, но тут же осознала, что руки и ноги её закованы в блокираторы магии.

— Что здесь происходит? — накинулась принцесса на девушку. — Зачем ты... — и тут она увидела точно такие же блокираторы и на своей обидчице.

Ничего не понятно. Надо сосредоточиться и вспомнить, что с ней произошло. Последнее, что она помнила, отец посылает её вместе с Орловым в безопасное место, они садятся в машину, но тут вдруг начинает сильно пахнуть карамелью, и она... она просит открыть окно, но больше ничего не помнит.

Так, с этим понятно. Кто эта девушка? Почему сидит рядом? И что за намѣки на зеркало? Где они вообще находятся? Слишком много вопросов. Но на некоторые, кажется, ответы есть.

— Ты кто? — повторила свой вопрос Варвара, а затем добавила: — Как тебя зовут?

— Можешь звать меня просто: ваше императорское высочество, — с карикатурным пафосом ответила девушка.

Принцесса решила, что с неё хватит, и попыталась расплавить блокираторы, что в виде наручников сковывали её запястья. Точно такие же виднелись и на голених.

Ничего не вышло. Варвара не чувствовала в себе ни капли магии. Словно в один-единый миг она стала обычным простолюдином.

— Да что здесь происходит! — вопрос был риторическим, но девушка, только что приведшая её в сознание ударами по лицу, решила на него ответить.

— Сцапали нас с тобой, вот что происходит.

— Кто сцапал? — решила на всякий случай уточнить Варвара.

— Разумовский и сотоварищи, конечно же. Меня можешь звать Валей, я — первородная принцесса.

— Вот ещё, — фыркнула Варвара. — Бастарда от какой-то простолюдинки сравнивать с чистокровной принцессой? Нонсенс! Это тебя Виталий Кириллович надоумил монаршей особой-то представляться? Или Скуратов?

— Знаешь, что, — ответила ей Валя. — Ты меня лучше не задирай. Я выросла-то среди простых людей, где за слова принято отвечать. Вмажу так, что ещё в гробу синяки замазывать придётся. Да, на твоё место меня Разумовский прочил. Но я сбежала и предупредила друзей. И не делай так, чтобы я пожалела о своём решении. А то, может быть, стоило умыкнуть у тебя и титул, и Никитку.

Варвара вскинула глаза на собеседницу.

— Как ты смеешь! — со злостью проговорила она. — Никита мёртв, а ты...

— Ах, ты ещё не знаешь? — Валентина присела на раскатанный по полу грязный матрас. — Ну так я тебе расскажу...

В этот момент за дверью послышались шаги, а затем звук отпираемого замка. Отвратительно смазанного, надо заметить, замка. В приоткрывшуюся щель проник лучик жёлтого света, который тут же перекрыла чёрная тень.

*

— Ох, это просто нереальное зрелище!

Сколько раз присутствовала на высокородных свадьбах, но такого великолепия ещё не видела! С вами снова Анжелика Конкорд и свадьба в Царицыно, где сегодня узами брака сочетаются молодой княжич Аполлон Долгоруков и София Троекурова.

На помосте, символизирующем причал холостой жизни, находятся маги огня и воды, именно этим стихиям принадлежат молодые. Над головой мага в белом, который по традиции должен остаться неузнанным, поэтому закрывает лицо, полыхает самое настоящее пламя. Оно не касается глубокого капюшона, а горит в нескольких сантиметрах над тканью. Честно говоря, первый раз вижу воплощение подобной задумки.

У мага воды, у которого также не видно лица, над головой ходят самые натуральные волны. Причём, если приглядеться, то можно увидеть белые барашки над их вершинами. Причём, всё это абсолютно точно не является голограммой. Бушующие волны и пламя реальны, как и молодожёны. Это очень красиво.

Все действующие лица занимают свои места по протоколу, но действие не начинается. Все чего-то ждут.

Вероятно, в протокол внесены изменения. Что ж, посмотрим, к чему это ожидание, а пока вместе посмотрим рекламу. А перед тем я хочу напомнить, что все материалы вы сможете детально изучить на нашем сайте и в нашей группе в социальной сети.

*

— Ну что, девчонки, смотрю уже познакомились? — спросил вошедший в дверь Разумовский.

Тон его был не просто пренебрежительный, а какой-то даже уничижительный. Словно стоявшая перед ним принцесса уже не принадлежала к императорской семье, а была самой обычной девушкой.

— Ты понесёшь заслуженное наказание за свои действия! — высказалась Варвара. — Как только я отсюда выберусь, сразу же доложу отцу, что ты — предатель, — она чуть было не лягнула, что он и так об этом знает, но вовремя прикусила язык, рассудив, что это может быть неожиданной информацией для Разумовского.

— Если ты отсюда и выберешься, — совершенно спокойно ответил бывший начальник собственной безопасности, — то мозги у тебя будут представлять хорошо прожаренную котлету, милочка.

Валя сидела молча. Она сочла за лучшее наблюдать за пикировкой этих двоих, нежели вступать в разговор. По её разумению какого-то более-менее приемлемого выхода конкретно для неё просто нет.

— Что ж вас заставило пойти на столь низкое предательство? — поинтересовалась принцесса. — Неужели вам чего-то не хватало в этой жизни? И деньги были, и уважение императорской семьи, и вся жизнь, как коробка конфет. А вы платите чёрной неблагодарностью.

Варвара попыталась встать с пола, чтобы быть примерно на одном уровне с Виталием

Кирилловичем, но скованные руки и ноги не позволили этого сделать. Он возвышался над ней, словно седой судья.

— Всё могло бы быть иначе, — проговорил старик, проходя внутрь, открывая вид на двух громил из собственной охраны. — Тебе было достаточно выйти замуж за моего сына, Варвара, и в таком случае ваша семья избежала бы той трагедии, которую твоя разборчивость на неё навлекла.

— Что ты такое несёшь? Какой сын? Какая трагедия? Ты совсем с ума сошёл? — принцессу буквально распирали эмоции, но она совершенно ничего не могла сделать.

Впервые с момента, как она осознала себя, Варвара совершенно не могла колдовать. Нет, конечно, она слышала о блокираторах магии, но совершенно не представляла, каково это не ощущать в себе силы. Привыкшая к её бесконтрольным всплескам, она оказалась совершенно не готова к её полному отсутствию. Она словно ослепла и оглохла одновременно.

— Вот из-за подобного поведения я и не намерен больше терпеть ваши выходки, — заявил Разумовский и повернулся к Вале. — Тебе-то чего не хватало? Я пообещал тебе трон и честно собирался выполнить своё обещание. Зачем тебе понадобилось убежать? Что ты искала у Громовых? Что-то рассказала им? По крайней мере, я хотя бы на старости лет понял, почему совершенно никаких дел нельзя иметь с чернью. Пусть даже с родовитой чернью.

— Вы обещали мне не только трон, — холодно проговорила Валя. — И он интересовал меня меньше всего. Вы обещали мне Никиту Державина, но, получив моё согласие, тут же взорвали его. Я была в шоке. У меня случился неконтролируемый выброс магии, — при этих словах Варвара вскинула свой взгляд на девушку, — и я испугалась. Поэтому и убежала. А идти мне было некуда, и я решила отправиться к той, что тоже знала Никиту. Вот и всё.

— Какая чудесная, — нарочито сладко проговорил Разумовский. — Какая сладкая ложь. Девочка, я — менталист. Я враньё за версту чую. И ты не сказала ни единого правдивого слова. Кстати, Варвара, как тебе сестрёнка, а? Боевая, правда?

— Боевая, — себе под нос проговорила принцесса, понимая, что у неё до сих пор горят обе щеки, а затем сказала в полный голос. — Это единственное, что чуть-чуть скрасит твою вину, предатель.

И Разумовский, и Валя воззрились на принцессу.

— Я всегда хотела сестричку, — пожав плечами, пояснила та, причём, скорее для Вали. — Отца, помню, в детстве извела с этим. Он только отмахивался. Это уж потом я узнала, что после меня маменька стала бесплодной.

— Но-но, — проговорил на это Виталий Кириллович. — Никаких сантиментов. Вы мне обе надоели, поэтому я к вам с конкретным деловым предложением. Дабы избежать серьёзных перипетий в нашем с вами общем государстве, принцесса мне всё-таки понадобится.

— Боишься утонуть в хаосе анархии, предатель? — ехидно спросила принцесса.

— Мне всё равно скоро умирать, — спокойно заметил на это Виталий Кириллович. — Я же уже говорил, что не для себя стараюсь. А вот революция была бы довольно забавным зрелищем, да только, боюсь, затянется надолго. Посему одну из вас я посажу на трон. Но так, как обе вы доверия у меня больше не вызываете, мозги я вам, естественно, поджарю. Так что решайте, кто из вас взойдёт на престол в ранге императрицы. То есть одна получит быструю и безболезненную смерть, другая — жизнь, но в качестве исключительно марионетки. Вряд ли у вас после обработки возникнут какие-либо желания, кроме как накачать губы и заказать «имперфон» последней модели. Кто это будет, выбор за вами. Времени у вас, — он посмотрел на часы, — до полуночи.

— Тебе не победить, — сказала на это принцесса.

— Эх, знала бы, сколько раз мне говорили эту фразу ещё до твоего рождения, — притворно улыбнулся Разумовский. — Кстати, передать от тебя что-нибудь папке? Я его совсем скоро увижу. В последний раз.

— Передай, чтобы не вздумал тебя хоронить на русской земле.

Брови старика взметнулись на лоб, но почти сразу опустились.

— Ох уж эти пафос и юношеский максимализм, — пробормотал он, выходя из помещения, но в самый последний момент обернулся. — У вас примерно шесть часов, решайте, кто будет жить, а кто умрёт. Мне даже интересно, кто победит.

*

— А с вами снова Анжелика Конкорд, и мы все вместе в прямом эфире наблюдаем за церемонией бракосочетания молодожёнов Аполлона Долгорукова и Софии Троекуровой.

Прямо сейчас к бархатной дорожке подъезжает приметный кортеж напрямиком из Кремля. Теперь стала ясна причина задержки церемонии. Все ждали прибытия отца-императора.

Надо сказать, что после утренних событий в небоскрёбе министра транспорта Державина, присутствие на церемонии монарха с семьёй было под большим вопросом. Совершенно неясно, кто и каким образом устранил целый род довольно значимых аристократов. По одной из версий это поднимающие голову тут и там анархисты. А в таком случае опасность грозит и самому отцу-императору.

Но, как мы видим, наш батюшка-государь не из пугливых, чтобы отсиживаться в каком-нибудь Кремлёвском бункере, а очень даже смелый человек, решившийся приехать на церемонию одного из главных родов в империи.

Правда, обязательно надо сделать оговорку, что изменения в протокол всё же были внесены. Вместо супруги-императрицы и дочери Варвары он прибыл с тремя магами-абсолютами, призванными защищать его, что бы ни случилось.

Интересно, что отсутствует четвёртый абсолют. Это маг воздуха — Орлов. Интересно, связано ли это как-то с тем, что Державины тоже были маги воздуха или нет?

Итак, император под шквал оваций проходит к помосту и в древнейшем ритуале благословляет молодых двигаться дальше по жизни рука об руку. Молодожёны становятся перед ним на одно колено, а он кладёт им руку на голову, словно провожает детей в дальний путь.

Следом за ним в действие включаются маги. И тут, и там начинают вспыхивать языки пламени, перемежающиеся лазурно-голубыми волнами. Князь и княжна встают с колен и проходят к великой книге судеб. Тут маги спрашивают, добровольно ли юные особы пришли к алтарю, те кивают. Затем их предупреждают, что они до конца жизни несут ответственность друг за друга, как перед своими родами, так и перед всей общественностью вообще. Что бы ни происходило в их жизни, союз их пары должен быть гармоничным и блистающим.

Глава 5

— Никит, говорить можешь? — спросила меня сестра, когда я принял звонок от неё.

И только это случилось, как я вдруг ощутил, что уровень тревоги возрос на порядок. Его и так в последнее время хватало, но тут он просто зашкалил.

«Куда уж больше? — подумал я. — И так несколько раз чуть не умер. А один раз даже умер».

«Раз простой смертью тебя уже не удивить, — философски размышлял Архос, — значит, на этот раз должно случиться что-то из ряда вон выходящее».

— Да, Карин, что случилось? — ответил я сестре.

«С тех пор, как я в этом мире, — ответил я Архосу, — только из ряда вон выходящее и случается».

«Ты должен быть закалён для великих свершений», — задумчиво проговорил мой ментальный наставник.

— Никит, тут такое дело... — и только теперь я понял, что голос сестры дрожит. — Мы Валу потеряли.

— Что! В каком смысле!

Я ехал в императорском кортеже, но в машине с дедом и братом. Дядя Слава с элитными воинами из своей ЧВК отправился на розыски принцессы. Николай и Державин-старший сразу напряглись и стали следить за моим разговором. Рассудив, что лишних в машине всё равно нет, я включил громкую связь.

— Мы с девчонками сидели и болтали, потом я почувствовала, что... Одним словом, мне понадобилось в туалет и в душ. Я зависла в новостном паблике, где всякую чушь про нас писали, а когда вернулась, никого уже не было. Я побежала по коридору и увидела Катерину. Она с пустыми глазами шла, как зомби, и твердила, что нужно уничтожить записи. Я её встряхнула, и она вроде бы пришла в себя. Но куда Валя делась, не знала. А я потом заметила, как кого-то грузят в машину. Мы посмотрели по камерам, и это тот... ну... Скуратов, кажется... Вот.

— Так, давай по порядку, — попросил я. — Скуратов проник к Громовым в усадьбу и похитил Валю?

— Да, — Карина всхлипнула, хотя до этого держалась молодцом. — И Катерину зачаровал, но несильно, и она сейчас уже в себя приходит. Хотел, чтобы она записи с камер видеонаблюдения уничтожила.

— Вот же, сучёныш, — понуро проговорил дед. — Всё им неймётся. Карин, а как он внутрь-то попал?

— Да тут выступления были каких-то людей. Они внутрь коктейли с зажигательной смесью бросали. Охрана и вышла их усмирить. В это время он и проник. Только его никто не видел. Думаю, он использовал что-то из уловок менталистов, чтобы ни единая душа не заметила, что он пробрался на территорию.

— Что будем делать? — спросил Николай.

— А что мы можем сейчас сделать? — дед развёл руками. — Сейчас мы едем на свадьбу, на которой, кстати, нас с вами быть вообще не может.

— Кстати, — произнёс я с несколько театральным пафосом. — Всё время забываю, что уже умер, — а затем снова перевёл внимание на Карину. — Мы всё поняли, меры, какие сможем, примем. Следи за ситуацией и за состоянием Катерины. Она совсем недавно на том свете побывала.

— Хорошо, я поняла, — ответила сестра и отключилась.

Мне очень не понравилось то, что я услышал, но сиюминутных решений у меня не было. Оставалось надеяться на то, что Валя сможет за себя постоять какое-то время. А когда мы покончим с Разумовским, то и ей уже ничего угрожать не будет.

Кортеж остановился недалеко от усадьбы Царицыно. Дверь нашей машины открылась, и к нам вошёл сам отец-император с супругой.

— Внутри будет очень опасно, — сказал он. — Поэтому свою дражайшую супругу я доверяю вам, Игорь Всеволодович. Вы уже доказали, что можете обманывать смерть, так что и императрицу защитить от неё сможете. А я пойду в пасть к Разумовичу-Горынычу лично.

— Будет исполнено, — поклонился императору дед. — Ваша супруга будет в полной

безопасности. Можем мы ещё чем-то помочь?

— Будьте начеку, я, честно говоря, совершенно не представляю себе, чем это всё закончится.

— Всё закончится победой, мой дорогой, — произнесла тихим голосом императрица. По ней было видно, что она сильно переживает из-за дочери.

— Это понятно, — согласился император. — Знать бы только, чьей.

— Нашей, конечно, — отозвался я.

— Молодец, юноша, — сказал монарх. — За оптимизм хвалю.

— Разрешите пойти с вами, — попросил я, подчиняясь внутреннему инстинкту. — Возможно, я смогу чем-то помочь на месте.

В этот момент в машину заглянул Арсений Громов, видимо, решивший узнать, в чём заминка.

— Никита Александрович, — полуофициально сказал Ярослав Иванович. — Скажи, как я смогу объяснить твоё появление гостям, которым уже полдня показывают твою фотографию с траурной лентой?

— Я замаскируюсь, нет ничего проще, — ответил я.

— Простите, что вмешиваюсь, — произнёс Арсений, — но рекомендую взять парня с собой. У него просто масса скрытых талантов.

Я даже не понял, серьёзно он говорил или с подколом, но император к нему прислушался.

— Хорошо, иди во вторую машину к Громовым. Только сделай так, чтобы тебя не узнали.

— Будет сделано, — бойко ответил я и обратился к своим, — Наш род будут вспоминать ещё долго.

— Иди уже, — улыбнулся дед.

— Так их, — ответил Николай.

А я крепко задумался, как сделать так, чтобы меня никто не смог узнать.

«Если что, магию иллюзий я тебе закинул одной из первых, — сказал Архос. — Если хочешь, сделаем тебя эффектной блондинкой на двенадцатисантиметровых шпильках?»

«Нет, спасибо, — ответил я, представив себе эту картину. — Давай как-нибудь оставим меня в мужском облики, но сделаем неузнаваемым».

«Согласен, тебе же надо ещё беспрепятственно перемещаться по всей территории, — заметил мой ментальный наставник. — Как насчёт уборщика?».

«Уборщик — это для меня чересчур грутально, — усмехнулся я. — А вот официант-разносчик шампанского — самое то».

«Мне даже интересно, через сколько бокалов ты научишься правильно держать поднос?» — не забыл меня поддеть Архос.

«Надеюсь только на твою помощь», — уел я учителя.

Весь этот внутренний диалог происходил уже в машине, где ехали Громы. Улучив момент после остановки, я незаметно выскочил из машины уже с другим лицом. А увидев, как одеваются местные официанты-разносчики тут же стал одним из них.

*

— Прекрасно, — мрачно проговорила принцесса, когда Разумовский ушёл. — Жалко магия не работает, я бы этого старикашку на шашлык пустила бы.

— Жёсткий больно, на шашлык-то, — заметила на это Валя не менее мрачным тоном. — Вот на вопящую ракету из него я бы посмотрела.

— У-и-и-и, я управляю императорами, — изобразив старческий голос, проговорила Варвара. — И ничего, что у меня из задницы пламя, это так и задума-ано-о-о!

У неё получилось настолько натурально, что обе рассмеялись.

— Слушай, а ты серьёзно по поводу сестры сказала? — спросила Валя через пару минут. — Или так, к слову пришлось?

— Абсолютно, — ответила принцесса, глядя на новую знакомую. — Ты себе реально не представляешь, насколько одиноко во всех этих дворцах и теремах.

— У тебя же фрейлины там, обслуга всякая, — сказала на это Валя. — Разве с ними скучно?

— Ты просто не жила в этом, понимаю, но... Пойми, там каждый стремится тебе угодить. Сделать то, что ты от него ждёшь. Никакой искренности, каждое движение выверено, каждое слово по протоколу. Это просто убой. Ты знаешь, чем меня Никита зацепил? Тем, что он настоящий.

— Настоящий, — согласилась Валя. — А по поводу стремления угодить... ну не знаю, разве лучше, когда тебя вечно хотят изнасиловать или убить, и говорят об этом честно в лоб?

— Вот, как сейчас? — поинтересовалась принцесса, кивнув на дверь.

— Именно, — ответила Валя. — Хотя этот маньяк кровь от крови ваш, а не наш забулдыга.

— Сейчас, по крайней мере, он искренен. А ещё совершенно ясно, где друзья, а где враги, — сказала Варвара, пытаясь устроиться поудобней.

— Уверена? — спросила Валя и придвинулась к принцессе. — Ты сюда как попала-то? Меня вот Скуратов, падла такая, утащил. А тебя?

— А меня маг-абсолют, поклявшийся положить жизнь за моего отца и защищать его семью вместо собственной, — ответила Варвара, вспоминая последние минуты, которые помнила.

— Вот, а ты говоришь, — сказала Валя, вставая рядом с Варварой на колени.

— Эй, ты чего? — встрепелась принцесса.

— Когда этот заходил, я увидела, что у тебя в волосах что-то блеснуло. Шпильки? — поинтересовалась Валя.

— Ага, — кивнула Варвара. — А зачем?..

— Видишь ли, эти блокираторы сделаны точь-в-точь, как обычные наручники. Единственное, что в них добавлено сверху — это именно блоки с подавляющими магию полями или артефактами, или я не знаю чем.

— Я тоже не знаю, — пожала плечами Варвара.

— Так вот, а простые наручники я умею открывать шпилькой для волос, — сказала Валя. — Так что не дёргайся, дай достану.

Спустя несколько секунд она подцепила грязными пальцами шпильку и вытащила её.

— Ого, серебряные, что ли? — спросила она в недоумении.

— Платиновые, — ответила принцесса, словно это было чем-то само собой разумеющимся.

— У нас во дворце только такие.

— Тьфу, пропасть, — сплюнула Валя. — Стальные бы получше были. Ладно, будем пытаться этим дерьмом что-то сделать. Кстати, пока ты с блокиратором и не полыхнёшь почём зря, должна тебе сказать... — она помедлила несколько секунд. — Никита жив.

Варвара дёрнулась всем телом и сползла на грязный пол, ещё больше пачкая одежду и волосы.

— Что! А ты откуда знаешь!

— Видела, — ответила Валя. — Подставляй руки.

— Почему я первая? — с подозрением спросила принцесса. — Вдруг я тебя обману и одна улизну?

— Ну с себя мне начинать неудобно, да и поверила я тебе про сестру-то. Зря?

— Да нет, не зря, — смутилась Варя. — Прости, — а потом, словно что-то сломав внутри себя, спросила: — А как он? Сильно пострадал?

— Вообще не пострадал, — ответила Валя, ковыряясь шпилькой в замке наручников и попутно шипя на мягкий металл. — Они всё инсценировали. Точнее, не так. Взрывчатку им и правда подложили, но они вовремя её нашли. И вместо того, чтобы её вытаскивать, решили, пусть взрывается, чтобы Разумовский подумал, что выиграл.

— Он тебе сам это рассказал? — спросила принцесса.

И Валя слышала плохо скрытую ревность в голосе сестры. А сама подумала, что тоже испытала подобное, когда увидела их поцелуй. Но что-то внутри не позволило ей соврать, чтобы получить минутное удовольствие.

— Нет, вообще случайно получилось. Да не гнись ты! — последняя фраза прозвучала в адрес шпильки. — Я пришла к Громовым, чтобы рассказать о заговоре, а они там всем родом сидят, о чём-то договариваются. Как я поняла, чтобы те их в войне против старика этого поддержали. Ну а Громовы не хотели, мол доказательств шиш и так далее. А тут я, такая красивая, появляюсь... Да чтоб тебя в бога душу мать... Ну вот, появляюсь я и говорю, мол, старик-мозгоправ задумал императора извести. Ну и тут все засуетились забегали, помчались к императору. А меня там оставили, — Валя тяжело вздохнула, и тут раздался щелчок замка. — Ну, Скуратов-падла меня вычислил, вырубил и утащил.

Принцесса растирала руки. От долгого нахождения в одной позе они затекли.

— Теперь ты, — сказала Валя, протянула шпильку и вытянула руки с браслетами блокиратора.

— Я не умею, — ответила принцесса.

— Тогда план «Б», — решила Валя и склонилась к тому блокиратору, что был на ногах Варвары.

Этот поддался гораздо быстрее.

— Теперь плавь мои, — сказала Валя.

Но принцессу просить не было нужды. Она уже раскалила металл соединяющей браслеты цепи, и та, побелев, разорвалась. То же самое они проделали и с ножными. Однако основной проблемы с блокировкой это не решило, поэтому следующие полчаса Варвара то и дело под руку спрашивала:

— Ну как? Получается? — заглядывая в глаза сестре.

— Да что ж ты... Миленький, ну давай, не упрямясь, — сопела Валя над собственными

оковами. Пот бисеринками собирался у неё на лице, но она не отвлекалась, пытаясь подцепить заветный рычажок. В конце концов, она разозлилась и, грязно выругавшись, хрустнула большими пальцами, практически вывихнув их.

Стон боли разнёсся по камере, когда Валя снимала браслеты, так и не сумев их открыть. Варвара только ошалело следила за действиями девушки, ещё сильнее её глаза раскрылись, когда новообретённая сестра вправила вывих обратно.

— Что? Это был план «В», — пожала плечами Валя, — а теперь предлагаю бадабумс.

— Бадабумс? — не поняла Варвара.

— Ага, — улыбаясь подтвердила Валентина. — Большой бадабумс. С кричащими факелами.

— Ах, это, — приподняв брови, проговорила принцесса. — Это я могу, умею, практикую.

*

Довольно быстро я научился маневрировать с подносом, полностью заставленным бокалами с шампанским так, что пенящаяся жидкость не норовила выплеснуться на поднос, а то и того хуже на кого-нибудь из окружающих.

«Ну вот, — проговорил непонятно почему довольный Архос. — Если не выйдет с аристократией, ты всегда сможешь заработать себе на кусок хлеба официантом».

«Это умение тоже входит в необходимые для Примарха? — поинтересовался я в ответ. — Или ты считаешь, что этот менталист мне не по зубам?»

«Да я просто хотел атмосферу разрядить, — вздохнул мой ментальный учитель. — А то тучи так сильно сгустились, что и посмеяться некогда».

«Насмеёмся ещё, — заверил я. — Только надо понять, каким образом будет действовать наш враг. Ты можешь мне что-нибудь дельное подсказать?»

«Если бы я хотел устранить действующего главу государства, то вполне вероятно захотел бы проконтролировать этот процесс. Это, знаешь ли, не детей растить, тут делегировать гораздо сложнее».

«Он не рискнёт появиться тут сам, — ответил я. — Это исключено. Полагаю, его уже разыскивает много специально обученных людей».

«Ну, во-первых, собственная безопасность в его поимке не задействована, потому что её ещё всю придётся на лояльность проверять. Это как в той поговорке про паршивую овцу. А, во-вторых, тебя тоже не должно тут быть. А Разумовский — менталист, ему глаза отвести — раз плюнуть».

«И то верно, — озадаченно ответил я. — Ладно, будем искать. Другой вопрос, как можно

при такой охране попытаться безнаказанно убить императора?»

«У семи нянек дитя без глазу», — ответил мне Архос и затих.

Что он хотел этим сказать, я не особо понял. Но, видимо, когда слишком много охраны, это не очень хорошо. Что ж, буду рассчитывать только на себя.

Итак, я подвёл итог, на что мне нужно обратить внимание. Первое: мне нужно всегда находиться где-то поблизости от императора, потому что покушение, ясное дело, произойдёт где-то поблизости. Второе: мне надо попытаться найти Разумовского, который вполне возможно находится прямо на этом мероприятии, но под чужой личиной. Это не такая магия иллюзии, как у меня, он просто транслирует другую личность на ментальном уровне, оставаясь собой по факту. Третье и самое непростое: попытаться понять, с помощью чего будет устроено покушение.

Что-то высокоточное? Вряд ли. Полагаю, ни одна пуля, ни один магический заряд не сможет приблизиться к императору. Я посмотрел на него сквозь эфирную линзу и чуть не ослеп. Монарх светился от защиты, как новогодняя ёлка. А в качестве игрушек на нём были развешаны различные артефакты. Нет, магией тут ничего добиться нельзя.

Обычной магией.

А если предположить, что будет использована эфирная магия? Может быть такое? Вполне. Её точно используют наши противники поэтому, почему бы не дать ей хода и тут? Эфир не видно, нельзя отследить, его воздействие незаметно для окружающих. По факту лучшего оружия и не найти.

Я тяжело вздохнул. А вот мне использовать зрение сквозь эфирную линзу постоянно не получится. Да и вообще следует с этим быть осторожнее. А вдруг среди приглашённых есть эфирник? Я почему-то не сомневался, что так оно и есть. Слишком уж резонансное событие.

«Ладно, — решил я, — буду использовать аккуратно и иногда, хорошенько перед этим осмотревшись».

— Молодой человек, — позвал меня старый барон с затёртым гербом на пиджаке. — Будьте добры бокальчик, пожалуйста.

Говорил он тихо, шамкая почти беззубым ртом, поэтому я лишь по губам понял, что он от меня хочет. Я поставил наполненный бокал и забрал пустые. А их тут был уже добрый десяток. По всей видимости, старый барон не отказывал себе в выпивке.

Он же показал мне два пальца.

— Ещё? — поинтересовался я.

— Да, — кивнул тот, и мне показалось, что голова у него сейчас отвалится. — А то это на один зуб.

Я поставил перед ним ещё два бокала, уверенный, что у старика всего один зуб и остался. Подчинившись внутренним установкам, я проверил его магическим взглядом, но ничего подозрительного не увидел. Старик и старик, да ещё и на кресле каталке с автоматическим управлением. Вдобавок ко всему вокруг него вился устойчивый старческий запах, перемешанный с запахом застоявшейся мочи. Неприятно, одним словом.

Я подумал о том, кто его мог сюда пустить, но потом оценил место. В самом углу, за колонной. Оттуда явно будет ничего не видно. Так что пусть там сидит и пьёт старый забулдыга, все достижения которого остались далеко позади во времена бурной молодости.

Тем временем император всю игру свою роль, разговаривая с гостями, уделяя внимание практически всем, кто этого желал. Внешне он находился в весьма благодушном состоянии, и только я, да и, вероятно, другие эмпаты видели, что на самом деле творится в его душе. Пожар, вот как я назвал бы это одним словом.

Но Разумовского или Скуратова не было ни следа. Даже моя тревога, последнее время выкрученная чуть ли ни на максимум, потихоньку улеглась.

«Может быть, он решил не бить сегодня? — решил я посоветоваться с Архосом. — Может, он подумал и отступил?»

«Ему некуда отступать, — ответил Архос. — Завтра проверят собственную безопасность, а затем объявят на него широкомасштабную охоту. У него нет времени, поэтому ищи».

И я искал. Но не находил.

Глава 6

*

Валя прислонила ухо к двери и прислушалась.

— Бубнят что-то, — сказала она, обернувшись к принцессе. — Человек пять-шесть. Но, думаю, их там больше.

— Почему? — удивилась принцесса. — Две хрупкие девушки, как мы с тобой...

— Два мага огня не самого низкого уровня, — в тон ей произнесла Валя. — Полагаю, боятся. Ну что, готова?

— Давай проговорим ещё раз, — попросила Варвара.

— Хорошо, — согласилась Валя, и они ещё раз по пунктам повторили схему придуманного ими побега.

В ней, конечно, имелось множество «если», но ничего другого девушкам не оставалось.

Сосредоточив своё внимание на двери, как её учила Хунь Ли, Варвара собрала всю возможную энергию в кулак и ударила в одну точку. Чуть выше центра двери.

Металл согнулся, словно был тонкой жестью, а не толстенной сталью, и мгновенно разогрелся. Дверь, кувыркаясь, как детская игрушка полетела в соседнюю комнату, по пути кого-то прибив.

Крики, вопли, визги, стоны боли наполнили соседнее помещение. Но тут же Валя запустила вслед двери волну такого огня, что плавилась стены, пол и потолок. По бокам теперь стекали металл и камень, а всё вокруг дышало жаром, сравнимым с вулканическим.

Воплей стало значительно меньше.

И тут девушки взялись за руки, сконцентрировались и выпустили столько энергии, сколько вообще способны были выпустить в одно-единственное мгновение.

Воздух, застонав, сгорел в первую же секунду. Затем были лишь лепестки сжатого пламени, а потом...

Бабахнуло так, что в трёх километрах от заброшенной территории старой фабрики в домах выбило стёкла взрывной волной.

Сам подвал, в котором прятали девушек разворотило, погребя где-то в недрах полтора десятка охранников. Цех над этим самым подвалом раскололся надвое, а затем одна из половин упала на останки соседнего.

— Бадабумс, кажется, удался, — проговорила Валя, заправляя прядь грязных волос за ухо.

— Ещё бы, — согласилась принцесса. — И это только начало. Никогда не злите принцесс!

Они засмеялись и хлопнули ладонью о ладонь друг друга.

За соседним цехом отыскалась правительственная машина, не пострадавшая лишь по той причине, что её скрывали от взрывной волны основательные конструкции. Причём, если бы водитель не выскочил узнать, что случилось, то, возможно, и не нашли бы.

Подождав, пока тот пробежит к разрушенному цеху, девушки ринулись к машине.

— Чёрт, ключей нет, — сказала Варвара, первой забравшаяся на водительское сидение. — Придётся водителя вырубать.

— Да хрен с ним, — ответила на это Валя. — Дай-ка мне.

Принцесса подвинулась, дав сесть за руль неожиданно найденной сестре. Валя откинула кожух под рулём и пару минут копалась в проводах.

— Подсвети, — попросила она.

Варвара хлопнула себя по немногочисленным карманам.

— Нечем, — ответила она. — Телефоны нам почему-то решили не оставлять.

— Ну да, — согласилась Валя. — Так, где же эта хреновина?..

— Вы чего там делаете? — донёлся до них голос водителя. — А ну-ка живо вылезайте из машины, пока я вас...

Остальных слов они не услышали, так как громко взревел мотор, и Валя от всей души вдавила педаль акселератора в пол. Оставляя за собой шлейф пыли и запах гари, девушки помчались в Москву, чтобы предотвратить покушение на императора.

*

— Ну и что ему нужно? — спрашивал император у Арсения Громова, который не отходил от монарха ни на шаг и находился даже ближе магов-абсолютов, которые предпочитали не замечать этого обстоятельства.

Арсений лишь пожимал плечами. Не мог же он сказать, что изначально был против всего этого безумия? Вот именно.

— Я уже и танцевал, и со всеми поболтал, и молодых поздравил... трижды. Мне по протоколу только кусок торта взять и уходить, всё.

— Ну и уйдёте, — сказал на это Арсений.

— Не люблю я, когда чего-то не понимаю. А тут я вообще ничего не понимаю, поэтому меня просто разрывает от неизвестности, — признался император. — Так что, смотри, осталось пятнадцать-двадцать минут, ничего не упускай поблизости, хорошо?

— Хорошо, — ответил Арсений, в душе надеясь, что всё образуется без его вмешательства. И уж тем более не выйдет так, что он окажется виноват в гибели императора.

И не в том дело, что Громов был недостаточно храбрым, нет, он больше всего переживал за свою семью, а уже потом за всех остальных.

В этот момент телефон в руках императора зазвонил.

— Ух ты! — монарх едва не подпрыгнул на месте. — Вот это да! — и уже в трубку: — Да! Где тебя черти носят! Где Варвара!

*

Подозрительно.

Настолько подозрительно тихо, что даже волнительно. Свадьба проходила настолько чинно

и пасторально, что не возникало ни единой мысли, что что-то тут может пойти не по плану. Молодые уже приняли поздравления от всех делегаций, в том числе и от зарубежных, и получили подарки. За их здоровье, благополучие и долгую совместную жизнь выпили несколько десятков раз. Особенно старался старый барон за колонной. Я, честно говоря, сбился со счёта выпитых им бокалам. То и дело в воздух взлетали разноцветные фейерверки.

Оставался только торжественный выезд торта и салют.

Может быть дело в торте? Но его вроде бы проверяли.

С другой стороны, могли что-то и пропустить, не так ли? Могли, конечно.

Пока я бегал туда-сюда за шампанским, а затем обратно — с пустыми бокалами, я видел его в боковой комнате. Огромный, четырёхъярусный. Надо бы на него взглянуть сквозь эфирную линзу.

«Это слишком опасно, — одёрнул меня Архос. — Ты сам говорил, что тут могут быть скрытые эфирники».

«Торт пока не на виду. Кто меня увидит?»

«Полагаю, он под пристальным вниманием охраны, — сказал на это мой учитель, и мне пришлось с ним согласиться. — Но твои догадки не лишены смысла».

И вот что делать?

Проходя мимо в очередной раз, я окинул торт магическим зрением. Вроде бы ничего подозрительного. Торт, как торт. Только с каркасом. С другой стороны, такой огромный торт без него вряд ли сможет обойтись, так?

И всё-таки трубки показались мне слишком уж толстыми для поддержки торта. По моему мнению, на такой каркас можно было и доски застелить для строительных лесов.

Я вновь вышел с полным подносом шампанского с твёрдым желанием взглянуть в следующий раз на трубки внутри торта через эфирную линзу.

По уже сложившейся традиции я начал обход своей зоны с барона. Вот только тут меня ждал сюрприз. Старого алкоголика на месте не оказалось. «Видимо, уехал готовить место для новых порций», — подумал я и отправился дальше. Мне не давал покоя торт.

*

Когда шум отъезжающего автомобиля стих, водитель услышал слабые стоны от разрушенного цеха. Он подумал, что это невероятно. Никто не мог выжить в том аду, который там разверзся. Но, тем не менее, кто-то всё более усиленно ковырялся в завалах.

Затем в какой-то момент бабахнуло, и в воздух взмыла куча хлама, в том числе и

искорёженная взрывом дверь, которая сейчас больше походила на бесформенный и оплавившийся ком металла.

Из-под взлетевшего мусора показался вымазанный грязью человек. Водитель вздохнул с облегчением: ну хоть работодатель жив.

— В машину, быстро! — распорядился Орлов, ковыляя к нему.

— Нет машины, — дрожащим голосом ответил водитель. — Две д-девушки заб-брали.

— Твоего ж полководца за ногу, — выругался Орлов. — А другие машины поблизости есть?

— Автобус охраны только, — развёл руками водитель. — Но я не знаю, где ключи...

— Неважно, ключей мы уже не найдём. Попробуй завести так и подгоняй сюда. А мне позвонить надо.

— Хорошо, — ответил водитель, понятия не имея, ни как заводить автобус без ключа, ни как им управлять. Нет, в теории все машины управляются одинаково, но есть и нюансы.

Орлов, оставшись один, достал телефон. Дисплей покрылся сетью трещин, но, как ни странно, аппарат включился. Маг-абсолют набрал номер из основного списка.

— Император? — сказал он в трубку, как только прервался гудок.

— Да! Где тебя черти носят! — едва сдерживаясь, чтобы не закричать, спросил монарх. — Где Варвара!

— Ваше императорское величество, не велите казнить, — запричитал Орлов. — Нас похитили, нацепили блокираторы магии, держали в каком-то подвале в промзоне. Здесь вокруг обгоревшие тела, но её среди них нет, так что... вероятно, принцесса вырвалась из плена. Предполагаю, что она могла отправиться либо в Кремль, либо на свадьбу к вам.

— Я тебя понял, — холодно ответил ему Ярослав Иванович. — Сам добратся до Москвы сможешь?

— Да.

— Тогда сразу в Кремль, там блокираторы снимут. Завтра нас с тобой ждёт серьёзный разговор.

— Понимаю, ваше императорское...

— До связи, — оборвал его император и повесил трубку.

Вдалеке послышался гул мотора. По всей видимости, водитель всё-таки сумел завести автобус.

*

— Громов, ты где? — император оборачивался, ища глазами Арсения.

— Я тут, — тот появился, словно из-под земли.

— Передай Державиным, чтобы их поисковый отряд сворачивался. Есть вероятность, что Варвара жива и едет к нам. Нужно встретить её на подступах, чтобы обезопасить. Понятно?

— Да, всё предельно ясно, — отрапортовал Арсений, довольный тем, что всё потихоньку начинает налаживаться. — Сейчас сделаю.

И он тут же стал набирать Игорю Всеволодовичу.

«Только бы всё это закончилось мирно, только бы пронесло», — думал он.

*

— Нас не догонят? — спросила Валя, сверяясь с навигатором.

— Нас не догонят, — уверила её принцесса. — А если даже остановят, то потом сами извиняться замучаются. Ну ты представь, правительственная тачка со спецномерами и принцессой на пассажирском сидении.

— Чёртов флэш-рояль, — согласилась Валя. Она приоткрыла окно, и холодный ветер трепал её волосы. — Куда едем? В Кремль? Или сначала по магазинам?

Принцесса внимательно пригляделась к ней.

— Ты точно моя сестра. Просто с языка сняла. Нет, не в Кремль. Сегодня свадьба у Долгоруковых в Царицыно, и я, кстати, должна там подружкой невесты быть. Как тебе такой прикид подружки невесты? — она указала на свою одежду, густо вымазанную грязью и сажей.

— Ты будешь эффектнее всех, — заявила на это Валя.

— Надо запомнить, — сказала Варвара. — Теперь не жалкое зрелище, а эффектное.

— Ну а что? — Валя на скорости входила в довольно крутой поворот. — Мы с тобой не по пьяни в грязи извазюкались, а жизни свои спасали.

— И то верно, — согласилась принцесса. — Ты вообще понимаешь, где мы находимся?

— Ага, — ответила Валя, уверенно орудуя органами автомобиля. — В получасе от МКАДа, в заброшенной промзоне.

— А почему она заброшена? — удивилась Варвара. — Я думала, земля в области дорогая.

— А это вас спросить надо, — ответила Валя. — С тех пор, как государство отжало эту фабрику у одного обедневшего рода, она так и стоит, разрушается. Уже лет десять.

— Ого! Кажется, нас с тобой ждут долгие и увлекательные беседы, — мрачно проговорила принцесса. — Сколько нам ещё ехать?

— Час, если не торопиться.

— А если торопиться? Очень торопиться?

— Минут сорок, думаю, — и Валя вдавила в пол педаль акселератора.

*

— Алло, Виталий Кириллович, здравствуй дорогой. Беда!

— Что случилось, Михаил Николаевич! Только не говорите мне...

— Убежали, Виталий Кириллович, обе. Всех убили, я один насилу выжил. Машину угнали и сбежали.

— Да как так! — рявкнул Разумовский. — Я был лучшего мнения о ваших способностях, господин Орлов. Не справиться с двумя малохольными девчонками! — и бросил трубку.

В этот момент к магу-абсолюту подъехал автобус.

«Надо затаиться, — подумал Орлов. — А потом идти на поклон к тому, кто выиграл».

*

— Скуратов! Слышишь меня?

— Слышу, почему ты так шипишь?

— Чтобы никто не услышал. Сейчас же дуй на перехват девчонок. Они на машине Орлова сюда едут.

— Понял, выполняю.

— И это...

— Да.

— Если не выживут, я не расстроюсь. Они знают слишком много. Революция, так революция.

— Понял, — с выражением непонимания собеседника ответил Скуратов и отключился, поспешив в свою машину.

Он дежурил недалеко от парка на случай всяких непредвиденных ситуаций. Таких, как эта, например.

*

Взглянуть на торт до его торжественного появления в зале я так и не успел. Причём, и тут не обошлось без шероховатостей. Официанты, везущие четырёхъярусную конструкцию, не заметили пьяного барона на автоматическом кресле-каталке и едва не зашибли его. Проявив чудеса изворотливости в своём состоянии, тот всё-таки избежал соприкосновения. Хотя мне показалось, что он мазнул рукой по самому низу.

А затем он практически наехал на меня, но вовремя затормозил, извинился и взял сразу два бокала.

— Благодарю вас, юноша, — прошамкал он и скрылся за колонной, занимая своё место.

«Странно, — подумал я, — на его месте резонно было бы остаться, чтобы получить свой кусок. Впрочем, он может не любить сладкого, правда?»

А вокруг торта уже начали толпиться люди. Понимая, что у меня есть лишь одна попытка, я на свой страх и риск взглянул на кремовую конструкцию через эфирную линзу.

И обомлел.

Глава 7

Точнее, не так.

Сначала я тоже ничего не увидел, так как трубки каркаса не позволяли мне рассмотреть, есть ли что-то внутри них. Но затем я, памятуя, что всё на свете есть эфир, решил проникнуть сквозь металл.

И нашёл искомое.

Всё та же композитная взрывчатка, что использовалась и для подрыва нашего крематория. А это означало, что торт вот-вот взорвётся, так как я словно в замедленной съёмке видел, как приближаются к нему молодожёны и император с магами-абсолютами. И в это сложно было поверить, но щиты у всех были либо деактивированы либо работали в полсилы.

А ещё это значило, что подрывник где-то совсем близко, так как дядя Слава упоминал, что для конкретно этой взрывчатки есть свои ограничения. Из-за собственного фона она не различает сигналы дальше тридцати метров.

Нужно было что-то делать, и срочно.

— Щиты! — крикнул я и ринулся к тарту, словно мог полностью заслонить его собой.

И почему-то именно в этот момент в моей памяти возникла совершенно нелепая картина, когда Олег Чернышёв, пытаясь соединиться со своей стихией, принялся зарываться в землю моего сада на берегу ручья. Я, кажется, даже запах того места почуял.

Но именно это воспоминание позволило мне принять быстрое и максимально правильное, как мне казалось, решение.

Конечно, я мог бы закрыть торт эфирным щитом, вот только пуля Люберецкого этот щит пробила с лёгкостью. Смогу ли я сейчас создать что-то менее эфемерное для материальной угрозы? Времени на то, чтобы это выяснить, не было.

Я просто призвал эфир, пропустил сквозь своё новенькое эфирное сердце, перерабатывая его в магию земли, и создал провал ровно под тем местом, где находился торт. Внизу что-то заскрипело и застонало. Видно, утратив опору земли, стонал провисающий участок фундамента. Но мне было плевать. Нужно было срочно убрать чёртову сахарную бомбу с её быстрыми углеводами.

Не рассчитал я одного. Что мраморный пол окажется на редкость прочным. Он, кажется, треснул в нескольких местах непосредственно под взрывоопасной конструкцией, но продолжал держать.

Мне потребовалось ещё одно усилие, чтобы раздробить плиты мрамора толщиной в десять сантиметров. И в каждом хрусте я слышал звуки начинающегося разлёта взрывной волны.

Можно сказать, я спиной почувствовал, что кто-то жмёт на кнопку активации бомбы. Но я надеялся, что поздно. Слишком поздно.

Торт, словно безумная кремовая ракета принялся скрываться в шахте. Этаким полёт в космос, но наоборот. Или можно предположить, что у этого смертоносного снаряда просто не хватило сил, чтобы побороть притяжение земли.

И вот когда второй ярус вслед за первым скрылся под мраморным полом, началась цепная реакция взрыва. Основание торта просто разорвало на куски, затем разрушение коснулось следующего слоя и принялось подниматься выше.

Кажется, я применил эфирный щит, чтобы быстрее запихать разлетающийся крем в недра земли. И ещё я в какой-то момент понял, что тут служило ударной силой. Карамельные звёздочки, которым было усыпано лакомство должны были максимально посесть гостей свадьбы. И если пятым-шестым рядам досталось бы не сильно. То молодожёнов и императора с семьёй должно было просто разорвать на куски.

Я бы успел. На самом деле, я бы успел.

Но случилось так, что на взрывной волне торт решил всё-таки немного взлететь. И именно в это мгновение разлетелся верхний ярус.

Я совсем чуть-чуть не дотянулся щитом до императора. Зато его почти полностью прикрыл

Валерий Чернышёв. Лишь левая нога монарха осталась незакрытой. Её и посекло пресловутыми карамельными звёздочками.

Ярослав Иванович охнул и осел на пол.

А воздух буквально разорвало от криков и визгов. У рухнувшей на пол невесты белая юбка постепенно пропитывалась красным. Перекошенное личико свидетельствовало о множественных ранах. Молодому князю тоже досталось, но он первым делом принялся помогать жене.

А вот их родне досталось по полной программе. Кому-то сладкой шрапнелью выбило глаза и зубы. Кому-то разворотило грудную клетку. Возле провала пол быстро окрашивался в красный цвет.

Кто-то умер сразу. Кто-то потерял сознание. Другие выли и пытались подняться. Тётя невесты отползала от провала, в котором скрылся торт, оставляя за собой кровавый след и волоча голень за собой на сухожилии. Мужчина, которому снесло половину черепа несколькими снарядами, бестолково прикладывал руку к ставшему бесформенной губкой мозгу, а затем долго разглядывал испачканные пальцы, да так и рухнул на пол.

Всё это дополнялось воплями паникующих людей и стонами раненных. Кто-то крепко матерился. А кто-то безумно хохотал. Слышались и мольбы к богам.

Всё это произошло в считанные секунды. Или мгновения.

Я развернулся, чтобы найти глазами того, кто активировал взрыв. Но, как оказалось, веселье ещё только начиналось. В толпе нарастала паника, и началась давка. У меня перед глазами тут же промелькнули картинки из горящего рок-клуба. «Нет, — подумал я, — больше не хочу повторения тех событий».

Взвыла сирена.

И тут же на окна и двери с грохотом опустились гермошторы, призванные уберечь посетителей в случае нападения. Вот только они предусматривали нападение извне, а не изнутри.

Мой взгляд упёрся в колонну, за которой сидел старый барон-алкоголик.

И пазл в мозгу сошёлся. Колонна полностью защищала от возможных попаданий калорийной шрапнели.

Я сделал шаг туда, но меня тут же чуть не сбили с ног.

От наполнявших помещение звуков хотелось сойти с ума. Визжала сигнализация, вопили люди: кто от боли, кто от страха. Где-то снаружи бил в небо салют.

Я вспомнил Валю

Вдох. Выдох.

— Первый ранен! Первый ранен!

Услышал я краем сознания.

Собственно, у меня есть выбор: встать спиной к императору и защищать его, хоть бы и ценой собственной жизни или воспользоваться суматохой и схватить подрывника.

Я снова огляделся, ища пути отхода и оценивая общую ситуацию.

Возле провала в земле осталось всего несколько человек. Император в окружении трёх магов. Молодожёны, причём, князь истекал кровью, но пытался утешить свою молодую жену. К ним пытался пробиться врач, но пока не мог этого сделать. Ещё двое гостей лежали в крови. Я быстро прикоснулся к ним и понял, что одной женщине уже не помочь, ей карамель попала в глаз. А вот мужчина просто потерял сознание.

С другой стороны зала также навстречу толпе пытался пробиться Вадим Давыдович Громов, предпочтя, судя по всему, быть рядом с императором в этот момент.

Ещё несколько десятков человек пытались пробиться сквозь бронебойные пластины, перекрывшие все выходы и входы.

Возможно, настало время вздохнуть спокойно и идти задерживать подрывника. Но я знал, что одним лишь взрывом дело не кончится. У Разумовского всегда есть запасной план. За свою долгую жизнь он научился прекрасно планировать.

Я ещё раз обернулся по сторонам.

А затем бросил взгляд на сидящего императора и окружающих его магов.

Мне показалось, или взгляды у всех троих затуманились?

*

Скуратову всё меньше и меньше нравилась затея Разумовского. Одно дело, когда тебе надо догнать и успокоить лошадь, а затем втереться в доверие к девушке, слегка надавливая на её триггерные точки в сознании. А совсем другое дело — участвовать в убийстве императора и членов знатных родов. Просто, если всё провалится, то казнить его будут дней десять, не меньше.

С другой стороны, и старик, кажется, всё хуже и хуже контролировал ситуацию. Сергею слышались не просто истеричные, а безумные нотки в его голосе, когда он приказал перехватить дочерей императора.

Ну перехватить, опять же, ладно, а вот зачем эта фраза: «Если не выживут, я не расстроюсь»? Такое ощущение, что речь идёт о слепых котятках, а не о наследницах престола.

Одним словом, Скуратов находился в полном смятении, но и послушаться Разумовского не мог, так как всё, что он имел в жизни, он получил благодаря Виталию Кирилловичу.

— Поймать девчонок, — пробормотал он себе под нос, доставая карманный пеленгатор. — Мы всё ж таки не в каменном веке живём. Аппаратура, чай, имеется.

Он забил данные по автомобилю Михаила Николаевича Орлова и тут же получил сигнал. Прилететь машина должна была ещё минут через десять. Масса времени, если твёрдо знаешь, что делать.

*

Варвара и Валентина решили приземлиться перед парком, высадить там Валю, чтобы принцесса заезжала на вип-парковку уже одна, а сестра скрытно следила за ней. Они предполагали ловушку, но решили, что сразу дочь императора убивать не будут. Слишком людно, да и камер много.

Понимая, что предстоит ещё одна драка, девушки загрустили. Они настолько сдружились за время поездки, что совершенно не хотелось расставаться. Каждая из них, словно нашла недостающий кусок себя. И теперь приходилось отрывать его чуть ли не с кровью.

Валя крепко обняла Варвару и вылезла из машины.

— Успехов, — сказала она сестре и сжала пальцы в кулак, желая победы.

Принцесса кивнула, села за руль и моментально взмыла в воздух.

Её беспокоил только один вопрос: кто будет её брать. В том, что это произойдёт, она почти не сомневалась. Но вот Скуратов или Разумовский?

Если Виталий Кириллович, то это конец. Он исполнит своё обещание и просто расплавит ей мозги. А вот если Скуратов. Она почувствовала в нём слабинку.

Более того, они обсудили его и с новообретённой сестрой. Она тоже подтвердила, что чувствует в Сергее сомнения. Словно он не совсем уверен в том, что делает. И это было им на руку.

Когда она приземлилась, в воздух вознеслись первые залпы салюта. Варвара с детства любила это разноцветное буйство огней. Вот и сейчас позволила себе отвлечься лишь на секунду, поглядев в небо на раскрывающиеся блистающие лепестки.

Она уже вышла из кабины и стояла, держась за дверь автомобиля, когда почувствовала, как в спину её упёрся холодный металл.

Она хотела возмутиться и поинтересоваться, знает ли человек, кому посмел угрожать, но тот её опередил.

— Идите со мной, принцесса, если хотите жить.

Она оглянулась на говорившего.

Этот работник безопасности был ей абсолютно не знаком. А вот его взгляд вполне. Пустой, затуманенный, ничего не выражающий взгляд покойника. Он становится таким, когда прекращается горение разума за окнами глаз.

То есть даже возмущаться и что-то отвечать бессмысленно. Это просто машина. Биологический робот, исполняющий чужие приказы.

Оставалось надеяться, что Валя успела добежать.

Заведя руку за спину, принцесса несколько раз зажгла на ладони огонёк. Условный знак для сестры, чтобы следовала за ней. Теперь только вперёд. Отступить уже некуда.

Безопасник, ожидаемо, повёл Варвару не в гущу веселящейся толпы, а к отдельно стоящему шатру. Судя по всему, предназначен он был для отдыха рабочих парка. Но нынче был захвачен врагами короны.

В тени, куда не доставал свет тусклой лампы, стоял человек. Видно было лишь его силуэт, но принцессе этого было вполне достаточно. Она едва сдержалась, чтобы не запустить маленький шарик пламени, чтобы осветить лицо похитителя.

— А что, Сергей, — спросила она. — Без стволов уже никак не получается даму на свидание пригласить?

Она понимала, что может вывести его из себя, но ничего не могла с собой поделать. Почему-то ей хотелось потешаться над этим юным менталистом.

Скуратов сделал едва заметное движение головой, и безопасник убрал пистолет и отошёл к выходу из шатра.

— Это для вашей же безопасности, — сказал он. — Чтобы не случилось чего-нибудь непоправимого.

— А-а, вот даже как, — широко, словно от удивления, раскрыв глаза, проговорила принцесса. — Это ты так о моей безопасности печёшься? Хорошо, что ты не в больнице работаешь, честно. А то с таким подходом там за тобой уже много душ числилось бы.

— Не стоит ёрничать, — ответил на это Сергей уставшим голосом. — Если бы я хотел вас убить, поверьте, у меня было предостаточно шансов сделать это.

— Благородный, понятно, — произнесла Варвара.

В этот момент за шатром со спины Скуратова ухнула сова. Естественно так, по-лесному. Это был условный знак, которым Валя должна была обозначить, что заняла позицию для атаки.

У Варвары отлегло от сердца.

— Впрочем, это действительно так, — сказала принцесса, смягчившись. — Ты действительно мог убить меня несколько раз. В том числе и чужими руками. Мог не спасать на охоте.

— Вы помните? — грустно усмехнулся Скуратов и вышел на свет.

За последние дни он сильно сдал. Кожа его посерела и утерjala гладкость молодости.

— Конечно, помню, — ответила Варвара. — Я вообще потерей памяти не страдаю. Не страдала, — тут же поправилась она, — пока вы с Разумовским за меня не взялись.

— На вас наложить ментальное воздействие и не выходило, — смущённо улыбнувшись, проговорил он. — Вы практически невосприимчивы к воздействию.

— Ох, лис. Ох, лис, — сказала принцесса. — Знаешь, чем девушке угодить. Впрочем, ладно. Я действительно хотела тебя предупредить, чтобы ты не пытался на меня воздействовать. А теперь я слушаю, зачем ты привёл меня сюда?

— Да я... — Скуратов запнулся, вспоминая, что изначально он сделал это, чтобы устранить её. Но сейчас у него не поднялась бы рука.

— Понятно, — опередила его Варвара. — Вот, что я тебе хочу сказать. Человек ты неплохой, Сергей. Только сильно мягкий и восприимчивый к чужому мнению. Разумовский, наверняка, и на тебя воздействовал, так?

Скуратов нехотя кивнул.

— Смотри, что получается, — продолжила принцесса. — Дел ты натворить не успел...

Сзади неё что-то вдруг громко щёлкнуло. Она обернулась на звук, ожидая увидеть, направленное на себя оружие. Но это у расположенного у стены шкафа внезапно открылась дверца, и изнутри вывалился инвентарь.

Услышала звук и Валя. Она моментально прожгла дыру в стене за спиной Скуратова и встала там, держа на ладонях горящее пламя сантиметров тридцати в высоту. Таким можно поджарить до состояния стейка почти мгновенно.

— Кстати, — сразу нашлась Варвара. — Моя сестра. Хотя, ты же знаешь.

Сергей едва заметно кивнул. Он, не дёргаясь, ждал.

— Так вот, — как ни в чём не бывало, продолжала принцесса. — Меня ты на охоте спас. Дел особых натворить не успел.

— Меня похитил, — вмешалась Валя.

— Бил? Приставал? Что-нибудь плохое делал? — выпалила Варвара.

— Да нет, — ответила Валя. — Просто вырубил и вывез за город. Возможно, для убийства, но об этом уже история умалчивает.

— Можно сказать, что он просто выполнял свою работу? — спросила принцесса у сестры, глядя при этом на Скуратова.

— Думаю, что да, — ответила так.

— Так вот, Сергей, — Варвара расправила плечи, становясь истинной принцессой. — Ты сейчас бросаешь заниматься фигнёй и помогаешь нам скрутить Разумовского. Искупаешь, так сказать, свою вину действием. В благодарность я приближу тебя ко двору и найду подобающую должность. Как тебе такое, Сергей Скуратов?

— И помилование? — с огоньком в глазах спросил менталист.

— И полное помилование, — согласилась принцесса.

Вместо ответа безопасник у двери выронил оружие и упал без чувств на пол.

— Но-но, — возмутилась Варвара. — Поаккуратнее с моими людьми! Не дрова же!

*

Главное в магии менталистов — подготовить для себя подходящих марионеток. Чем дольше готовится нить, которой, образно говоря, управляют нужные люди, тем она прочнее. Тем лучше подчиняются избранные маги. Из них уже торчит нужный поводок, который нужно только взять и потянуть на себя.

У Виталия Кирилловича было время, чтобы наделать себе достаточно марионеток из представителей высшего общества. Сначала он делал это ради забавы. Смешно же, когда во время какого-нибудь очень важного приёма зарубежных гостей, скажем, генерал-губернатор начинает валяться по полу, лить слёзы и вымаливать у императора прощение. За то, что валяется.

Но потом Разумовский смекнул, что такие шуточки, в конце концов, его до добра не доведут, и он стал создавать себе некое подобие армии. Делал ментальные закладки в значимых людей, находящихся на вершине власти.

И основная их часть собралась сейчас тут, на свадьбе Долгоруковых.

Идея со взрывом торта принадлежала лично Разумовскому. Он хотел видеть, как сладость, символизирующая достаток и благоденствие, дарит страдания и смерть. По его расчётам должно было начисто выкосить первые два ряда — а это непосредственно император с семьёй, молодые Долгоруковы, маги-абсолюты и иностранные гости. Идеально для мирового скандала.

Но всё опять пошло не по плану.

Как слишком часто в последнее время.

Тот самый официант, которого он нещадно гонял за шампанским, прикинувшись старым алкоголиком, вдруг закричал: «Щиты!» И некоторые щиты активировали. Это уже было весьма неприятным обстоятельством.

Но куда хуже оказалось то, что сама земля разверзлась и основное оружие массового убийства, которое должно было задавать тон на этой свадьбе, провалилось в тартарары.

Немыслимо!

Невообразимо!

Кто-то сумел раскрыть его план? Но кто? Неужели, Скуратов сдал? Если так, то, вероятно, зря он молчал и не раскрыл юноше всей правды о происхождении того? Надо было при последнем разговоре всё-таки рассказать, что да как обстоит на самом деле.

На излёте торт всё же сумел ранить нескольких человек, но это было ничто в сравнении с тем, чем должен был стать этот свадебный атрибут.

Рядом с образовавшимся провалом крутился всё тот же молодой официант. Неужели это он сделал? Тоже неучтённый бастард? Впрочем, сейчас нет времени разбираться. Устранить! Его заказчики и так потеряли слишком много времени и сил, чтобы внедрить, наконец, телепорт в России. И он не позволит какому-то мальчишке сорвать грандиозные планы.

Он хотел направить кого-нибудь из абсолютов на официанта. Но в этот момент взревела тревога, и все выходы из помещения оказались заблокированы. С бронированными ставнями ему не потягаться. Что ж, раз так, значит, нужно принять бой.

Тем более, вон сколько верёвочек торчит для управления марионетками.

Первыми жертвами, пожалуй, будут император и этот наглый официант! «Достаточно для этого трёх абсолютов? — подумал он. — Думаю, да».

*

Когда я понял, что все три императорских абсолюта под контролем Разумовского, то, мягко говоря, охренел. Это же какой силы надо быть менталистом, чтобы так просто перенастроить разум трёх сильнейших магов?

В какой-то момент я даже оценивал свои шансы в прямой схватке с ними. Но быстро понял, что в одиночку ничего не смогу.

— Абсолюты под контролем! — крикнул я императору, лежащему в трёх метрах от меня.

Когда он обернулся ко мне, то я понял, что мне удалось удивить человека. Во-первых, как можно лишить его сразу всей защиты? Наверняка, подумал он. А, во-вторых, почему ему кричит об этом простой официант?

Но император оказался на редкость боевым магом. Он тут же переместился подальше от магов, выбрав удобную точку для защиты. И принялся поливать струями пламени Тарковского. Тот, хоть и был десяткой, но с императором тягаться ему оказалось тяжело.

Я судорожно соображал, что же делать? Решил для начала поставить усиливающую линзу Ярославу Ивановичу, так как уменьшающая Тарковскому была бы, что слону дробина. Ну и в порядке эксперимента поставил уменьшающую линзу на поток магии менталиста. Не знаю, какой уровень был у Разумовского, но хотя бы минимально давление на абсолютов она должна была уменьшить.

И тут же, почти незаметно для меня, в бой вступил Вадим Давыдович. Он протолкался сквозь толпу, услышал мои слова и, не удивлюсь, если даже узнал меня. Он взял на себя Белозёрского и сразу же лихо впечатал его в стену мощнейшей волной.

У меня под ногами заскрежетали мраморные плитки пола.

Я вскинул голову и увидел на себе мутный взгляд Валерия Чернышёва. А ещё за его глазами я явно увидел другой взгляд: жгучий, ненавидящий, желающий уничтожить угрозу и растереть её в порошок. И мне, кажется, была уготована участь торта. Вот только я был не настолько сахарный.

В момент, когда пол подо мной рассыпался в прах и ухнул куда-то в бездну, я остался на месте. Всё-таки уроки Ван Ли не прошли даром. Я действительно могу держать в воздухе не только яйца, но и себя самого.

А вот от летящей мраморной плиты толщиной десять сантиметров лучше увернуться.

Уже через минуту я понял, что даже втроём: я, император и Вадим Громов не вывозим. Белозёрский и Тарковский пришли в себя, если можно так сказать, после первых промахов и снова стали наседать на монарха и его защитника.

А вот с Валерием что-то творилось. Складывалось такое ощущение, что он боролся с воздействием, потому что атаковал он очень неохотно и редко. Когда уже не оставалось другого выхода.

Люди, на секунду затихшие из-за атаки на императора, вдруг запаниковали с новой силой. С момента взрыва торта не прошло и трёх минут. Время, как и всегда в таких случаях, стало совсем иным и растягивалось так, как хотело оно.

Чернышёв.

Я буквально чувствовал борьбу, происходящую внутри него. Последнее заклинание, которое должно было завалить императора землёй, он откровенно запорол. В лицо монарху

прилетела лишь горсть сухой земли. Не такого ожидаешь от десятки, не так ли?

Сосредоточившись на нём, я потянулся к нему эмпатическими щупальцами и увидел, как внутреннее «я» мага холодно и расчётливо борется с воздействием.

Кажется, на мне подпалили одежду, но я не замечал этого. Мне нужно было нащупать настоящего Валерия. А когда у меня это получилось, я поставил ему ментальный щит.

Плохонький. Корявенький. Такой вот, что называется, самопальный в полном смысле этого слова. Дендро-фекальный.

Но рабочий.

Моментально глаза у Валерия прояснились, и он воззрился на меня, словно желая что-то спросить, но не находя слов.

— Чернышёва не бейте! — крикнул я императору. — Он уже за нас!

Валерий скорчил гримасу, но тут же повернулся и принялся помогать отбиваться императору и Вадиму Давыдовичу.

А я оказался в замороженном мгновении. Просто в один единственный момент воспринял всё происходящее вокруг.

Огромный праздничный зал в Царицынском дворце. Посередине зала огромная дыра, от которой разбегаются трещины по мраморным плитам. Недалеко от дыры у стены стоят император, Вадим Громов и Валерий Чернышёв, отбивающиеся от двух магов-абсолютов. Остальные люди, большая часть из которых маги, сгрудились у дверей и окон, закрытых бронированными гермошторами.

Я почувствовал руку на своей голове. Даже не так. На мозге. Непосредственно моего мозга касалась холодная влажная рука, пытающаяся погрузить пальцы прямо внутрь моего серого вещества. Оглянувшись, я увидел, как из-за колонны на меня смотрит старый барон. И как я мог не разглядеть в нём Разумовского?

«Кажется, к нам стучатся, — сказал Архос. — Отгрызть или кислотой залить?»

«Сначала кислотой, а затем отгрызть», — ответил я.

«Не, так не вкусно будет, — сказал мой ментальный учитель. — Но твои садистские пожелания учёл».

И тут же лицо «барона» исказилось от боли. Он обнажил зубы и показал мне жест, означающий смерть.

«Слишком быстро убрал, — пожаловался Архос. — Я не успел».

И вот тут время отмерло и помчалось таким галопом, что я не успевал следить, что где происходит. Большая часть гостей развернулась и уставилась на меня мутными глазами. Отныне главной целью бывшего начальника собственной безопасности был не император, а лично я.

В меня полетели куски пламени, красиво переливающиеся в воздухе. Пузыри воды. Замороженные брызги шампанского. Конфетти с пола. Куски картин.

Я создал маленькое торнадо и снёс все эти «подарочки». Но в меня летело ещё и ещё.

Я ставил линзы, зеркала, отбивался воздухом, перенаправлял что-то энергетической паутиной. Но нападающих было слишком много.

В какой-то момент рядом с моим виском раскрошился здоровенный булжник. И это несмотря на всю защиту, какую я только мог поставить.

Архос старался изо всех сил, я чувствовал это. А слегка обернувшись в какой-то момент, я увидел, что со мной плечом к плечу стоят Вадим Громов, Валерий Чернышёв и император. Но даже этого было мало. Толпа подвергшихся воздействию магов грозила стереть нас в порошок.

Глава 8

Император, отбив очередную атаку, бросил беглый взгляд по сторонам. Первое, что бросилось в глаза, на неизвестного официанта, так вовремя предупредившего об опасности, наседадо сразу несколько магов.

— Нужно прикрыть паренька, кем бы он ни был! — бросил он Громову.

— Да это ж наш, — посылая очередное мини-цунами в Белозёрского, ответил Вадим Давыдович и улыбнулся. Улыбка, правда, в пылу боя получилась немного жутковатой. — Никита Державин!

— Неужто! — изумился монарх.

— Вы же сказали замаскироваться, вот он, по вашему приказу, и изменился, — Громов, казалось, даже немного развеселился от того, что только он один смог узнать Никиту.

— Тогда тем более прикрыть! — распорядился Ярослав Иванович и тут же защитился от летящего в него огненного диска.

*

Я чувствовал, что меня прикрывают со стороны. И в то же время качал через своё эфирное сердце немислимые количества энергии, превращая их в доступные мне магии. Огонь и воду брали на себя император и Вадим Громов, но с остальными мне приходилось туго. От камней и земли эфирные щиты служили плохо, так что я загораживался валом из земли,

которую поднял из-под фундамента.

Черпал энергию я тоже из своих, но надеялся, что не слишком сильно опустошал их. По факту мне нужен был лишь пример магии, а силу на её воплощение я брал из царящей вокруг мешанины магии.

И всё равно я не справлялся. Маги теснили меня в самый дальний угол зала, где я рисковал и остаться. Мне вспоминались Антонио Сан-Донато и то, как он отбивался от целой армии сильных магов. Мне бы его умения сейчас точно не помешали бы. Но пока, к сожалению, я был совсем не на том уровне владения эфиром, чтобы сдерживать напор половины московской знати.

И всё же я брал эфир, перерабатывал в какую-нибудь из стихийных магий и защищался ею от нападающих на меня подчинённых магов.

«Ты — настоящий паук, — сказал мне Архос, сам сейчас занятый мобилизацией всех моих сил. — Горжусь тобой».

«Паук? — я был даже рад немного отвлечь сознание от происходящего. — Почему?»

«А ты посмотри: сидишь посередине эфирной паутины и ткёшь из неё любую магию, какую захочешь. Конечно, паук».

«Будь по-твоему, — ответил я, отбивая очередное заклинание. — Я — крутой паук».

И в тот момент, когда я уже решил, что здесь меня в порошок и разотрут, что-то хрустнуло в стене неподалёку. Затем ещё раз и ещё.

Нападавшие слегка замедлились. Вероятно, управлявший ими Разумовский тоже отвлекся на странные звуки.

А затем внезапно последовал новый взрыв, и стена толщиной в два кирпича обвалилась. В поднимающейся пыли и языках пламени были отчётливо видны три силуэта.

*

Скуратов последовал за девушками, понимая, что другого выхода у него просто нет.

— Думаю, нам надо поспешить, — сказал он принцессе.

— Где и когда планируется атака? — спросила та.

— Боюсь, уже всё случилось. В главном зале. Должен был взорваться торт. Прямо перед салютом.

— Твою ж мать, — вскрикнула Валя и побежала со всех ног к дворцу.

Варвара и Сергей ринулись за ней. Но догнать девушку получилось уже у самого дворца, где она в нерешительности встала перед закупоренной наглухо дверью.

— Как попасть внутрь? — требовательно спросила она.

— Я не знаю, — пожал плечами Скуратов. — Судя по всему, сработал охранный механизм, и двери с окнами перекрыли специальными заслонами от любого воздействия, в том числе и магического.

— От любого? — переспросила Валя.

— Да, — кивнул Сергей. — Даже абсолют не должен их пробить.

— Ну-ка, попробуем, — проговорила девушка.

— Подожди, — принцесса взяла её за руку. — Я знаю эти заслонки. Нам с тобой их не одолеть. У нас в Питере такие же.

— Что же делать? — поинтересовалась Валя.

— Помню я один скандал, — задумчиво проговорила Варвара. — И, кажется, как раз по поводу этого самого дворца. Заслонки-то тут высший класс, а вот стены.

— Ты — молоток! — восхитилась сестрой Валя. — Давай жажнем в стену!

— Как думаешь, а мы сможем друг друга усилить?

Вопрос, конечно, был риторическим, но смысла лишён не был. Где-то принцесса читала, что два мага одной стихии и примерно одного уровня могут не только успешно противостоять друг другу, но и усилить воздействие при необходимости.

Девушки взяли за руки и, прежде чем направить удар в стену, переплели две энергетические линии между собой, словно пальцы рук.

Взрыв был рассчитан так, чтобы стена не ввалилась внутрь зала, иначе она могла бы кого-нибудь там покалечить, а просто обрушилась вниз. Но из-за силы, с которой её демонтировали, некоторые осколки всё-таки обрушились на головы заключённым внутри магам.

Даже сквозь взвесь столетней пыли было видно, что внутри происходит нечто невообразимое. Несколько десятков человек, используя практически весь свой магический потенциал, насаждают на жалкую горстку обороняющихся. Причём, в этой горстке был император и Вадим Громов.

— Отец! — вскричала Варвара, увидев окровавленные штанины монарха, и бросилась к нему.

Валя же оставалась на месте чуть дольше. Она оценила обстановку и увидела отбивающегося от десятка магов официанта. И что-то в нём было такое, что выдавало в обороняющемся хорошо ей знакомого человека.

— Никита, — прошептала она себе под нос. — Твою ж мать!

И тут же резко ринулась к нему, по дороге расшвыривая иных магов, как слепых котят.

Скуратов, смотрящий ей вслед, подумал, что ему предстоит выяснить уровень этой внебрачной дочки. У него закрадывались очевидные подозрения, что перед ним абсолют. «И как она смогла скрывать это столько лет? — подумал он. — И ведь, если бы не рок-клуб, мы бы так ни о чём не догадались»...

Но поспешил он не за ней. А за Варварой. Это принцесса ему обещала помилование и чин. Это принцесса защитит его от гнева императора. Поэтому выбор очевиден.

А вот, если император с Варварой тут и останутся, то ему уж точно кирдык. В живых его не оставят.

Первым делом он оценил обстановку. Причём, по иронии судьбы именно так, как его учил Разумовский. Старику вообще нельзя было отказать в умении планировать. И что интересно, он был хорош, как в тактике, так и в стратегии.

Больше всего хлопот императору доставляли два мага-абсолюта. Виталий Кириллович недавно похвастался, что смог сплести им ментальные поводки всего за три года. Но при этом сетовал, что Чернышёв ему очень плохо подчиняется. Неудивительно, что Валерий стоял подле монарха и защищал его всей своей мощью.

Скуратов видел натянутые ментальные поводки тех, кто должен был защищать Ярослава Ивановича. Если бы он их просто перерезал, а он вполне мог это сделать, то маги тут же выбыли из битвы. Они бы потерялись и дезориентировались. Для того, чтобы вновь ввести их в дело, потребовалось бы несколько часов, которых, разумеется, не было.

Тогда Сергей взял и просто перехватил управление магами. Мгновенно разобравшись с управлением, он направил магов-абсолютов на защиту императора. Туда, где они и должны были быть. От неожиданности Разумовский выпустил их очень легко. А Скуратов ощутил на языке вкус предательства.

Но всё же он считал, что поступает правильно. Постепенно он отпускал поводки магов, и те приходили в себя «естественным» путём. А для того, чтобы Разумовский снова не взял их в оборот, он поставил ментальные щиты. Несложные, но для того, чтобы их преодолеть, даже его наставнику понадобится время, которого сейчас нет.

*

В какой-то момент Виталий Кириллович понял, что внезапно постарел. Не как маг, а как человек. Никогда раньше он не допустил бы тех ошибок, которые лепил сейчас. Сколько за

этот вечер пошло наперекосьяк? Сначала торт вместо фарша из гостей только ранил несколько человек и почти никого не убил. Затем этот официант непонятный... Или он был сначала? Не важно.

Он пытался задавить «официанта», которым, конечно, был кто-то из магов. Но кто? Натравил на него Чернышёва. Но вместо устранения неугодного он потерял контроль над одним из абсолютов. А вот это уж совсем немыслимо!

Но дальше — хуже. Он собрал небольшую группу магов и направил её в надежде, что они толпой задавят этого выскочку. Но не вышло. Он каким-то образом умудрялся отбиваться от всех стихий. Даже тогда, когда Разумовский решил его самого подчинить, он укусил его за ментальную руку.

Это всё было невозможно! Такое встречалось в детских сказках — маги, владеющие сразу всеми стихиями и вообще всеми видами магии. Но на практике такое невозможно. Даже былинные герои и легендарные эфирники не могли отбиваться от всего. А уж тем более кусать ментальную руку.

И вот в тот самый момент, когда казалось, что «официанта» получилось загнать в угол и задавить его массой, вдруг обрушилась часть стены. С одной стороны, это, конечно, было хорошо, так как открывались пути к отступлению. Вот только отступать-то как раз не хотелось. А, с другой стороны, теперь к императору подоспеет подкрепление.

Оно, кстати, и не заставило себя долго ждать. Две императорские дочери и Скуратов.

«Ну вот, — подумал Виталий Кириллович, — наконец-то что-то дельное сотворил. Видимо, втёрся в доверие к принцессе, чтобы подобраться к императору. А коли так, то драться осталось несколько секунд. И хорошо, а то устал».

Но оказалось всё совсем не так. Сегодня реальность решила бить Разумовского мордой об асфальт до тех пор, пока он не поймёт, что никогда не разбирался в людях.

Стоило ему вновь сосредоточиться на «официанте», которого он теперь считал основной угрозой, как два поводка абсолютов внезапно выскочили из его рук.

«Сергей! — хотел крикнуть он, но гортань подавила судорожный крик. — Что же ты делаешь, осёл? Разве этому я тебя учил?»

Эта битва была, судя по всему, проиграна. Стоило всего лишь раз ошибиться и поставить не на того человека, как всё посыпалось в тартарары. А самое поганое, что из-за этого самого человека-то всё и затевалось. Это свою жизнь Скуратов просрал.

Хотя, прямо скажем, какой он, к чертям, Скуратов? Если взять фотографии Виталия Кирилловича в молодости и сравнить их с сегодняшним Сергеем, ни у кого и вопросов не возникнет. Гены — штука сложная, пальцем их не раздавишь.

Впрочем, погибать Разумовский не собирался.

Дать финальный аккорд — это да, с удовольствием! И попытаться отправить в могилу как можно больше этих зажавшихся аристократов, которые и магией-то своей только кичатся, но не пользуются.

Бывший начальник собственной безопасности собрал все свои ментальные силы, создал купол и накрыл им всех оставшихся в помещении магов.

— Да будет хаос! — провозгласил он, с удовольствием наблюдая за тем, как большая часть собравшихся начала мутузить друг друга.

Файеры, водные мячики, комья глины, воздушные потоки — всё шло в ход.

Те, кого воздействие Разумовского не затронуло, в панике протискивались в дыру, сделанную дочерями императора.

— Крысы, — себе под нос проскрипел Виталий Кириллович. — Грязные крысы.

Но ему столпотворение этих «крыс» было на руку. Под прикрытием паникующей толпы он двинулся к провалу. Сегодня ему не повезло, но это не значит, что он сдался. Он ещё погрузит Российскую империю в десятилетия вражды и братоубийственных войн. Это уж он сможет.

Но выбраться наружу он не успел.

— Разумовский уходит! — крикнул кто-то за спиной. — Виталий Кириллович, куда же вы?

Скрежеща зубами, менталист обернулся и снова увидел рожу этого ненавистного «официанта». Кто же это? Ведь догадался, что под личиной барона скрывается Разумовский. Но кто он сам?

Неважно!

Бывший безопасник взял под полный контроль ближайшего мага, оказавшегося магом земли, и приказал ему уничтожить молодого человека, пока тот отвлётся, давая знать императору о том, что он, Виталий Кириллович, пытается сбежать.

Маг земли зачерпнул грунта из провала в центре зала и запустил его в того, кто прикидывался официантом. Ну тут уж точно должно быть минус один!

Разумовский оскалился.

*

Первым делом Варвара накинула исцеляющие заклятия на отца. Конечно, она не врач, но азам в своё время обучилась. К тому же родственная помощь всегда очень действенна.

— Дочь, — бросил монарх, — берегись! Спасибо, — последнее относилось к облегчению его болей.

Даже в горячке боя он пытался защитить свою дочь. Вот только принцесса контролировала обстановку, и конкретно сейчас именно ей ничего не угрожало. Появилось несколько мгновений, чтобы оглядеться.

Магов-абсолютов уже нейтрализовал Скуратов. Даже не так, он их вернул на защиту императора. Девушка до конца боялась, что он решит всё-таки идти против них, но нет. Сергей выбрал сторону. Другое дело, что доверять такому флюгеру, тем более менталисту будет сложно, но об этом стоит подумать потом.

Вокруг царил хаос.

Большая часть гостей ринулась к провалу в стене, который сделали они с Валею. Ей в тот момент показалось, что их объединённая сила просто невероятна. Нечто новое в ощущениях магии.

По центру зала зиял провал, окантованный выкорчеванными мраморными плитами, кое-где густо залитыми кровью. Дальше лежали тела. Не слишком много, но, если понимать, что все они имеют непосредственное отношение к московскому градоуправлению, становилось не по себе.

С левой стороны от неё группа магов наседали на молодого официанта, которого внезапно взялась защищать её сестра. И тут Варвару словно молнией прошила. Это же Никита! Это всё его повадки! Он так держится и жестикулирует. Да, лицо у него сейчас другое, но это он!

И в этот момент он поднял глаза, его глаза, которые сияли на чужом лице. Но смотрел он не на неё, а мимо.

— Разумовский уходит! — крикнул он, как можно громче. — Виталий Кириллович, куда же вы?

Быстрее всех среагировал Скуратов, бросившийся наперехват. Хотя принцесса самого безопасника ещё не видела.

А затем запомнила. Этот тоже сменил личность и выглядел старым доходягой. Ну что за карнавал притворства?

Перед самым выходом Разумовский обернулся и что-то сделал. Ближайший к нему маг поднял из провала жидкую глину и метнул её в Никиту. Очень опасный снаряд. При умелом воздействии такой может ударить не хуже бетонной плиты.

И тут Никиту загородила Валя. «Девочка, — подумала принцесса, — ты же не знаешь, как противостоять этим снарядам. Только не щит! Только не щит!»

И, словно услышав принцессу, но решив сделать с точностью до наоборот, Валя закрыла их с

Никитой огненным щитом.

Уже зная, что будет, Варвара смотрела на происходящее, не в силах отвести глаза.

Глава 9

Когда Валя подскочила ко мне и встала плечом к плечу, я не особо удивился. И лишь потом до меня дошло, что тут не так. Личина-то на мне сейчас была вовсе не Державинская.

Я с интересом глянул на неё, попутно отбиваясь от полудюжины магов. Она почувствовала взгляд и улыбнулась.

— Что, думал, не узнаю тебя? Ты хоть в дракона превратись, всё равно узнаю, — сказала она и подожгла ближайшему к ней магу пятую точку. Тот взвизгнул и, кажется, освободился от воздействия Разумовского. — Я же тебя с детства знаю, как облупленного.

— Зато я о тебе, как оказалось, многого не знаю, — парировал я, а затем добавил. — Ваше императорское высочество.

— Лучше просто: моя госпожа, — сказала Валя и засмеялась в голос. И пламя стекло с её ладоней.

— Больше не говори так, — сказала она, успокоившись. — А то я от хохота помру.

— Но мне всё-таки стоит на тебя рассердиться, — проговорил я, едва отмахнувшись от нескольких заклинаний, летевших в меня разом.

— Это ещё за что? — спросила она, справившись с очередным не особо сильным магом.

— Ты же всю жизнь знала, что маг. Что родилась от аристократа. Почему не сказала-то?

— Пыталась забыть, — сквозь стиснутые зубы, отражая особо сильную волну какого-то водника, сказала она. — Я маме-то родной не сказала и себе не признавалась. А ты говоришь, тебе.

— Почему? — поинтересовался я.

Мне даже показалось, что вереница магов, пытающихся нас убить, начала иссякать. Не то чтобы можно было вздохнуть спокойно, но появлялась надежда.

— Страшно было, — пожалала плечами Валентина. — Я — уличная девчонка из трущоб и вдруг маг. Что друзья скажут? А мама? А потом мы же всё детство друг другу страшилки рассказывали про простого мальчика или девочку, у которого вдруг дар открылся. Он сунулся к аристократам, а те его съели.

— А когда поняла, что это неправда, почему не решилась? — мне оставалось сладить с троими. На Вале было двое.

— А тогда я поняла, что правда гораздо хуже, и решила навсегда остаться просто девочкой Валец. Если бы не ты... Так бы всё и продолжалось до сих пор.

— Нашла виноватого, — улыбунулся я.

И вдруг что-то случилось.

Я почувствовал, как под потолком разлилось что-то вроде ментальной отравы. По крайней мере, я почувствовал это так. И тут многие из тех, кто просто пытался выскочить из зала, сошли с ума. Маги забыли обо всех своих заботах и просто начали бить друг по другу самыми убойными заклинаниями из своих арсеналов.

По нам, естественно, отрабатывали целенаправленно, как и по императору.

Я понимал Разумовского. Он сейчас был крысой, загнанной в угол, поэтому взбесился и пытался утащить с собой как можно больше народу.

А вот мне надо было не только отбиться, но и обезвредить менталиста, чтобы больше он подобного не натворил. И вот это сейчас мне казалось самым сложным.

Нагрузка на нас возросла в разы из-за того, что было совершенно неясно, откуда последует следующий удар. Мы отбивались часто интуитивно. Но при этом ещё как-то умудрялись и болтать.

— А ты, я смотрю, решил устроиться на нормальную работу, — сказала Валя, указывая на мою одежду.

— Конечно, — сказал я. — Когда мы разрабатывали с тобой программу, я понял, что совершенно не понимаю чайный простых людей, вот и решил стать поближе к народу, — ответил я первое, что взбрело в голову.

— А я думала, папа денег перестал давать, — ляпнула девушка. — И ты такой: пойду в официанты, там чаевые большие.

Если бы не обстоятельства, я бы обязательно сложился от смеха, но сейчас мне, честно говоря, было немного неудобно.

А ещё я заметил Разумовского, который всё в том же образе барона-алкоголика под шумок направлялся к пролому в стене.

— Разумовский уходит! — крикнул я, что было сил. — Виталий Кириллович, куда же вы?

Мне нужно было, чтобы его хоть немного задержали. Тогда я отобьюсь тут и ринусь к нему. Но прямо сейчас я этого сделать не мог. Мне даже шагу ступить не давали, хотя я использовал практически весь свой потенциал на сегодняшний день.

Бывший начальник собственной безопасности остановился и обернулся. Краем глаза я

увидел, как к нему бросился Скуратов. А этот, интересно, на нашей стороне? Хотя лично я в перебежчиках не был бы уверен никогда.

Силы мои были на исходе.

Возможно, силы Разумовского тоже, но они у него ещё были. Он оскалился, взял под управление ближайшего к нему мага, словно тряпичную куклу из детского театра, и принялся им манипулировать. Маг зачерпнул из сделанного мной провала глину, на которой ещё оставались куски разлетевшегося торта, и бросил всё это в нас с Вале́й.

Девушка отреагировала мгновенно. Она загородила меня собой и поставила огненный щит.

Совершенно случайно я поймал взгляд Варвары. Он был обречённо-горький от бессилия.

Наверное, мне стоило бы попытаться остановить время, но я был слишком вымотан для этого. Кровь в венах молотом стучала в уши, требуя отдыха.

Грязь, глина и куски камня, проходя сквозь Валин щит, не испарились, как она рассчитывала. С них облетело всё лишнее, они утончились и заострились, став подобно сталактитам, растущим в пещере. Только тоньше. Сильно тоньше. Как иглы.

На мгновение застыли они в моём восприятии: острые, кровожадные, невосстанавливаемые.

А в следующий момент они уже прошли Валу, словно иглы бабочку на лету. Несколько штук прошло насквозь и оставили прорезы на моей одежде.

Хлынула кровь. Сразу. Отовсюду. Из множества ран.

Валя упала на колени и повернула на меня удивлённое лицо.

— Даже не больно, — сказала она.

Затем у неё изо рта хлынул поток ярко-красной артериальной крови. И она упала замертво.

— Нет! — крикнул я. — Нет!

И где-то услышал злобный смех старика.

Он забрал моего друга и теперь радовался этому.

Но мне не было до этого никакого дела. Я встал над Вале́й на колени, перевернул её на спину, поднял на руки и прижал к себе.

Магическим взором я сканировал её внутренности, но, куда бы я не посмотрел, всюду были только разрывы и пробои. Казалось, из неё уже вытекла вся кровь. А вслед за ней вытекала и магия.

Каким-то удивительным образом не задело лицо. И теперь она смотрела на меня всё тем же удивлённым и чуть насмешливым взглядом.

— Валя, — шептал я. — Ну как же так? Как же так? Валя...

*

— Стой, где стоишь! — крикнул Скуратов, несясь наперерез Разумовскому.

Путь ему перекрывала толпа неменяемых магов, фонтанирующих заклинаниями направо и налево.

Разумовский остановился и обернулся.

— Сопляк! — прорычал он. — И слабак!

— Прекрати всё это! — приказал Скуратов. — Сейчас же!

— Ты — трус, Сергей! — продолжал Разумовский. — Даже здесь всё можно было исправить, устрани ты разом императора и принцессу, как и надо было сделать. И правил бы сам, дурак!

— Ты — кровожадный маньяк! — ответил ему Скуратов. — И не понимаешь, что одно дело: править, сдерживая взрывы магии принцессы. И совсем другое: устроить кровавую баню, уничтожая знатные семьи империи. Ты безумен! Остановись!

— Я ж ради тебя всё, а ты... Плевал я на тебя, размазня, — и Разумовский сплюнул себе под ноги, после чего полез перебираться через завалы.

Скуратов медлил.

*

«Четыре минуты, помнишь? — настойчиво пытался достучаться до моего сознания Архос. — Четыре минуты?»

«Это ты к чему?» — спросил я.

«Разумовский сейчас уйдёт! И тогда получится, что Валя подставлялась зря! — продолжил мой ментальный учитель. — Уничтожь Разумовского. А затем займись девушкой!»

Я даже отвечать ничего не стал.

Положил Валю у ног и поднялся.

Разумовский как раз пытался уйти через обрушившуюся стену на улицу.

— Стоять! — рявкнул я.

Мне было совершенно всё равно, остановится он или нет. Но, если мои слова его задержат, будет хорошо.

И они задержали. Разумовский обернулся. И, кажется, с него даже слетела личина барона. Он был удивлён, но не ожидал от меня ничего необычного.

Я же уже вкачал столько эфира, что можно было устроить небольшой апокалипсис в отдельно взятом парке. Злоба наполняла меня магией с такой силой, на какую ни одна медитация была не способна.

Жар стоял у моего лица. Гнев смотрел моими глазами. Ненависть плела заклинания. Мечь нацелила своё остриё.

Огонь. Я потянулся к Варе. Её искренний смех раскрыл мне суть её магии. И взял у неё огонь.

Вода. Я потянулся к Вадиму Громову. Его искренняя дружба с моим дедом раскрыла мне суть его магии. И взял у него воду.

Земля. Я потянулся к Валерию Чернышёву. Я знал его силу, потому что дружил с его сыном. И в тот момент, когда я прикасался к сути магии Чернышёва, мне показалось, что я что-то понял про Олега. И взял у него землю.

Воздух. Я взял у себя.

Четыре стихии сплелись в один единый торнадо, выпущенный мной в Разумовского. словно хищный пылесос, прошёлся он по обломкам и распротёртым на полу телам, но не заинтересовался ими. У моего торнадо была одна-единственная цель.

И когда он настиг её в провале стены, принялся размалывать, словно огромная мясорубка. Огнём, землёй, водой и воздухом. Не было такой стихии, которая помогла бы сейчас бывшему начальнику собственной безопасности.

Когда он понял, что уже не сможет уйти, то прищурился. Не боялся он меня. Он никого не боялся. Но что-то кому-то недоговорил.

Однако, когда он раскрыл кровоточащие от перемалывающего его заживо торнадо губы, оттуда вырвался лишь стон.

*

Скуратов видел, что Разумовский уходит, но не знал, что может предпринять. Как менталист он был куда слабее своего наставника, поэтому о попытке подчинить сознание Виталия Кирилловича не могло быть и речи.

И тут прилетел окрик от официанта, до этого бойко отбивавшегося от огромной кучи магов. Ещё одна неучтёнка?

Разумовский, на удивление, остановился и обернулся.

Произошла визуальная дуэль. И Скуратов потом мог поклясться, что увидел тот миг, когда его учитель понял, что проиграл. Его глаза посерели, а губы превратились в тонкую прямую линию.

Сергей перевёл взгляд туда, куда смотрел Разумовский, и сначала даже не понял, что он видит на самом деле. Трёхметровая воронка, похожая на торнадо, но совершенно необычная. В ней одновременно были видны всполохи пламени, закручивались волны вперемешку с частями земли и камней. И всё это было пронизано воздухом. Причём, каждая из стихий, словно не смешивалась с другими, но была с ними единым целым.

В мгновение ока этот круговорот настиг и обвил Разумовского.

Несколько мгновений было видно, как с него стёсывается одежда, за ней кожа, а потом и мышцы. Кровь пропитывала воронку и делала её устрашающе-красной.

Внезапно Разумовский протянул руку, и она с болтающимися ошмётками кожи протянулась к Скуратову. Старик открыл рот. Но звуком был лишь стон. Однако, по губам Сергей прочёл:

«Ты — мой сын, прощай».

А затем рука, торчащая из стенки воронки, сжалась в кулак и повернулась на девяносто градусов вокруг своей оси.

Скуратов закрыл ладонями лицо и рухнул на пол без сознания.

И в следующий же миг вихрь, состоящий из всех четырёх стихий, размолот Разумовского в кровавую кашу. А затем и в труху.

Когда торнадо иссяк, ничего уже не напоминало о Виталии Кирилловиче Разумовском — бывшем начальнике собственной безопасности Российской империи.

*

«Сколько у меня осталось времени? — судорожно спросил я у Архоса, возвращаясь к Вале. — Я успеваю?»

«Ещё две с половиной минуты, — ответил он. — Действуй наверняка».

Легко было сказать, куда сложнее было делать. И самое поганое заключалось в том, что от Валиного сердца начисто была отсечена аорта.

Я приказал себе не думать, что штопаю живого человека. Просто взял энергетическую

паутину, обвинил её эфиром, и принялся шить. Такой паукан за работой. За пошивом нового гнезда.

Вот только получалось у меня из рук вон плохо. Словно чего-то не хватало. Я пришивал стенку артерии к сердцу, но несмотря на эфирную подкладку всё равно оставались щели, в которые обязательно будет хлестать кровь.

«Что-то не так, — сказал я Архосу. — Я что-то упускаю».

«Задействуй её стихию, — посоветовал мне учитель. — Как ты сделал это с Катериной Громовой, используя воду».

Я потянул эфир, прогнал его сквозь своё эфирное сердце, и вот уже на конце моей воображаемой, но тем не менее очень реальной иглы затрепетало пламя. Теперь шов выходил ровный и герметичный.

Аорту я пришил довольно быстро. Беглый осмотр показал, что ещё сильно повреждены лёгкие и печень. На них у меня ушло ещё секунд сорок-пятьдесят объективного времени.

Я уже хотел спросить у Архоса, сколько осталось, но не стал. Начну суетиться, напортачу ещё. Нет, мне просто нужно взять и запустить сердце Вали.

Ах, да, чуть не забыл, надо бы залить в неё крови.

Я не умел делать кровь, поэтому просто откачал немного эфиром у принцессы и императора. От них не убудет.

Ну всё, готово.

Пум-пум, пум-пум, пум-пум...

Моя эфирная рука совершала эти движения уже на автомате. Ещё бы, уже третье сердце запускаю, как-никак.

Пум-пум, пум-пум, пум...

Тут сердце не стало артачиться, а завелось почти сразу. Кровь мгновенно наполнила мозг и сосуды, устремившись по телу потоком, подчиняющимся ритму сердца. Тут же потекла и магия по каналам.

Валя судорожно попыталась вдохнуть, но у неё не получилось. Тогда она отхаркнула кровь, скопившуюся в гортани, и уже после этого смогла сделать полноценный вдох. А затем, задышав неглубоко, но часто, открыла глаза.

— Со мной всё норм, — сказала она. — Чуть-чуть споткнулась.

Я закрыл глаза, чтобы она не прочитала в них никакие эмоции.

«Ну вот, — сказал Архос. — Не хочешь официантом, тебя на скорой в бригадах реаниматологов с руками оторвут!»

Я улыбнулся и понял, что у самого сил не осталось даже встать.

Глава 10

Лос-Анджелес, США (Северные Штаты Америки).

Сегодня учёный в халате и несурзных очках чувствовал себя гораздо увереннее, чем во время всех предыдущих собраний вместе взятых. Сегодня он вполне мог отчитаться сразу о нескольких успехах. И это добавляло ему роста, потому что он, наконец, мог распрямить спину.

Было и ещё одно отличие в этом совещании: отсутствовал смайлик на первом экране. Монитор оставался тёмным и пустым.

— А где первый? — спросил второй смайл у третьего.

— Сегодня прошла информация, что он устранён. Была закладка на случай, если он не сможет отменить её отправку в центр. И сегодня ночью она пришла. Судя по всему, скоро нам пришлют замену.

— Надеюсь, на сегодня это единственная плохая новость? — поинтересовался второй и взглянул на учёного.

— Если вы обо мне, — затараторил мужчина, — то у меня только отличные новости.

— Ну вот и славно, — вздохнул второй смайл. — Приступай, мы слушаем.

— Во-первых, спешу доложить, что артефакт полностью заряжен и готов к работе. Все необходимые проверки на этот раз проведены, так что сбоя случиться просто не может. Мы даже перестраховались и в конце увеличили потребление энергии из магов, чтобы, так сказать, под завязку его наполнить, — проговорил учёный на одном дыхании с такой скоростью, что его собеседники поморщились.

— Ты можешь не частить? — попросил третий. — У меня мозг не успевает с такой скоростью информацию потреблять.

— Да-да, конечно, — смутился мужичок в халате и сразу как-то сник. — Я просто спешу рассказать, что всё хорошо. Всё прекрасно. Мы провели исследования и нашли, где у нас была недоработка в технологии телепорта. Часть массы перемещаемого предмета потреблялась артефактом в качестве подпитки. И если в случае с неодушевлёнными предметами это было не сильно заметно, то из живого организма нельзя просто так изъять его часть, поэтому и происходил... м-м... происходило некоторое... умирание.

— Что! — рассмеялся третий смайл. — Что ты несёшь! Какое ещё умирание? Там

подопытных мышей по всей приёмной камере размазывало, как малиновый джем по твоему бутерброду. Нет, это не умирание, это совсем другим словом называется.

— Как вам будет угодно, — учёный поднял руки ладонями вперёд, показывая, что он, в принципе, согласен на любые формулировки. — Так вот, мы поняли, почему это происходит, и совсем скоро сможем устранить неполадку.

— Неполадка... Это в копилку к умиранию, — проговорил третий смайлик. — Полагаю, спрашивать вас, почему это происходило, бессмысленно?

— Почему же? — мужчина даже поднял брови от удивления. — Я вполне могу сказать. Потому что артефакт наш — сущий хищник. Если дать ему волю, он обязательно сожрёт то, что плохо лежит.

— О, как, — буркнул второй. — А я всё время думал, что мы говорим о неодушевлённой вещи.

— Там, где замешана магия, нет ничего неодушевлённого, — пожал плечами учёный.

— А мне, кстати, интересно, зачем вот это вот мутить с телепортом, — спросил второй смайл у третьего, — когда можно пиявок всем подсадить и так тянуть.

— Ну что вы, — ответил третий. — Пиявки — магические паразиты и могут послужить делу лишь на первом этапе. Их же тоже кормить надо. И потом, это слишком заметно, лишает достойных людей магии. А с телепортом никто ни о чём не догадается. Подумаешь, каких-то десять-пятнадцать процентов с каждого. Никто и не заметит.

— Умно, — согласился второй. — Но мне сколько не объясняют, я всё равно никак в толк не возьму.

— Ничего, — усмехнулся третий. — Вы, главное, сами этим телепортом не пользуйтесь, и всё.

— А так удобная была бы штука, — вздохнул второй. — Впрочем, мы отвлеклись. Продолжайте, пожалуйста, — он кивнул мужичку в халате. — Я слышал, что несколько стран уже согласились внедрить нашу передовую технологию?

— О, да, — кивнул учёный, но его перебил третий смайл.

— Одну секунду, получаю информацию по нашему отсутствующему товарищу. Угу... угу... так... Одним словом, он решил вместо общего дела посвятить себя личным проблемам. На том и погорел. Попытка устранить императора Российской империи потерпела неудачу. Когда мы теперь сможем туда внедриться даже богам неизвестно.

— Ничего, — хмыкнул второй. — Нашли одного, найдём ещё. Незаменимых нет.

— И то верно, — ответил третий смайл, и оба уставились на учёного. — Продолжайте.

— Да, спасибо. Нам ответили согласием Германия, Франция, Португалия и Дания. Ожидаем подтверждение ещё от трёх стран. Уже на следующей неделе мы начнём монтировать там наше оборудование. Запуск первых установок планируется в течение ближайших дней.

— Что ж, отличные новости, — сказал второй смайл. — Что-то ещё?

— Да, есть наблюдение, к которому мы не знаем, как относиться, — неуверенно проговорил учёный.

— Что ещё за наблюдение? — спросил третий смайлик. — Важное?

— Да, — кивнул мужчина, и очки от этого съехали на кончик носа, но он их тут же поправил. — По протоколу «Икс один».

— Ого! — высказался второй смайл. — Что-то на сверхсекретном?

— Именно, — ответил третий. — Говорите, а затем я отправлю шифровкой в центр, пусть там решают.

— Вчера, во время свадьбы Долгоруковых в Москве был замечен выброс эфира невероятных объёмов.

— Там был кто-то из высших? — спросил второй у третьего.

— Насколько я знаю, нет, — удивлённо ответил третий. — Продолжайте.

— Есть подозрение, что это какой-то новый эфирник. Дикий. Отследить его не получилось, очень уж много народу было на свадьбе, но полагаем, что скоро он снова даст о себе знать. Что прикажете? — спросил учёный.

— Это протокол «Икс один». Мы тут уже ничего не приказываем. Тут уже приказывают высшие. Но, полагаю, решение тут может быть только одно — смерть, — задумчиво проговорил третий.

— Так, что, пытаться отследить дикого эфирника? — поинтересовался мужчина в халате.

— Естественно, это даже не обсуждается. Найдёте, накиньте на него метку, чтобы не потерялся, — распорядился третий смайлик.

— Да земля-то маленькая, как на ней можно потеряться-то? — искренне удивился учёный и улыбнулся.

*

Ночь в Кремлёвском дворце выдалась нервной. Пришлось срочно проверять и перетряхивать всю собственную безопасность. Император остался весьма доволен Вяземскими, которые на первом этапе очень помогли, а также посоветовали малоизвестного менталиста по фамилии

Блок.

Это был малоразговорчивый парень, худой и бледный, но с невероятной внутренней энергетикой. С Разумовским он никогда не общался и до сегодняшнего дня состоял на службе у главы Твери.

Затем был короткий нервный сон, в котором вся монаршая семья едва ли отдохнула. Но, по крайней мере, пропал риск уснуть на ходу.

Утром Варвара пришла к отцу в кабинет. Тот выпроводил вновь назначенных начальников особых гарнизонов, отдав приказания, и приготовился к непростому разговору.

— Да, дочь, — произнёс он, лишь только закрылась дверь за последним безопасником. — Слушаю тебя.

— Я по поводу Вали, — сказала она.

— Ожидаемо, — проговорил император и встал со своего места. — Понимаю, что тебе неприятно, но в жизни каждого муж...

— Папенька, меня абсолютно не интересуют твои внутренние комплексы вины, это ты будешь с маменькой разбирать. Кстати, она явится через полчаса. Я, наоборот, хочу сказать, что целиком и полностью за Валу. Она меня спасла и вообще стала мне за последние часы настоящей сестрой. Я не хочу, чтобы с ней что-то случилось, а то знаю я ваши методы.

— Наши методы, — поправил её монарх. — Что ж, ты своевременно, я как раз рассуждал, что с ней можно сделать, — увидев, как принцесса вскинула на него глаза, он тут же поспешил добавить: — В хорошем смысле, естественно.

— Я понимаю, что ввести в семью её не получится, — Варвара многозначительно закатила глаза. — Но я всё же прошу, чтобы Валентине дали образование, научили её манерам и нашли достойное место среди знати. Пусть среди московской. Она после вчерашнего сильно нуждается в новой крови.

Теперь уже император вскинул глаза на дочь.

— Если это такой юмор, то он весьма чёрный.

— Какой есть, папенька, — принцесса карикатурно развела руками. — Одним словом, я прошу, чтобы ни единого волоса с головы моей сестры не упало. А иначе Разумовский вам покажется милым и добрым дедушкой. Я вам такие волнения замучу, что ни одного целого дворца вообще не останется, — и тут же она нацепила кукольную улыбку на лицо. — Хорошо, папуль?

Император потёр усталые глаза, чувствуя набухшие мешки под глазами. Очень хотелось, чтобы все последние дни оказались просто дурным сном.

— Да не собирался я её устранять, с чего ты это взяла? — ответил он, считая, что говорит совершенно искренне. — Она же моя дочь, в конце концов. А такой кровью попусту не расшвыриваются. Ты мне лучше скажи, как она? В смысле, сильный маг?

— Очень, — ответила Варвара. — И в отличие от меня, стабильный. Про Скуратова что-то докладывали?

— Волнуешься? — удивился Ярослав Иванович.

— Нет, — ответила принцесса. — Просто я ему обещала защиту и помилование, если он встанет на нашу сторону. А мне своё слово нужно держать. Я же не начальник безопасности и не маг-абсолют, — девушка пожала плечами.

— Скуратов всё ещё в коме, — ответил монарх, недовольный построением вопроса. — Пока только отправили его кровь для экспертизы. Есть подозрение, что он и не Скуратов вовсе.

— А Разумовский-младший? — хмыкнула Варвара. — Я думала, это и без экспертизы понятно.

— Что же до остального, да, я промахнулся. В какой-то момент не углядел государственной измены. Но не забывай, что этот человек шестьдесят лет плёл сеть своих интриг. Меня ещё не было, а он уже работал в собственной безопасности, понимаешь? — монарх прошёлся по кабинету. — А Орлова вместе с тобой держали. Но проверить его, конечно, не мешает.

— Да понимаю, у монархов сложно с доверием к людям, — принцесса тяжело вздохнула. — Иногда хочешь поверить внушающему уважение человеку, а затем творишь лютую дичь под воздействием. Я всё это понимаю, но почему не было второго контура защиты?

— Да потому что Разумовский всю защиту и выставлял. Но, да, моя беда, что не перепроверил. Хотя, мне кажется, он бы и тут что-нибудь придумал, — император подошёл к окну. — Ты же видела, он почти ушёл вчера.

— Если бы не Никита, ушёл бы, — согласилась Варвара.

— Эх, Державин, Державин, — Ярослав Иванович покачал головой. — С ним тоже предстоит разбираться.

— А с ним-то что? Он нас всех спас не по разу, а ты хочешь разборки какие-то? — удивилась принцесса.

— Если бы я, — грустно ответил император. — Слишком много народу видело, что он магии объединял. А как он это делал? Вдруг он угрозу представляет большую, чем менталисты? Одним словом, меня уже насчёт него одолели. Но я пока ссылаюсь на то, что мне некогда.

— Если что, за него я, как и за Валю, встану, — жёстко проговорила Варвара.

— Да, я тоже, — сказал монарх. — Но разбирательств не избежать.

В этот момент доложили, что на приём прибыла императрица.

— Побежала, — сказала на это принцесса и чмокнула отца в щёку. — Надеюсь, что ты всё понял, что я тебе сказала.

— Да, понял я, — ответил император и нацепил дежурную улыбку для жены.

Следующий разговор обещал быть куда менее приятным.

*

Императрица Елизавета Фёдоровна была бледна и молчалива.

— Как спалось вам, мой дорогой супруг? — поинтересовалась она, пройдя в кабинет.

В дверях она столкнулась с Варварой, но они лишь раскланялись друг другу, не проронив ни слова.

Император отметил, что супруга к нему обращается на «вы». Это был явный признак грядущего скандала. Тем более, повод был. Да ещё какой! Вале было всего лишь на десять месяцев больше Вари. Что ж, придётся отвечать за свои поступки.

— Не очень, — признался монарх. — Всю ночь кошмары снились.

— Ну а что же вы никого на этот раз не позвали к себе в кровать, чтобы утешиться? Эта твоя тоже от кошмаров появилась? — императрица с ходу решила обозначить своё недовольство.

— Лиза, прекращай, — сказал Ярослав Иванович. — Да, было, но давно. Девочка в этом уж точно не виновата.

— А кто виноват? Может быть, я? — Елизавета Фёдоровна выливали всю скопившуюся боль на супруга. — Может быть, Разумовский заставил под влиянием?

— Кстати, не исключено... — начал было император.

— Так! — перебила его супруга. — Не смей скидывать свою вину на других! Что ты собираешься с ней сделать?

Монарх развёл руками.

— Нет, ты просто пойми, если ты ничего не сделаешь, то я...

— Лиза! — на этот раз голос повысил император. — Всё, остановись! Только что тут была наша дочь и пообещала нам государственный переворот, если хоть волос упадёт с головы Валентины. Масштаб проблемы понятен?

— Ладно, — вздохнула императрица и закрыла лицо руками. — Успели уже сговориться

против меня, — а затем она сурово посмотрела на мужа. — Но, чтобы при дворе её не было, ясно? Увижу, за себя не ручаюсь!

Ярослав Иванович некоторое время ходил туда-сюда по кабинету и вздыхал, пытаясь подыскать слова.

— Ты знаешь, они сдружились, — наконец, проговорил он. — Помнишь, Варвара всегда просила у нас сестру...

— Даже не начинай! — императрица заламывала руки. — Я всё сказала. Если с нашей дочерью что-то случится, я эту... девку...

— Стоп! — проговорил император. — Как бы там ни было, Валентина — моя дочь. Она — сильный маг. Её вполне можно использовать для защиты принцессы. Никто её во дворце селить не собирается. Но дать ей возможность выучиться и хорошо выйти замуж я обязан. Отдам её на воспитание кому-нибудь из наших, из огневиков.

Императрица запрокинула голову и картинно сглотнула слёзы.

— Лиза, ну ладно тебе, — он подошёл сзади и обнял её за плечи. — Мы едва не погибли, и я понял, что без тебя мне просто не жить, поэтому пытался сохранить тебя как самое дорогое сокровище. Я люблю только тебя.

— Правда? — спросила она и обернулась.

— Правда, — кивнул император и поцеловал супругу.

*

Варвара напрямик от отца поспешила в палату к своей сестре. Она не в шутку переживала за её жизнь, так как дворцовые интриги — та ещё бочка со змеями.

— Привет! — сказала Валя, когда увидела принцессу.

Она смотрела телевизор, где бесновался очередной «эксперт», буквально из пулемёта выдающий догадки, что вчера могло случиться в усадьбе Царицыно.

— Привет, — улыбнулась Варя и выключила телевизор. — Как спалось?

— Если честно, погано, — ответила Валя. — Мне всю ночь снилось, что я умираю. И, главное, натурально так. Пытаюсь вдохнуть и не могу. Хочу, хочу, а воздуха нет. И меня начинает уносить в темень.

— Я и правда думала, что ты... ушла, — проговорила Варя, присаживаясь к сестре на кровать. — Там так страшно всё выглядело. Хорошо, что на самом деле никакие жизненно-важные органы не задело. А всё остальное подлечим.

— Это хорошо, но я бы... — Валя всем своим видом показывала, что ей неловко. — Домой, наверное, пошла бы.

— Хм, — принцесса состроила недовольную гримаску. — Видишь ли, после того, что произошло, твоя жизнь в любом случае уже не будет прежней. Мы не сможем тебя просто взять и отпустить обратно в трущобы, — она развела руками. — Ты, как-никак, персона императорской крови, что накладывает свой отпечаток.

— А если я не хочу все эти балы-приёмы? — совсем по-детски спросила Валя. — Можно мне домой?

— Да дело же даже не в балах, понимаешь? — Варя села к Вале на кровать и обняла её за плечи. — В трущобах за тобой теперь охота будет, понимаешь? Да и вообще, тебе бы о маме подумать. О её устройстве. И о своём тоже.

— И что меня ждёт? — Валя поджала ноги и сжалась в комок.

Раны её проходили на удивление быстро. И, несмотря на то, что ею сейчас занимались ведущие лекари страны, поправлялась она всё равно гораздо быстрее, чем этого можно было ожидать после того, что с ней случилось.

— Для начала отдадим тебя в семью к магам огня. Они обучат тебя манерам и умению обращаться с твоей магией во всех тонкостях. Затем подыщем тебе знатного мужа...

— Манерам? — перебила её Валя. — А то я как дворовая девка, да?

— Валь, — принцесса прижала её к себе. — Ты же сама всё понимаешь. Я бы очень хотела забрать тебя к себе во дворец и самой тебя всему учить. Но мама не позволит...

— Тот момент, когда сказка разбивается о суровую действительность, — прокомментировала Валя. — Я всё понимаю. Но хочу жить, как прежде. Хочу с пацанами в футбол гонять. Летом на речку, и кто быстрее до того берега...

— Не хочешь, — сказала Варя, глядя сестре прямо в глаза. — Ты это сейчас просто так вспоминаешь, потому что боишься новой жизни. А на самом деле ты всегда чувствовала себя чужой среди них.

— А теперь буду чувствовать себя чужой среди вас. Чудненько, — Валя грустно улыбнулась. — Я тебе очень благодарна. Но идти в чужую семью, потом ещё замуж за того, за кого скажете. Не хочу. С тобой бы — да. С тобой я чувствовала бы себя в своей тарелке, а так — нет.

— Я буду навещать тебя, обязательно, — сказала Варвара.

Ей совсем не хотелось объяснять, что если Валя откажется, то защищать её будет крайне сложно. А защищать придётся, и в первую очередь от императрицы.

— Мне сначала подлечиться надо, — сказала Валя. — Я, может быть, из-за ран такая. А как вылечусь, то по-другому думать начну.

Ей очень не хотелось объяснять Варе, что если та будет настаивать на её отправке куда-нибудь, то она просто сбежит.

Обе поняли, что этот вопрос на данный момент острый, и для хороших отношений его нужно пока обходить. Они долго болтали на отвлечённые темы, а как только принцесса ушла, Валя достала свой телефон. Точнее, новый телефон, который ей принесли взамен её разбитого каменными сосульками.

И набрала номер.

— Никит, привет, ты как? — она плохо помнила, как всё вчера закончилось, но было ощущение, что Державин тоже чувствовал себя в конце не очень хорошо.

— Привет, да уже более-менее, спасибо. А ты? Ожила немного? — ответил ей голос уставшего, но относительно счастливого человека.

— Да, спасибо. Ты телевизор уже смотрел? — спросила она, и поняла, что почему-то спрашивает всякие глупости вместо того, чтобы сказать о том, что её на самом деле волнует.

— Нет ещё, а что? — ответил Никита.

— И не смотри. Там в связи с вашим возвращением из мира мёртвых уже такие теории настроили, что я хихикаю без конца. Слушай, я тебе вообще по другому поводу звоню-то, — она, наконец, решилась.

— Я тебя слушаю, — сказал Державин.

— Тут такое дело... короче, ко мне сейчас Варвара приходила, — как только речь полилась из неё, остановиться было уже трудно. — Говорит, нужно, чтобы я в роду аристократов жила, чтобы манерам меня учили и магии. А я не хочу. А потом ещё, говорит, замуж отдадут. Это ж за кого они захотят, за того и отдадут. А я тоже не хочу. Понимаю, что как прежде не будет, но этого всего не хочу. Можешь что-нибудь сделать, а?

— Хорошо, я что-нибудь придумаю, — ответил Никита. — И не бойся, никто тебя никуда против твоей воли не отдаст.

*

Никита, поговорив с Валею, задумался. В целом, планы императорской семьи на девушку вполне себе понятные. Неучтённый маг — это всегда некоторые неудобства, а в случае с императорской кровью — так и вдвойне, но жить ей прежней жизнью действительно не дадут. Хотя бы потому, что её довольно просто использовать как рычаг давления.

Но, по мнению Никиты, Валею было использовать крайне сложно. А, учитывая то, что она

противится всему, что ей пытаются дать императорская семья, бессмысленно. Но хлопот она действительно могла доставить. Просто сбежит, и потом вся королевская конница и вся королевская рать...

И тут у него в голове созрел план. Он набрал номер.

— Привет, Белла, ты ещё в Москве? — спросил он, не сомневаясь в ответе.

— Как же я могла пропустить столь фееричное зрелище, которое ты устроил вчера вечером? По этому поводу нас с тобой ждёт серьёзный разговор, так что, как только сможешь, приезжай. Жду.

— Я как раз хотел приехать. Но не один, — я решил, надо пояснить, но только усугубил ситуацию. — Одной девушке нужна помощь.

— Приезжайте, поговорим, — твёрдо проговорила бабушка и отключилась.

И тут же пришло сообщение с неопределяемого номера.

«Никита, нужно поговорить».

«Я сейчас к Вале собираюсь, можно где-нибудь встретиться», — ответил я и тут же подумал, что не очень хорошо получилось.

Но Варвара тут же ответила.

«Отлично, через полчаса возле клиники».

По своему обыкновению она пришла раньше. А, может, просто была где-то рядом.

— Что случилось? — спросил я. — Что-то серьёзное?

— Пока не знаю, не уверена, — Варвара против обыкновения была неулыбчива и нахмурена, как серый день. — Но отец сказал, что к тебе есть вопросы по поводу использования магии.

— Если есть вопросы, пусть задают, — сказал я. — Постараюсь на них ответить.

— Ты не понимаешь, — принцесса заглянула мне в глаза. — После вчерашнего гайки в империи закрутят так, что резьба захрустит. Твой торнадо из стихий пол-Москвы видело, и уже слухи пошли. В СМИ пока не просочились, но это дело времени.

— И что мне делать? — спросил я на всякий случай.

— Откуда я знаю? — принцесса пожала плечами. — Я должна была тебя предупредить. А ты уж попробуй придумать что-нибудь сам. Как смогу, я тебя, естественно, прикрою. И отец прикроет. Но решать будет не только он, в этом вся сложность.

— Понятно, сколько у меня времени? — поинтересовался я.

— День... два... неделя, — Варвара потёрла виски. — Я не знаю. Но, чем раньше ты найдёшь выход, тем лучше.

— Хорошо, — ответил я. — А я Валю забирать приехал.

— Как так? — всполошилась Варвара. — Ей нельзя, у неё режим! Да и вообще, из клиники она поедет в какой-нибудь дом, мы пристроим... — с каждым словом она говорила всё неувереннее, а затем спросила: — Это она захотела?

Я кивнул. Говорить что-либо тут было бессмысленно.

— Ладно, — ответила Варвара. — Оно и к лучшему, наверно. А куда, если не секрет? К кому?

— А у кого ты виноград пожгла в детстве? — улыбнулся я.

— Никита, ты гений! — сказала принцесса и впервые за сегодня улыбнулась в ответ. — Так мы и увидимся с ней сможем часто. В Ливадии.

*

Белла провела меня внутрь, оставив Валю на время в прихожей.

— Насколько ты уверен в этой девочке? — спросила она.

— Про эфир она не в курсе, а вот всё остальное знает, — ответил я. — Бывает мстительной стервой, но доверяю ей, как себе.

— О, дорогой, когда дело касается любви, все мы — мстительные стервы, — хохотнула бабушка. — Так, тогда быстро по вчерашнему. Ты охренел?

От столько быстрой смены настроения Донатовой я аж застопорился.

— В смысле? — не понял я.

— Ты эфирную иллюминацию на пол-Москвы устроил! Я отсюда видела столб магии над Царицыно! Ты чем вообще думал? — она была явно напугана и не хотела застрашать меня.

— Я, честно говоря, вообще не думал, мне нужно было уничтожить противника, — ответил я.

— Уничтожил? — спросила Белла.

— Уничтожил, — кивнул я.

— А теперь жди, — она уставилась невидящим взглядом куда-то в сторону, — потому что день-два, и уничтожат тебя. Маги эфира тебя терпеть не станут, пойми. Сметут, как ненужную фигуру с доски!

— Прости, но в тот момент я об этом вообще не думал, — проговорил я. — Там ситуация была очень серьёзная.

— Да я понимаю, что ты просто так не стал бы светиться, — бабушка перевела взгляд на меня, и я прочитал в нём массу сожаления и боли. — Но что теперь делать? Я ума не приложу. Вот тебе телефон, — она достала странный аппарат с кнопками. — Он защищён от прослушки. Если что, сможешь связываться со мной. Понял?

— Понял.

— Отлично, теперь пойдём разговаривать все вместе, — сказала бабушка, и мы вернулись к Вале. Та так и стояла посреди прихожей, смущаясь.

— Проходи, — сказал я. — Нам надо было немного пошептаться.

— Обо мне? — с ноткой обиды в голосе спросила она.

— Нет, зачем? — недоумённо спросил я. — У нас есть другие темы. О тебе мы будем говорить с тобой.

Мы прошли на кухню, где каким-то чудом пахло не шампанским, а кофе.

— Вот, знакомьтесь, — проговорил я. — Это Белла — моя бабушка. А это Валя — мой друг, хорошая знакомая и внебрачная дочь императора.

Белла подавилась кофе.

— Предупреждать надо! — сказала она.

— Я вот как раз и предупреждаю, — я улыбнулся такой бабушкиной реакции. — Ситуация такая, что её после вчерашнего хотят взять в оборот.

— В каком смысле? — бабушка спрашивала не у меня, а у Вали, а я захотел треснуть себя по лбу, но затем успокоил себя мыслью, что привёл подругу в нужное место.

— Долгая история, на самом деле, — ответила Валя. — Но, если вкратце, я вчера немного помогла принцессе, и теперь в благодарность меня хотят отдать каким-нибудь магам на обучение, а затем выдать за какого-нибудь аристократа.

— А ты? — приподняла бровь Белла.

— А я не хочу, — совершенно искренне ответила Валя. — Но понимаю, что и как прежде мне жить не дадут.

— Умница, что хоть это понимаешь, — бабушка допила кофе и тут же пошла за бутылкой шампанского. Не долго длилась её разлука с бокалом игристого. — И как видишь свою дальнейшую жизнь?

Валя пожала плечами.

— А я и не знаю. Я буквально вся в растерянности, — проговорила она. — Поэтому и Никите позвонила. Вдруг он что-то придумает. А он меня к вам привёл.

— Ну что скажешь? — спросил я. — Возьмёшь?

Обе повернули головы на меня.

— Вообще-то я уже не столь молода, чтобы воспитанием заниматься, — задумчиво проговорила Белла. — Но с другой стороны, уже давно ловлю себя на мысли, что мне одиноко и хочется с кем-то пообщаться. Поделиться опытом. Обсудить новости. Научить чему-то, почему нет? Знаешь, а я за! Мне даже нравится.

— И не надо будет круглыми сутками на цыпочках ходить? — спросила Валя.

И тут уж мы повернули на неё головы, ожидая разъяснений.

— Мне просто всегда казалось, что это тоже часть этикета, и все аристократы по дому передвигаются исключительно на цыпочках, — выдала девушка и даже немного покраснела.

Белла залилась смехом, но искренним и необидным.

— Нет, ты что, детка, — она продолжала широко улыбаться. — До такого точно не дойдёт!

Я видел, что они понравились друг другу. Что ж, ещё один мой неочевидный план сработал, посмотрим, какие плоды он принесёт.

— Кстати, Белла, — спросил я, собираясь уходить, — мне тут принцесса сказала, что со мной разбирательство будет. Что посоветуешь предпринять?

Бабушка тяжело вздохнула.

— Пойдём, провожу тебя, — сказала она.

Я подумал о том, что может быть нужно ввести Валу в курс моих скрытых способностей, но затем решил, что лишняя информация ей ни к чему. Мы попрощались с ней, и я вышел. Бабушка последовала за мной.

На крыльце Белла обняла меня и шепнула на ушко.

— Что они видели?

— Смешение стихий, — ответил я.

— Спроси у своего учителя, — прошептала она в ответ. — Кажется, в их храме есть подобные техники. Правда, они не носят такого масштаба, но ты спроси.

— Хорошо, — кивнул я.

— А раз принцесса тебя предупредила, значит, ты ей действительно дорог, цени, — сказала она, отстранившись. — И да сберегут тебя боги!

Глава 11

В баре было шумно. В игровой части мужики гоняли бильярдные шары по зелёному сукну, а девочки двигали филейными частями под современную в этом мире музыку.

В питейной части тоже всё шло своим чередом. За столиками работяги после трудового дня травили организм выпивкой. Звучали тосты, произнесённые хриплыми голосами, мужицкий хохот и куски весёлых, по мнению рассказчика, историй.

У стойки бара сидел одинокий посетитель, сильно отличавшийся ото всех остальных. Был он высок ростом и одет совсем не по моде: кожаный плащ и шляпа, на ногах сапоги с острыми носами и обычные синие джинсы. Лицо посетитель прятал в тени, но бармен, исправно подносящий ему шоты с экзотическим коктейлем, клялся потом друзьям, что видел пару углей, тлевших в этой тени.

Посетитель молча наблюдал за небольшим экраном, на котором шёл репортаж про трагические события на свадьбе Долгоруковых, которую уже окрестили кровавой.

Когда в зале расшумелись другие гости, и телевизор стало не слышно, посетитель не стал возмущаться, но звук репортажа усилился сам по себе.

— К этому часу, — вещал корреспондент, эффектная шатенка с глубоким декольте, — так и нет никакой официальной позиции на счёт произошедшего в усадьбе Царицыно. Что известно к этому часу: погибли главы трёх родов: Алексей Долгоруков, Георгий Троекуров, Иннокентий Пожарский. Все в момент трагедии находились возле свадебного торта, который по некоторым данным и стал её причиной. Вообще свидетельства очень противоречивы, поэтому мы и ждём официальной версии произошедшего, — девушка перевела дух. — Среди погибших также есть ещё представители трёх родов. По чистой случайности не погиб сам отец-император, присутствовавший на свадьбе. Есть также противоречивая информация о том, что не стало бывшего начальника собственной безопасности империи и что он чуть ли не грудью защищал монарха. Шокирующей новостью стало и то, что Державины, оказывается, не взорвались в своём небоскрёбе, а выжили и вели весьма активную деятельность в Царицыно. А сейчас мы с вами увидим кадры, снятые вчера камерой наблюдения. Это то ли момент первого взрыва, то ли были ещё. Пока, повторюсь, нам это неизвестно.

Включилось изображение с камеры, на котором уже было видно дыру в стене дворца. Из этой дыры поспешно, кто на четвереньках, кто ползком, выбирались люди. И вдруг...

Посетитель бара выпрямился, потому что увидел на экране широченный столб эфира, ударивший в небо. Он даже покосился по сторонам, но телевизор никто, кроме него, не смотрел. Более того, даже корреспонденты не комментировали это происшествие. А это значит, что для всех них событие это осталось незамеченным.

— Что ж, — сказал посетитель вслух, но так, что никто не услышал. — Кажется, на этот раз стоит задержаться в этом мире подольше.

Затем он расплатился и вышел из бара. Стоило завернуть за ближайший угол, как к нему подошли трое.

— Уважаемый, а не угостите денежкой? — сиплым голосом проговорил один.

— Может быть, сразу подерёмся? — спросил вышедший из бара.

И тут все трое подошедших увидели, как глаза его загорелись красным.

— Сразу б сказал, что благородь, — произнёс второй из подошедших максимально обиженным тоном.

— Ах, ну да, — проговорил посетитель бара. — В этом мире вам продали, что магия может быть только у аристократов. Мол, этим-то они и отличаются от простолюдинов. Смешно.

Окружившие его мужики начали пятиться назад. А вышедший из бара посетитель снял шляпу, и тусклый свет от случайного фонаря осветил молодое и добродушное лицо. Затем он полез в карман, вытащил несколько старых, но всё ещё имеющих хождение монет и бросил их опешившим личностям.

— Держите, — сказал он. — И выпейте за Магнуса, странника между мирами, подарившего вам сегодня жизнь.

*

После разговоров с принцессой и с Беллой я был, мягко говоря, озадачен. Почему-то я совершенно не рассчитывал на то, что меня призовут к ответственности. Да и было бы за что. Я, как-никак, всех спас. Но нет, и одна, и другая были весьма серьёзны, когда говорили мне о разбирательствах.

Что я могу сделать? Мне нужно каким-то образом доказать, что я не пользовался запрещённой магией.

«О, сколько, друг, открытий чудных, — нараспев проговорил Архос. — Тебе готовит этот мир, — затем сделал паузу и продолжил уже обычным своим голосом. — Для них смешение магии в одном человеке — это нонсенс, вот и чудится в этом преступление. Любой вид

исторгает из своего круга непохожего на них».

«Спасибо за умные сентенции, — ответил я. — А можно русским языком?»

«Как скажешь, — добродушно пробурчал мой ментальный наставник. — Докажи, что ты такой же, как и они, и всё будет хорошо».

«Но как?», — поинтересовался я.

«Я думаю над этим вопросом. Но пока я солидарен с „мамма миа“ Беллой, которая сказала поговорить с Ван Ли. Он — мужик головастый, вместе что-нибудь придумаем».

Так я и оказался дома, чтобы встретиться со своим учителем из Поднебесной.

Пресса дежурила возле нашей башни уже вторые сутки, но охрана неплохо справлялась с тем, чтобы никто не подходил слишком близко, поэтому особых проблем у меня не возникло.

Ван Ли я нашёл вместе с Кариной в спортзале. Они как раз медитировали.

А я залюбовался. Над сестрой висело несколько десятков крошечных воронок, сквозь которые пробивали крохотные молнии. Судя по всему, он научил её такой степени концентрации, что мне и не снилась.

Я дождался, пока они закончат, обнял сестру и подошёл к мастеру.

— Приветствую вас, ваше сиятельство, — проговорил он. — Вы чем-то озадачены? Вам нужна моя помощь?

Меня всегда смущала его прозорливость. Несколько раз я даже специально проверял его, но никаких намёков на ментальную магию не увидел. Что-то другое позволяло ему точно ориентироваться в настроении собеседника.

— От вас ничего не скроешь, — ответил я. — Есть такое.

— Поговорим тут или пройдемся на свежем воздухе? — спросил учитель.

Я окинул взглядом спортзал, втянул слегка застоявшийся воздух, а затем окинул глазами камеры слежения:

— Пожалуй, предпочту говорить на улице.

— Тогда попрошу вас подождать, я найду к себе и подобающе оденусь.

Спустя пятнадцать минут мы уже шли по тропинке в заснеженном саду.

— Так что вас гнетёт? — Ван Ли начал беседу первым, что было ему несвойственно, но

случалось. — Это как-то связано со вчерашним инцидентом?

— Да, — ответил я. — Напрямую. Дело в том, что ранили мою близкую подругу, ну я и разозлился. Пустил в противника смерч, но не простой, а состоящий из всех четырёх стихий. И вот теперь мне грозят разбирательства из-за использования запрещённых приёмов.

— Такой? — спросил Ван Ли, и я посмотрел на него.

На его ладони танцевал крохотный смерчик, состоящий из пламени, земли, воды и огня.

— Ну да, — кивнул я, не скрывая удивления. — Только мой был чуть больше. Но я был в ярости и, кажется, снова вышел на использование жизненной силы. Меня потом часа три в себя приводили.

Ван Ли сжал ладонь в кулак, и диковинный смерч пропал.

— Есть одна методика, — сказал он. — Если хотите, разберём.

— А долго этому учиться? — спросил я, прикидывая, что у меня-то есть день, максимум два.

— Нисколько, — ответил учитель. — И в то же время — всегда.

«Архос, вы споётесь, — сказал я, мысленно отбивая себе лоб. — Этот тоже, как что-нибудь ляпнет, соображай, что он сказал».

«Всё он правильно говорит, — усмехнулся Архос. — Имеющий уши да услышит».

У меня едва не вырвалось нецензурное слово, но тут Ван Ли продолжил.

— Видите ли, — сказал он. — Вся штука в том, что просветление всегда наступает мгновенно, но медитировать для того, чтобы прийти к нему, можно всю жизнь.

— Почти понятно, — кивнул я с кислым видом под хохот моего ментального наставника.

— Перед тем, как мы начнём, я хочу, чтобы вы поняли главное: никакого деления на стихии не существует. Просто людям удобней воспринимать магию по частям. — Тут мне, кстати, было понятно, так как в моём мире так оно всё и было. — Вот возьмите себя самого, — проговорил Ван Ли, и я обхватил себя руками. — Я образно, — на лице мастера из Поднебесной появилась чуть заметная улыбка. — Сами вы — плоть от плоти — земля.

Я сразу вспомнил старую-престарую балладу со словами: «и прах от праха — я, и плоть земли».

— Ваше тело, являющееся вместилищем всего остального, и есть стихия земли. Как только вы осознаете это, так эта магия станет вам родной. Затем вода. Кровь в ваших жилах, вот она — магия воды. Она переносит жизнь по вашему организму. Чувствует её ритм. Именно крови вы обязаны всем нашим медитативным практикам. И как только вы поймёте, что

кровь — это вода, так и эта магия станет для вас родной.

Я вспомнил, как запускал сердце Громовой. И да, тогда вода сыграла важную роль. Но откуда я её взял? Из крови. Из крови!

— Пламя, — говорил Ван Ли, не спеша шагая по саду. — Казалось бы, откуда ему взяться в нашем организме, да? — он посмотрел на меня.

— Ну да, — кивнул я. — С этим, наверное, самый большой затык.

— Коснитесь меня, — сказал учитель и протянул мне суховатую руку.

Я взял её и не почувствовал ничего из ряда вон выходящего. Обычная человеческая кожа. Чуть более гладкая, чем у меня, но не более того.

— Что вы чувствуете? — спросил Ван Ли.

— Ничего особенного, — я пожал плечами. — Рука, как рука.

— А теперь скажите, если бы пламя жизни угасло бы во мне, что вы почувствовали?

И тут я понял.

— Почувствовал бы холод, — ответил я. — Температура тела поддерживается магией огня!

— Всё так, — кивнул мастер. — Ну а про воздух и дыхание, полагаю, нет нужды упоминать?

— Мне нужно медитировать, чтобы спаять все стихии в смерч?

— Как вам нужно, так и делайте.

Я сел прямо в снег, закрыл глаза и сосредоточился. Вот моё тело, оно даёт мне силу земли. Вот кровь, она даёт силу воды. Жар моей жизни даёт силу пламени. А дыхание даёт силу воздуха.

Я открыл глаза, и на моей ладони кружился маленький вихрь, составленный из четырёх разных стихий.

— Вы — очень способный ученик, — с улыбкой кивнул Ван Ли. — Я горжусь вами. Но должен предупредить, что скоро не смогу обучать вас.

— Это ещё почему? — удивился я.

— Я могу обучать только до второго уровня, для более высоких рангов моя система не подойдёт. Ваша сестра — исключение, и мы с ней не прокачкой магии занимаемся, а улучшением концентрации и масштабированием, а это — другое.

— Так мне до второго уровня ещё далеко, — ответил я. — Или... сколько у меня сейчас?

— Один и девяносто восемь, — грустно ответил Ван Ли.

— А вы говорили, что не умеете определять, — усмехнулся я.

— Так и вы говорили, что скрепили стихии в смерче жизненной силой, — ответил мне Ван Ли и подмигнул. — Так что — квиты.

Я согласился, и мы пошли в башню.

Теперь у меня хотя бы был какой-то козырь. Я скажу, что это просто фокус. Просто медитативная практика с Востока.

«А то, что такой большой получился, — добавил Архос, — так это потому что мутировал по дороге, да?»

«Нет, почему? — мне казалось, что у меня твёрдая позиция. — Скажу, что это вышло случайно от сильных переживаний».

«И развоплотило сильнейшего менталиста империи, — в тон мне поддакнул Архос. — Ну-ну».

«У тебя есть другие предложения?», — спросил я.

«К сожалению, пока нет, — ответил Архос. — Но я думаю. Полагаю, можно сослаться на сильный выброс энергии магами во время паники. Это уже больше похоже на правду. Да и про стихии. Не стоит про все эти: тело моё — земля, кровь моя — вода, и вот это вот всё. Очень сектой какой-то пахнет. Скажи, там столько всего в воздухе витало, что я хватал, не глядя, и швырял, не видя. Как-то так».

*

— А ты совсем не изменился, — сказал император своему неожиданному гостю, в котором с трудом можно было узнать посетителя бара в районе трущоб.

— А должен был? — дружелюбно сощурился Магнус, став похожим на огромного сытого кота. — Я пока не хочу.

— Нет, конечно, — ответил Ярослав Иванович, оглядывая гостя. — Просто непривычно. Столько воды утекло. Тридцать лет? Тридцать пять?

— Тридцать три, — ответил гость. — Это в последний раз. Потом просто не до того было.

Одет он был в блистательный костюм столь шикарного кроя, что на вчерашней свадьбе занял бы второе место по популярности. Сразу после торта.

— Да-а, — протянул император, — знатно мы тогда начудили. Помню Разумовский меня тогда чуть не прибил, — и после этих слов нахмурился.

— Он меня всегда недолюбливал, — проговорил Магнус. — Всё хотел меня своими штучками извести, и всё бесился, что у него не получается. Даже убийц ко мне подсылал, гнида такая. Кстати, я слышал, он — всё. Пал смертью храбрых, защищая императора. То бишь тебя.

— Ну... — императору явно было неловко. — Это околоофициальная версия.

— А на самом деле, небось он всё и замутил, да? — и гость засмеялся. — Да я тебе тогда ещё говорил, что он гнилой насквозь. Будет у него повод предать, и предаст, не моргнёт. А ты меня всё не слушал.

— Слушай, — монарху явно не нравилось, как с ним общается Магнус. — Ты как прилетел, так и улетел, а он — здешний, домашний. Вот и втёрся потихоньку в доверие. А тут сын у него нарисовался, судя по всему, он и решил ему корону надеть.

— Аха-ха, — от души засмеялся гость, совершенно натуральным смехом. — Устроили тут игру престолов, понимаешь. Ладно, как жизнь, Яр. Как семья, дети?

— Да, — основательно сказал император, явно довольный тем, что можно перевести тему с Разумовского. — Сейчас покажу.

Он достал свой «имперфон» и первым делом открыл фотографию Варвары.

— Вот, дочка моя. Смотри, какая красавица вышла.

— То, что красавица, вижу, — моментально нахмурился Магнус. — А вот почему в ней дуга не закрытая?

— Что? — не понял император.

— Охо-хо, отсталые вы мои, — пробурчал себе под нос гость. — У неё какие-нибудь проблемы с магией есть? Например, не срабатывает иногда, или, наоборот, бесконтрольные выплески?

— Бесконтролка случается, всё так, — кивнул император. — Но в последнее время значительно реже. Мы мастера привезли из Поднебесной, так она что-то такое сделала, что у Варвары прекратились эти самые всплески неконтролируемые.

— Это, значит, она ей дугу замыкает, — сказал Магнус. — Это всё полумеры. А как так вышло-то? Где вторая половина?

— Ты мне объясни доступно, — попросил Ярослав Иванович.

— Ну, смотри, объясняю образно, — проговорил гость. — У человека есть два круга

кровообращения: большой и малый. Малый от сердца к лёгким, большой от сердца по всему организму. Ну это анатомия, девятый класс, должен знать. Учили же анатомию в этом своём дворце? — хозяин кабинета кивнул. — Эти два круга образуют восьмёрку. В магии также. Есть магическая восьмёрка. Малый круг на обогащение и большой круг на само колдовство. Вот у твоей Вари часть большого круга с обломанными краями. Где малый, спрашивается?

— Дык, это... — император не планировал рассказывать каждому встречному про внебрачную дочь, но от Магнуса утаивать никогда ничего не получалось. — Оказалось, что есть у меня ещё одна дочь. Старшая. Но не от жены.

— А, нагулял, старый развратник, — улыбнулся гость. — Понятно.

— Так и что делать-то теперь? — спросил обескураженный монарх.

— В идеале, конечно, им бы вместе лучше быть, и тогда постепенно каждая себе полную восьмёрку отрастит. Но пока у них круг общий. Я так понимаю, жёнушка твоя бастарда дома не потерпит, даже на кухне?

— Нет, конечно, — ответил император.

— Ну вот тебе и ответ. Холь, лелей, держи в сухом и тёмном месте. Шутка, если что. Держи подальше от жены и поближе к дочери. Им, как это корректнее сказать-то... переопыляться надо, во. Но это вообще ботаника — пятый класс.

— А если с этой, старшей что-то случится... — осторожно начал Ярослав Иванович.

— Даже не думай, — оборвал его Магнус. — Останется твоя Варя с обломанной и открытой дугой. И будет её пробивать, как молнией без заземления.

— Понятно, — ответил император. — Хоть кто-то мне сказал, что делать. Слушай, а можно тебя ещё об одном одолжении попросить?

— Валяй, — гость махнул рукой. — Я всё равно у вас, походу, задержусь.

— У меня завтра разбирательство по делу одного мага из знатного рода.

— Чего-то спёр или кого-то убил? — спросил Магнус.

— Спас меня и дочь, и других людей неоднократно. Но по закону мне нужно бы его казнить.

Гость поднял на хозяина кабинета удивлённые глаза.

— Слушай, когда ты такой кровожадный-то стал? — спросил он. — Я тебя вообще другим помню.

— Да я и не хочу, — попытался оправдаться император. — Он и дочери моей нравится. И вообще парень хороший, хоть и молодой.

— Молодость вообще не показатель, — проговорил Магнус, вставая. — Иногда молодые куда мудрее старых пердунов. Пожалуй, что приду, мне даже интересно стало, за что вы хорошими людьми разбрасываетесь.

— Да говорю же, — повысил голос монарх. — На меня абсолюты давят. Говорят, что нельзя такого держать рядом с собой. Мол, трон захватит.

— Абсолюты, — гость будто пробовал это слово на вкус. — Мыло такое есть. Бактерии, кстати, убивает вообще пачками. Короче, я приду. Только ты мне скинь геолокацию, лады?

— Хорошо, — ответил император, отмечая, что иногда вообще не понимает, что говорит его собеседник. — Тогда до встречи.

Магнус вскинул руку в прощальном жесте и вышел из кабинета. А на улицу из дворца он вышел уже в совершенно другой одежде, в которой было удобно и тепло передвигаться по заснеженным улицам.

— Абсолюты, — сказал он себе под нос и усмехнулся, — «Дуру» они максимум и то без ароматизатора.

Глава 12

Дед разбудил меня рано утром и молча показал сообщение от императора.

«Собери своего внука и привози в Кремль. Ситуация серьёзная, но я помогу, чем смогу».

— Понял, — сказал я, протирая глаза. — Через десять минут буду готов.

— А из-за чего это может быть? — спросил меня дед.

Он вместе с дядей Славой временно жил в нашей башне, пока в его шли восстановительные работы.

— Из-за того, что я Разумовского убил, — сказал я, вылезая из-под одеяла.

— Стоп! — сказал дед. — Но тогда бы он убил императора, всю его семью и ещё боги знают сколько народу.

— Всё так, — согласился я.

— Так, а от тебя чего хотят? — продолжал выпытывать он.

— А я Разумовского не по правилам убил, — ответил я, заходя в ванную комнату. — А используя секретные методики захватчиков из параллельных миров.

— Что за бред? — удивился дед.

— Я просто предположил, — ответил я. — Ну, сотворил кое-что с перепугу, но зачем вести меня на разбирательство, правда, не знаю.

Перед выходом я набрал Белле с подаренного ею телефона без прослушки.

— Белла, привет, — сказал я. — Меня всё-таки вызвали в Кремль, собираются разбирать на запчасти.

Она что-то ответила на итальянском, и, как я понял, это было не совсем цензурно.

— Я хочу, чтобы вы вместе с дедом были моими представителями на слушаниях, — проговорил я в трубку.

— Хорошо, — ответила бабушка. — Буду.

И отключилась.

Я посмотрел на деда.

— Я с тобой, — ответил он.

Ван Ли тоже поехал с нами в качестве свидетеля. Он достаточно беспечно смотрел в окно и иногда перебрасывался ничего не значащими фразочками с дедом. Из их разговора я понял, что знакомы они достаточно давно, но большими друзьями никогда не были.

Комната, в которой проходило слушание, выглядела, как вместительный зал суда. А вот народу тут было не очень много. В специально отведённом месте сидели двенадцать человек.

— Все абсолюты, — шепнул мне дед, — ну или на грани того.

Некоторых из них я знал. Тут были Громов-старший, Чернышёв, Белозёрский и Тарковский. Остальных видел впервые, хотя, наверняка, слышал их фамилии раньше.

Со мной, соответственно, сидели Белла, дед и Ван Ли. В ложе для VIP-персон расположились Варя и император рядом с каким-то типом в белом костюме с искрами. Самое интересное, что этот самый тип ободряюще мне улыбнулся и даже подмигнул.

Я решил не обращать пока на него особого внимания. Не то чтобы он мне не нравился. Скорее, я не чувствовал его. То есть обычно как: видишь человека и словно ощущаешь то пространство, которое он занимает, и силу, которая вокруг него распространяется. А тут — ничего подобного. Человек есть, но на его месте — зияющая пустота.

Отдельно от всех остальных сидели Илья Святославович Вяземский в качестве приглашённого эмпата и новый менталист, как мне снова шепнул дед.

Когда все собрались, император открыл заседание. После всех необходимых официальных

слов он сказал:

— Попрошу присутствующих не забывать, что Никита Александрович Державин спас от смерти мою дочь. А также, возможно, и меня позавчера вечером. Плюс мы совершенно не знаем, насколько больше погибло бы народу, если бы он не предпринял всё от него зависящее, чтобы устранить угрозу.

Некоторое время маги переговаривались друг с другом, а затем поднялся древний, но сильный ещё маг, ни имени, ни фамилии которого я не знал.

— Мы всё это понимаем, — сказал он. — Но закон есть закон, и он запрещает оставлять жизнь человеку, который подчинил сразу четыре стихии. Это опасный прецедент, который не имеет права на существование.

— Так меняйте законы, если они у вас такие дерьмовые, — совершенно внезапно высказался человек, сидящий рядом с императором.

И вот теперь я почувствовал. От него повеяло такой силой, что у меня аж закружилась голова. И он запросто скрывал её. А тут решил высказаться, ну и заодно показать, что его не стоит недооценивать. Эдакий предупреждающий оскал хищника.

Император склонился к нему и что-то сказал. Тот кивнул и также коротко ответил. Как я понял, монарх попросил его пока не высказываться до поры до времени, а тот согласился.

Уж не знаю, почему, но меня этот эпизод сильно позабавил и внушил определённый оптимизм.

— И всё-таки, — маг сделал вид, что не заметил выступления из императорской ложи, — перед тем, как приговорить Никиту Александровича Державина к смерти, мы хотели бы узнать, как он действовал. Так как некоторые техники не включают в себя владения стихийными магиями, но предполагают их краткое и малое использование. Никита Александрович, расскажите, а самое главное, покажите, пожалуйста, как вы устранили Разумовского Виталия Кирилловича.

Я поднялся со своего места и ещё раз осмотрел всех присутствующих.

— Я, к сожалению, не совсем понимаю, сути предъявляемых мне претензий, — проговорил я. — Но для того, чтобы отстоять своё честное имя, готов к сотрудничеству. Что я могу рассказать? Мой учитель Ван Ли, — я указал на мастера, — показал мне в своё время, как использовать подручные средства для усиления своей магии. Если кто-то не знает, скажу, что я — очень слабый маг, поэтому пытаюсь использовать любую возможность, чтобы стать хоть сколько-нибудь сильнее.

И тут я понял, что во рту у меня от этой речи пересохло. Я взял со стола стакан воды и отпил два больших глотка. Затем подумал и закрутил воду в стакане, перемешав её с маленьким смерчем.

— Вот что-то типа этого, — сказал я, показывая абсолютам стакан.

— Вы можете продемонстрировать нам полную версию? — поинтересовался у меня всё тот же пожилой маг. — Чтобы мы, так сказать, смогли воочию всё увидеть и оценить степень угрозы?

— Но так, наверное, не получится, — сказал я на это. — Там все компоненты вокруг меня летали.

Валерий Чернышёв молча встал со своего места, подошёл ко мне и положил на стол небольшой мешочек с землёй. Я высыпал её в стакан, а затем мой взгляд невольно упал на принцессу. В глазах у неё застыли слёзы. А я никак не мог взять в толк, почему.

Она сама спустилась ко мне и протянула огонёк на ладони. Я бережно добавил его в свой миниатюрный торнадо, который не превышал и двадцати сантиметров, и теперь у меня на ладони кружил вихрь состоящих из четырёх стихий. Правда, он не продержался и минуты, сойдя на нет и распавшись на составные части.

— Но это же совсем не то, что мы видели во дворце! — возмутился один из магов, которого я, кажется, как раз и не заметил позавчера.

— Вы уж извините, — сказал я. — Но там у меня близкий друг на руках умирал. Да и Разумовский пытался уйти. Да и самого меня каждую секунду до этого убить пытались. Думаю, в этом дело.

— Мне кажется, — заметил маг, — что это вообще к делу не относится. Но мы можем выслушать экспертов.

— Державин прав, — поднялся Илья Святославович. — Любая психотравмирующая ситуация может в разы увеличивать потенциал. Вы же видите перед нами двойка без малого. Он не способен творить такие вещи на постоянной основе. Только в критических ситуациях.

«Они чувствуют угрозу в тебе, — сказал Архос. — Поэтому попытаются уничтожить».

— Я бы хотел послушать его учителя, господина Ван Ли, — вмешался в процесс Чернышёв. — Мой сын весьма лестно отзывался о нём.

— Спасибо, — поднимаясь, сказал мастер из Поднебесной. — Вы абсолютно правы, — проговорил он, обращаясь к Вяземскому. — Главную роль сыграли в данном случае эмоции. Более того, в тот момент ещё произошёл всплеск развития. А вы, ваши сиятельства, должны знать, что это сильно, но на короткий срок поднимает возможности.

— Это так, — кивнул Чернышёв.

— Так вот, — продолжил Ван Ли. — На моих тренировках был опыт, когда два слабых мага временно повышали себе уровень за счёт того, что вызывали в себе сильные эмоции.

— Можно ли подробнее? — поинтересовался старый маг.

— Безусловно, — поклонился мастер. — Ко мне на тренировку пришли друзья Никиты Александровича Катерина Громова и Олег Чернышёв. Они как раз интересовались тем, как можно в моменте увеличить свою силу. Никита Александрович рассказал о своём опыте с Сахалинским торнадо. И тогда ребята решили усилиться за счёт страха.

— За счёт страха? — спросил Чернышёв. — Это как?

— Катерина Громова, к примеру, прыгнула в речку, так как выяснилось, что она не умеет плавать. И хоть захлебнуться она вряд ли смогла бы, но чисто человеческие рефлексy позволили ей испытать страх. А Олег Чернышёв, насколько я понимаю, ваш сын, — Валерий кивнул, — закопался в землю так же, как до этого его закапывали родные братья.

— Что! — Чернышёв даже побледнел.

— Олег Валерьевич ни в чём не виноват, — поспешил добавить Ван Ли.

— Мои эмоции не на его счёт, — буркнул Валерий Чернышёв.

— Семейные разборки, это, конечно, очень мило, — заметил грузный, похожий на кабана, маг. — Но мы хотели бы понять, как стал возможным вихрь, сплетённый из всех четырёх стихий, который ещё и смог развоплотить сильного мага.

— Я прошу прощения, — Ван Ли снова поклонился, и я узрел ту самую силу, которая влияет на людей, думающих, что им подчиняются, а на самом деле учитель гнул свою линию. Мне нужно поучиться у него в том числе и дипломатии. — Но, конечно же, ни о каком смешении стихий речи быть не может. Имеет место умелое использование всего того, что летало в тот момент под рукой. Ну и плюс ко всему, удержание вихря происходило не за счёт магии, а за счёт жизненных сил Никиты. Вы же знаете, что его потом ещё долго восстанавливали и приводили в чувства.

— Подтверждаю, — сказал со своего места император. — У меня медик потом недоумевал, как можно было себя настолько выжать.

— Это случалось и раньше, — продолжил Ван Ли. — На тренировках и на пожаре в рок-клубе, где он выносил на себе людей из огня. Как видите, последние два случая подтверждены медицинскими работниками. Так что полагаю, все обвинения в адрес Никиты Державина беспочвенны и преувеличены.

Мне хотелось аплодировать, но все остальные были не слишком радостно настроены. Немного странная, на мой взгляд, атмосфера повисла в зале.

— Разрешите сказать? — поднялся мужчина, сидевший рядом с императором.

— Говорите, — ответил старый маг и поморщился, ему явно не нравились искры, играющие на костюме мужчины.

— Всем привет, — сказал он, спускаясь из вип-ложи в центр зала ближе ко мне. — Меня зовут Магнус, у вас тут проездом. Я — старый друг вот этого... императора... хотя по мне, наверное, и не скажешь. Я хотел спросить у вас, господа присяжные-заседатели, что за фигня творится? Почему вы за каждый пук готовы людей казнить? Подождите, пока не отвечайте, я не договорил. Вот смотрите!

И он выставил вперёд ладонь, на которой завертелся маленький вихрь. Причём, в нём явно угадывались и огонь, и вода, и земля, и воздух. Магнус сделал несколько шагов по залу, демонстрируя всем смерчик на его ладони.

— И что? — спросил он. — Меня тоже казнить надо? Подождите! Секунду! — он подошёл к столу взял с него обычный карандаш и сунул закручивающуюся воронку.

Миг и от карандаша не осталось даже мимолётного воспоминания. Он попросту исчез в смерчике, развоплотился.

— И что это, по-вашему, смещение стихий? — продолжал Магнус. — Нет же, обычный фокус с воскресной ярмарки. Так, и что, казнить нельзя помиловать?

Пожилой маг закатил глаза. По всему было видно, что на него демонстрация не произвела должного впечатления.

— Уважаемый Магнус, — произнёс он без капли уважения, — мы понимаем, что вы — друг и консультант его императорского величества, лишь поэтому относимся к вам снисходительно. Вы поймите, во-первых, мы и собрались, чтобы разобраться, было ли нарушение закона или нет. А, во-вторых, если было, то казнить мы, естественно, будем не за демонстрацию каких-то смешанных торнадо, а только потому, что таковы законы.

— Опять двадцать пять, — теперь уже закатил глаза Магнус. — Вы хоть сами понимаете, что говорите? Закон то, закон это... Закон был создан для того, чтобы защищать, а не карать. В конце концов, сделайте исключение, а лучше, действительно, поменяйте эту норму закона. Поверьте, это будет лучше, чем лишать жизни ни в чём неповинных людей.

— Если потребуется, мы и вас казним, — не вставая, заявил со своего места свиноподобный маг. — Давайте переходить к сути.

— Казнилка не выросла, — нахально оскалился Магнус и выпустил силу.

Снова на некоторое время воцарилась тишина, которую так и хотелось назвать тревожной.

— Коллегия магов удаляется на совещание по данному вопросу, — сказал через добрых две минуты пожилой маг, которого остальные, кажется, решили сделать своим спикером.

А мне почему-то казалось это несправедливым. Тот же Вадим Громов, на мой взгляд, заслуживал куда большего пиетета, чем этот чванливый старик.

Объявили перерыв, и мы с дедом, Беллой и Ван Ли вышли в коридор.

*

Из вип-ложи был проход в шикарную комнату для отдыха императорской семьи и их друзей. Именно там монарх собрался выпить чашечку кофе, а Магнус, как заведённый, ходил вокруг него.

— Нет, ну это что такое? — говорил пришлый маг, наворачивая круги по ковру с высоким ворсом. — Он там что-то наколдовал, и мы его казним? Может, у мальчика талант, а? А они его под нож. Понятно, почему у вас прогресс такой слабый, потому что ретрограды вы все.

— Да я-то понимаю, — ответил император. — Да только сделать немного могу. Собрание двенадцати абсолютов и близких к этому магов — это исторически очень сильный орган. Как они решат, так и будет. Я смогу вмешаться, если только у них возникнут разногласия между собой.

— И как у вас это... убивают? Пуля в затылок? Электрический стул? Отравы? Магическое воздействие? — спросил Магнус.

— Не убивают, а казнят, — поправил его император, но гость только отмахнулся, мол, это одно и то же. — Тебе-то зачем эта информация?

— Да паренёк шибко одарённый. Жаль будет, если его в расход пустят, — сказал на это пришлый маг.

— То есть, он на самом деле смог смешать стихии в одном смерче? — император поднял бровь.

— Я такого не говорил, — тут же отреагировал Магнус. — Тем более, тебе должно быть видней. Ты там был, не я.

— Ладно, — махнул рукой монарх. — Чего хотел-то, говори уже.

— Если его приговорят, то давай инсценируем его казнь, и я парнишку с собой заберу, а? — попросил Магнус. — Обещаю, что в этом мире он больше не появится. По крайней мере, при вашей жизни.

— Да ты чего? — у императора даже глаза от такой наглости расширились. — Совсем оборзел! — он даже перешёл на подобие речи своего гостя.

— Не, ну а что такого? — маг в костюме с переливающимися искорками сделал невинное лицо. — Допустим, ты видишь, что кто-то хочет выбросить огромный и невероятно ценный бриллиант на свалку, что ты сделаешь?

— Попрошу... а, понял тебя, — император тяжело вздохнул. — Только так, чтобы все поверили, что он умер, даже я, хорошо?

— Идёт, друг, — Магнус улыбнулся. — А то я давно ученика присматриваю, но, как назло,

не было подходящей кандидатуры.

Император покачал головой, не веря, что он идёт на преступление.

— Погоди, может, ещё обойдётся, — император сам не верил в то, что говорил.

— Как же, его ещё со входа приговорили. Фикция, а не разбирательство. Проредил бы я ряды твоих абсолютов, да ты потом жаловаться будешь, что оставил тебя с голой задницей против врагов.

*

Нас завели в небольшую комнату с прекрасной обстановкой, но без окон. Тут я окончательно понял, что статус мой, хоть и временно, но изменился. Жалел ли я о содеянном? Ни в коем случае! Не поступи я так, как поступил, жертв было бы куда больше, это раз. Валя, скорее всего, погибла бы, это два. И Разумовский от нас не отстал бы, это три.

Дед сел рядом со мной, негромко заговорил.

— Давай, прикинем шансы уйти отсюда также, как пришли, — сказал он.

— Давай, — согласился я. — А они есть?

— Обижаешь, — ответил дед. — Неужели ты думаешь, что я пушу такое дело на самотёк? Было бы это дело гражданское, я бы вызвал Минца, и дело с концом. Он — такая акула, что любую щуку юриспруденции перемелет и не почувствует. Но, к сожалению, нынешнее дело не в его юрисдикции. Что ж, будем думать сами.

— Я там из всех четверых знаю, — сказал я. — И то лишь в одном уверен, что он за меня.

— А вот это зря, — дед пытался говорить как можно тише, на случай прослушки, которая тут неминуемо была, но вряд ли могла сильно повлиять на результаты совещания магов-абсолютов. — Вадим, само собой, за тебя. Но есть информация, что Белозёрский и Тарковский — тоже.

— Ничего себе, — сказал я. — Я там их мутузил, образно говоря, а они за меня?

— В том-то и дело, что мутузил, — ответил дед, ехидно улыбаясь. — Но они же под ментальным воздействием были! А ты фактически исполнял их собственную работу. И спас тем самым императора. Так что этих двоих запиши себе в актив. Итого — трое.

— Из двенадцати — самое то, — сказал я. — Шансы уже не нулевые.

— Да ты не ёрничай. Смотри, наблюдай, запоминай, кто за тебя, кто против, — проговорил дед и задумался, оценивая шансы дальше. — Ещё есть Горчаков, — сказал он чуть погодя. — Мы с ним общались мало, но мнение у меня о нём сложилось неплохое. Запишем его в нейтралы. Дальше Шуйский — председатель комиссии, массивный, немного похожий на

кабанчика — Карякин, Тихоцкий, что возмущался твоим поведением, — этих троих сразу можно записать в обвинительную когорту. Ты им не нравишься, и они этого не скрывают. Скорей всего, потому, что ты молод и у тебя вся жизнь впереди, а они уже — всё.

— Итого три-три и один в неизвестности, — подытожил я.

— Сразу же в недоброжелатели записывай Орлова. И дело даже не в том, что ты его сыну перешёл дорогу с принцессой или после свадьбы он не в фаворе у императора, а потому что вражда наших родов конкурентная, хочу заметить, длится уж лет триста, если не больше. Из последнего: я у него из-под носа увёл министерское кресло и заказ для твоего отца на ветряки.

— Отлично, — с сарказмом заметил я. — Тебе пора писать книгу: «Как завести друзей».

— Это всё мелочи, — усмехнулся дед моей подколке. — Вот только теперь у него появился шанс отыграться за все неудачи.

— Осталось четверо, — сказал я. — И среди них Чернышёв.

— Пу-пу-пу, — задумчиво проговорил дед. — Валерию очень не понравилась история с Олегом, но не думаю, что из-за этого он станет тебя топить. Видишь ли, это очень прагматичный человек, поэтому из каких соображений он будет исходить, принимая решение, я точно не знаю, но надеюсь на его разумность.

— Трое, — резюмировал я.

— Пашков, Кошкин и Еремеев, — выдал дед из памяти. — Ничего ни о ком сказать не могу, не пересекался. Репутация у всех нормальная, так что тут, полагаю, на какую сторону их мнение склонят, на ту чашу весов они свой голос и положат. В принципе, им всё равно, так что будем надеяться, что они встанут на твою сторону.

— А они могут воздержаться? — спросил я.

— Могут, но только не в таком серьёзном вопросе. Тут каждый будет обязан ответить, да или нет, — дед помнил все процессуальные правила наизусть.

— А если голосов будет поровну? — не отставал я.

— Тогда вступит в силу право голоса императора. Но на него бы я особо не рассчитывал бы, — ответил он.

— Это ещё почему! — возмутился я, и дед на меня цыкнул, поэтому продолжил я уже тише: — Я ему жизнь спас, да и дочери. И вообще...

— Когда речь идёт о большой политике, к сожалению, это не играет такой роли, как в обычной жизни, — он встал, посмотрел на Беллу и Ван Ли, которые сидели на почтительном расстоянии, а затем повернулся снова ко мне. — Но ты не переживай, если

что, мы тут.

Я не понял, к чему последняя фраза, но особо и не переживал. Любые проблемы я привык решать по мере их возникновения.

*

Заседание возобновилось со слов императора.

— Уважаемые члены комиссии, — обратился он к сидящим отдельно абсолютам. — Я попрошу каждого из вас проголосовать. «За» казнь или «против» казни, а значит, за сохранение жизни Никите Александровичу Державину, как рьяному защитнику императорской семьи, — все заметили последнюю оговорку монарха, и, как мне показалось, она сделала только хуже. — Но каждого я также обязываю обосновать своё мнение, чтобы оно не было слишком уж легковесным. А пока вы готовите свои речи, прошу высказаться Илью Вяземского и Андрея Блока. Так же, полагаю, никто не будет возражать, если выскажется моя дочь.

Первым взял слово Вяземский. Он единственный, кто продолжал сидеть, пока говорил, так как встать, судя по всему, он не мог.

— Скажу коротко, — сказал он. — Меня не связывают тёплые и длительные отношения с домом Державиных, однако в какой-то момент Никита Александрович спас моего внука. От позора точно, а, возможно, и от чего-то более серьёзного. Прошу это учитывать при вынесении своего приговора. Что по остальному, ни на кого из присутствующих в этом зале ментально не воздействуют. У меня всё.

Следом встал новый менталист Блок.

— Ментальных воздействий не обнаружено, как и закладок на конкретные действия, — отчеканил он и сел.

Слово взяла Варвара.

— Я просто хочу сказать, что Никита Александрович неоднократно спасал мою жизнь и выручал в трудных ситуациях, — сказала она ни разу не дрогнувшим голосом. — Поэтому могу сказать, что он не несёт опасности. И могу поручиться за него.

По залу прошли шепотки. Но, как и в случае с императором, я не был уверен, что это выступление пошло мне на пользу.

Дед от выступления отказался. Он сказал, что все и так понимают, что он будет за внука. Зачем лишний повод перемывать потом кости? В целом, я его позицию разделял. Вообще он мне казался оплотом здравого смысла в сложившейся ситуации.

Оказалось, что я его недооценивал. И сильно.

Первым из магов-абсолютов встал старый маг Шуйский.

— Общего мнения нам достичь не удалось, — сразу сказал он. — Поэтому голосовать мы будем сейчас. Я, как уже сказал, голосую «за» казнь, так как в сложившихся обстоятельствах умение смешивать стихии полагаю опасным для государства. Все мнения я услышал и вижу, как в них вместо здравого смысла говорят эмоции. Закон велит предать Никиту Александровича смерти. И я, как человек консервативной закалки, выбираю главенство закона над людьми.

— Ноль — один, — сказал я, решив считать тех, кто за меня первыми, а тех, кто против, вторыми.

Следующим слово взял Вадим Громов.

— Я против казни и за жизнь, — сказал он. — Не знаю уж, когда у нас стало считаться консервативным истреблять хороших людей, я в таком случае слишком молод для такого. Друзья, мы все друг друга знаем не один год! Давайте не творить фарс. Никита — отличный парень, не раз доказавший, что верен своему отечеству и роду. У меня всё! — и он с некой даже озлобленностью сел обратно.

И вот тогда я понял, что не всё идёт так, как он хотел бы.

Третьим встал Горчаков.

— Возможно, многие знают, что в моём роду не так давно случилось несчастье. Мой юный племянник до инициации подавал огромные надежды. Чего уж теперь скрывать, он должен был стать сильнее меня. Но во время инициации что-то пошло не так. Сначала он оказался нулевиком, а затем очень быстро умер от истощения магических сил. Если не понимаете, к чему это всё, сейчас объясню. Случай моего рода не единственный. Очень много молодых людей гибнет по неизвестным причинам. Обратитесь к статистике, и вы обомлеете. Очень скоро получится так, что вас некому будет сменять. А вы хотите здоровых и полных сил убивать. Побойтесь богов! И отпустите юношу домой. Магия у них смешалась против закона, тьфу!

— Два — один, — сказал я сам себе.

Но дальше встал Карякин, сходный с боровом. Даже нос был слегка пяточком. И, как я понял, он даже гордился своей внешностью, иначе давно уже привёл бы себя в порядок.

— Казнить однозначно, — высказался он. — Просто посмотрите, какую смуту он вносит в общество одним своим появлением. А, если посмотреть в будущее, будет видно, что он станет гораздо страшнее Разумовского и всех ему подобных. Зачистить проблему до её появления — таков мой девиз, — закончил он и тяжело бухнулся обратно в кресло.

— Два — два.

Затем сразу трое высказались против меня. И у всех примерно одно и то же было: мол,

человек, может, и хороший, но закон есть закон и вообще. Больше всех порадовал Анатолий Еремеев, который сказал примерно следующее:

— Если закон менять под каждого положительного человека, то смысл в таком законе сам собой отпадает. Все сразу станут «хорошенькими», и ни на кого управу не найдёшь. Мы казним не конкретного человека, мы даём урок другим, так было во все времена и так будет впредь.

«Класс! — поделился я с Архосом. — Если стану императором, возьму его к себе пресс-секретарём. Так мелет, что даже я заслушался».

«А я б его сослал бы на какие-нибудь рудники, — сказал тот. — Но перед тем в гипофиз покусал бы».

Я бы сейчас тоже кого-нибудь с удовольствием покусал бы, но что делать?

Тревога внутри начала подниматься и затапливать моё естество. А вот это уже плохо. Это значит, что всё может пойти не так, как надо.

Я глянул на деда, тот сидел с каменным лицом.

Дальше выступали друг за другом Тарковский и Белозёрский. Говорили они примерно одно и то же, поэтому приведу лишь одну речь.

— Если бы не он, погибли бы мы, погиб бы император, в империи сейчас царил бы хаос. Молодой человек нашёл в себе силы противостоять нам, магам-абсолютам, поэтому мы против казни.

— Четыре — пять.

Оставалось ещё трое. Кошкин, Чернышёв и Орлов, который точно был против меня. А значит, любой из оставшихся двоих, кто выскажется за казнь, решит мою судьбу.

И вдруг я услышал, как громко бьётся моё сердце, а во рту немного пересохло. Вот те на, я что, волнуюсь? И ощущение тревоги просто через край.

Встал Кошкин.

— Уважаемые дамы и господа, — сказал он нарочито растягивая буквы, словно натуральный кот. — Я долго раздумывал над ситуацией, так как она очень непроста. И хотел бы, чтобы всё решилось мирным путём. Вот только почему-то выступавшие до меня забывают одно интересное обстоятельство, — я всё ждал, пока этот тип мяукнет. — Что наш с вами Никита Александрович в одиночку одолел мага, с которым не смогли справиться четыре абсолюта, — он указал на Тарковского и Белозёрского. — Ладно, трое, так как Орлов отсутствовал. И скажите мне вот что, остановился кто-нибудь из вас от захвата власти, имея такую силу? Притом, что показывает Никита Александрович лишь второй уровень. Закрадываются вопросы, не так ли? И поскольку ответов на все эти вопросы мы не слышали, полагаю за

лучшее расстаться с этим молодым человеком, чтобы потом не просыпаться по ночам в холодном поту.

— Четыре — шесть, — сказал я. — И Кошкина явно недогладили.

— Короче, так, — шепнул мне дед, пока садился Кошкин и вставал Чернышёв. — Я сунул тебе в карман два артефакта последнего дня. Один из них полностью вырубает магию у всех в радиусе нескольких десятков метров. Воспользуйся им правильно. Второй — тяжёлая артиллерия. Не оставит в живых никого из преследователей.

— Дед! — я шипел ему в самое ухо. — Ты чего! Зачем!

— Даже если Чернышёв наш, Орлов точно против. А я своего внука на растерзание шакалам не отдам! Будем прорываться. Ты уходишь с Беллой и Ван Ли, я с ними всё обговорил. Тем более Ван Ли и без магии хорошо сражается. Доберёшься к себе в башню, сядешь в метро и наберёшь убежище тридцать три. Ты понял?

— Дед, а ты?

— А я, — злобно усмехнулся Игорь Всеволодович, — умер ещё позавчера утром.

ОТ АВТОРОВ:

Друзья, дальше произведение станет платным. Если кто-то из-за этого нас покинет, мы все равно благодарны, что вы уделили время нашей истории. А для тех, кто остаётся с нами, сообщаем, что впереди ещё много интересного! Интриги, загадки, войны и и конечно же рост героя и его друзей!

И помните, что комментарии, лайки и наградки очень мотивируют писать авторов больше и выкладываться регулярно! Мы вас любим!

Глава 13

Валерий Чернышёв стоял перед сложным выбором. С одной стороны, большая часть его коллег была настроена против Державина. По правде сказать, ему и самому не особо нравился этот выскочка, постоянно попадающий в какие-то передраги. Но убивать за это?

К тому же его сын стал значительно жестче с тех пор, как начал общаться с Державиным. Это хорошо, это показатель. Но недостаточно веская причина, чтобы проголосовать против казни.

Валерий решил продумать оба варианта до какого-то логического дна.

Первый — Никиту Державина казнят. Ничего не изменится. Всё будет идти своим чередом, и он — Валерий Чернышёв, скорее всего, отдаст свою жизнь за императора в какой-нибудь из следующих заварушек. А то, что они теперь будут регулярно, он не сомневался.

Разумовский — лишь первая ласточка. И надо быть дураком, чтобы не понимать этого.

А вот, если Державина оставить в живых. Тут вырисовываются достаточно интересные перспективы. Во-первых, принцесса чуть ли не прямым текстом дала понять, что Никита ей не безразличен. А это что значит? А это значит, что Никита Александрович Державин вполне может стать консорт-императором. И, если у него в друзьях будет Олег Чернышёв, то и весь род станет куда более значимым, чем сейчас.

Подземелья Москвы — это, конечно, хорошо, но нужно иметь и связи.

Он ещё некоторое время прикидывал варианты и решил, что, даже если Никиту казнят, а он проголосует за него, лично для Валерия никакой трагедии не случится. Вся его команда, кроме Орлова, уже проголосовала против казни. Что ж, будет выглядеть, как солидарность.

Таким совершенно прагматическим образом Чернышёв пришёл к своему решению. Конечно, когда он поднялся, чтобы сказать свою речь, он говорил совершенно другое.

*

— Тех, кто голосует против казни, — сказал Валерий Чернышёв, поднявшись, — обвиняют в излишних эмоциях. Но я позволю себе не согласиться. Эмоции как раз заставляют выбрасывать из машины тормоза сразу после того, как они предотвратили аварию, — он осмотрел всех присутствующих. — Я против казни и за жизнь.

— Пять — шесть, — сказал я.

— Это уже ничего не значит, — шепнул мне дед, и я обратил внимание на то, что он весь сжат, словно пружина. — Сейчас, как только Орлов скажет, начинаем действовать. Ты готов?

— Да, — ответил я.

А по позам Беллы и Ван Ли я увидел, что они тоже готовы.

Затем я взглянул на человека, представившегося Магнусом. Он внимательно смотрел на меня и подбадривающе, как мне показалось, усмехался.

«Ты знаешь, — сказал мне внезапно Архос. — Мне кажется, он меня видит».

«Ого, — я растерялся. — Откуда ты знаешь».

«Чувствую».

*

Двумя днями раньше.

Орлов приехал в Царицыно, когда всё уже было кончено. Он специально попросил водителя не торопиться, чтобы по возможности всё произошло без него. Так оно и вышло.

Значит, нужно было идти на поклон к императору. Ну это, как раз не страшно. Все необходимые аспекты своего «похищения» он предусмотрел. Все, кто знал, что он — предатель, мертвы, кроме одного.

Михаил Николаевич с грустью посмотрел на своего водителя. Если была бы хоть минимальная возможность оставить его в живых и быть уверенным, что от него информация не утечёт в СБ. Но, к сожалению, такой уверенности не было.

— Спасибо, — сказал Орлов и создал совсем небольшой пузырьёк воздуха в мозгу у водителя.

Смерть в таких случаях всегда бывала быстрой и безболезненной. Так получилось и сейчас. Придётся говорить, что бедняга работал на предателя. Но что делать, что делать. Всегда лучше пожертвовать жизнью простолюдина, чем страдать аристократу.

Сделав несколько звонков, Михаил Николаевич был примерно в курсе развернувшихся событий. Это было невероятно, но Разумовского устранил мальчишка. Никита Державин, которого он считал мёртвым вместе со всем его родом.

Поразительно, конечно. Вот только парнишке тоже грозил приговор. Не любят у нас выскочек, ой не любят.

«Так, — подумал Орлов, — доказательств моей причастности к подрыву Державиных нет, это точно. Никакие документы я, слава Стрибогу, не подписывал, никаких договоров не заключал. Разумовский мне обещал, конечно, министерское кресло и активы, но кто ж об этом теперь вспомнит? Что ж, нужно ещё раз подчистить все хвосты, если таковые найдутся. А потом...»

Он даже улыбнулся плотоядной улыбкой. И поглубже вдохнул морозный воздух.

«Не получилось тебя убить, Игорёк, и ладно. А как ты передо мной запляшешь, когда я твоего внука спасу?»

*

Михаил Николаевич Орлов, выступавший последним, был крайне собран и весьма серьёзен.

— Приветствую всех собравшихся, — проговорил он. — Понимаю, что мой голос может изменить ситуацию, поэтому долго и нудно драматизировать не хочу. Однако должен заметить, что все знают о длительной антипатии между нашими с Державиным родами. Логично будет предположить, какой выбор я сделаю. И, полагаю, что многие в этом зале уже всё за меня решили. Но, друзья, во-первых, позавчера я допустил серьёзный промах и дал поймать себя в ловушку. А, во-вторых, вот этот самый молодой человек, сидящий перед вами, в то же время выполнял мою, слышите это? — мою! работу.

В зале все притихли. Судя по всему, назревал неожиданный поворот, к которому никто из собравшихся готов не был.

— Игорь Всеволодович, — он перевёл пристальный взгляд на деда, а тот аж вздрогнул от неожиданности, потому что был напряжён вплоть до самой мельчайшей мышцы и самого незначительного магического канала. — Можете считать это жестом доброй воли и знаком к перемирию, в какой-то мере это так и есть. Но! Самое главное, хочу, чтобы все понимали, что я оценивал поступок не Державина, а патриота своего отечества! Я голосую против казни и за жизнь этого молодого человека!

Раздались аплодисменты, заглушившие скрежет зубов меньшей половины.

— Шесть — шесть, — сказал я довольно громко, чтобы дед услышал. — Ты говорил, что в этом случае решает император?

— С удовольствием послушаю, — так и не расслабившись ответил дед. — Но будь готов. Он может пойти на поводу у законников. Если что, сразу пригибаешься и идёшь за Ван Ли. Магии не будет, предупреждаю сразу. За дверями охрана, но Ван Ли её вынесет на раз. Абсолюты замешкаются, да и без магии мало что смогут. Будь готов, одним словом.

*

Когда император понял, что решение вопроса с Державиным скинули на него, он, конечно, не порадовался. Ему вообще весь этот процесс доставлял одни только неудобства. Он за него уже успел проклясть всех. И Разумовского, и Державиных, причём всех, и даже Магнуса.

Бросив взгляд на дочь, монарх заметил, как из-под её стула медленно ползут тонкие струйки дыма. Только бесконтролки ему сейчас и не хватало. Хотя вряд ли это была бесконтролка.

Он тяжело вздохнул. Народ в зале ждал его решения. Ждал терпеливо и с надеждой.

‘Я практически всю свою жизнь бегаю от ответственности, — подумал император. — Не все, конечно, но какие-то судьбоносные решения мне принимать не нравится. И что из этого получается? Их за меня пытаются принять другие, но в своих личных интересах, а не в интересах империи.

Что будет, если я казню Державина? Я ополчу на себя род, который помог мне выстоять в сложнейшей битве. Я настрою против себя дочь, а, скорей всего, и обеих. Я в очередной раз уйду от ответственности, пойду на поводу у других.

Что случится, если я его отпущу? Он захватит трон? Да Сварог с ним, он же и так на него сядет рано или поздно в качестве консорт-императора, зачем ему торопить события? В меня будут плевать ядом Шуйский и сотоварищи. Пусть плюются. Могу я себе, наконец, признаться, что я решаю убивать или нет человека, который, не задумываясь, спас мою жизнь? Могу’.

Император ещё раз тяжело вздохнул и пригнулся к микрофону.

— Не буду оригинальным, — сказал он. — Полностью поддерживаю Вадима Громова: хватит заниматься фарсом. Никита Державин и сопровождающие, кроме Игоря

Всеволодовича, свободны, все остальные со мной на совещание. Да, Магнус, ты тоже пока свободен. И не скрипите зубами, пломбы нынче дорогие.

— Я не могу терпеть это беззаконие! — тут же поднялся Шуйский. — Поэтому я навсегда покидаю свой пост в собрании.

— Дайте ему кто-нибудь глобус, — сказал на это Магнус.

— Зачем? — повернулся к нему император.

— Пусть идёт с миром.

*

— И что это было? — император оглядел подчинённых.

Были тут одиннадцать оставшихся магов-абсолютов и Вяземский, Блок, Державин и Варвара.

— Я вот вас конкретно спрашиваю, — император указал на тех, кто голосовал за казнь Никиты. — Это что за истерия? Что за средневековье? Я вот обещаю, что буду некоторые законы теперь пересматривать.

— Предписано действовать таким образом, — проговорил Карякин, оставшийся всё столь же безмятежным. — Будут другие законы, будем действовать иначе.

— Да вы не понимаете! — взорвался монарх. — У нас до сих пор не выработана официальная версия случившегося, а вы тут кровь молодую норовите выпить. Разочаровали, право слово.

— Дык, мы и не червонец, — ответил Карякин. — Нас спросили, мы ответили.

— А кто инициировал всё это разбирательство? — спросил император. — Мне Шуйский ночью уже позвонил, говорит, беспорядок, нужно срочно разбираться, а то нормы попорчены, и вот-вот собор законности рухнет. Кто инициировал? Признавайтесь!

Все пожали плечами, не понимая, чего от них хотят. Но дело в том, что никто никогда и не должен был узнать инициатора этого процесса, ибо разыгран он был чётко, как по нотам.

— Значит так, — устало сказал император. — Давайте думать.

— А конкретнее? — поинтересовался Тарковский. — О чём думать?

— Кто виноват и что делать, — ответил Ярослав Иванович и не смог сдержать улыбки. — Вопросы из века в век одни и те же. Нам нужно назначить виноватого.

— Но ведь Разумовский... — начал было Еремеев.

— Так, сор из избы не выносим, — сурово сказал император. — Я из себя посмешище делать не позволю!

— Но почему посмешище? — смутился маг.

— Да потому что меня и соседи все засмеют, если узнают, что меня чуть собственный бывший безопасник не убил. Да и народ будет анекдоты слагать. Нет! — монарх прошёлся несколько раз по залу, что был сильно меньше предыдущего. — Давайте так: во всём виноваты иноагенты. Финансируемые из-за рубежа они раскачивали лодку. Нанимали всяческих анархистов и просто продажную чернь, чтобы те выполняли подрывную деятельность.

— Но ведь всё это уже было неоднократно, — сказал Громов. — Не подумает ли, народ, что мы его дурим?

— Что подумает народ, мы решим сами, — ответил на это император. — У меня этим целый отдел занимается. Это они мне говорят, чем проще и тупее, тем лучше. Проглотить легче.

— Как считает нужным, конечно, — пожал плечами Вадим Давыдович. — А откуда тогда такие жертвы и разрушения в Царицыно? Анархисты с зажигательной смесью такого не добьются.

— Не знаю, — развёл руками Ярослав Иванович. — Думайте.

— Маг-наёмник, — проговорил со своего места Карякин. — Сильный маг-наёмник из-за рубежа, увешанный артефактами.

— Вот это хорошо, — сказал император. — Как рабочая версия — очень даже ничего.

— И его проморгала вся наша безопасность с разведкой вместе? — удивился Кошкин, который как раз и отвечал за разведку. — Я в корне не согласен. Разведка должна работать, как часы. Собственно, так она и работает.

— А в каком случае могут пропустить груз без досмотра? — поинтересовался у Кошкина Еремеев. — Или такое, в принципе, исключено?

— За последние десять лет ни одного случая, — сказал Кошкин. — Но, конечно, возможность такая присутствует. Например, если нарушителем будет сильный менталист...

— Менталист, точно! — кивнул император. — Зачем выдумывать велосипед? Пусть будет менталист, только не наш, а их. А Разумовский ему противостоял до самого конца и отдал свою жизнь, защищая императора и его подданных. Как вам черновая запись?

— Вы хотите оправдать Разумовского в глазах общественности? — удивился Державин. — Мне казалось, мы должны предать забвению его имя, как минимум.

— Игорь Всеволодович, да я бы с удовольствием, дорогой мой, — проговорил император. —

Только вот я же не о нём забочусь. Я о нас с вами забочусь, чтобы наша беспечность не вылезла наружу. И желательно, чтобы никогда больше не повторилась.

— Про нас что будет в официальной версии? — спросил Державин.

— Что сработали приманкой, чтобы вывести на засланного мага. Приняли удар на себя и таким образом помогли изобличить преступника. Одним словом, правду, только правду и ничего, кроме правды. Но не всю и не до конца.

— Понятно, — криво усмехнулся Державин. — С ремонтом-то хоть поможете?

— Конечно, дорогой, конечно, — ответил император, а затем обратился к собравшимся: — Давайте сейчас оставшиеся идеи соберём, а потом мой отдел связи с общественностью слепит из этого что-то удобоваримое.

В этот момент у него на телефон пришло сообщение, и он решил прочитать его вслух.

— Пришёл в себя Сергей Скуратов. Утверждает, что не помнит последние два года. То есть всю службу под началом Разумовского.

*

Когда я ехал домой, меня никак не отпускало чувство тревожности. Я был напряжён и никак не мог расслабиться. Беллу, как я видел, тоже иногда колотила нервная дрожь. Только Ван Ли смотрел в окно так, словно ничего не случилось.

— Не отпускает? — спросил я Беллу.

Та молча покачала головой. Затем она покрутила кольцо на пальце левой руки.

— Перепугалась я за тебя, — сказала она. — Они же тебя реально убить хотели. Повезло, что не пришлось тебя прятать.

— Поэтому теперь после всего этого я хочу отдохнуть.

— В Крым? — улыбнулась бабушка.

— Нет, — ответил я. — Пока нет. Хочу собрать весь свой курс и ещё кой-кого и закатить грандиозную пьянку.

— А где, не решил ещё? — с хитрым прищуром спросила Белла.

— Представляешь, вообще об этом пока не думал, — усмехнулся я.

— В таком случае, предлагаю рассмотреть к уничтожению мой особняк на Патриарших.

— Ого! — я был впечатлён. — Было бы круто. А ты?

— А что я? — натурально удивилась бабушка. — За юную не сойду? Да и вообще мне надо иногда пить кровь молодых парней, чтобы сохранять молодость.

Я посмотрел на неё. Она — на меня. А затем мы вместе рассмеялись удачной шутке.

*

Магнус сидел перед телевизором в углу своего излюбленного бара. Такой был в каждом мире, где он останавливался. И всегда там был угол с телевизором. А по телевизору, как правило, показывали новости.

— Итак, — говорил корреспондент — мужчина лет тридцати пяти, — нам наконец-то озвучили официальную версию произошедшего позавчера в усадьбе Царицыно.

Организованная группа анархистов, обученная за рубежом под прикрытием зарубежных наёмных магов-абсолютов, совершила прорыв в место празднования свадьбы. Целью была императорская семья и сам отец-император. Бывший начальник службы собственной безопасности героически ценой собственной жизни...

— Наконец-то ты поумнел, приятель, — сказал Магнус и выпил поднесённую ему рюмку.

Глава 14

Поняв, что утро в самом разгаре, а я ещё жив, решил спланировать сегодняшний день. Со всеми этими безумными событиями последних дней я совершенно забыл про вверенный в мои руки завод и академию магии, где последний раз появлялся примерно перед своим отъездом в Крым, который, кажется, был в другой жизни.

Вернувшись домой, переоделся и узнал расписание пар на сегодня. Мне вполне удавалось успеть ко второй. И плюс к этому занятий из второго триместра я пропустил всего-то дня два. Чудеса, да и только.

Перед выходом позвонил Михалычу. После того, как он взял трубку, ещё некоторое время я слышал только гул голосов на заднем плане. Затем исполнительный директор прокашлялся и, скорее, спросил, чем сказал:

— Алё?

— Михалыч, — сказал я. — Привет. Ты чего меня из телефонной книжки удалил?

— Так ведь это... — он был явно рад меня слышать, но всё ещё боролся с собой. — Думали, что нет уже вас всех в живых. Ездили даже на дом ваш взорванный смотреть.

— Михалыч, — проговорил я, несколько опешив, — уже второй день по телевизору крутят новости о нашем чудесном воскрешении. До вас там совсем слухи не доходят?

— Да не то что бы, — ответил старик. — Но телевизору мы не верим. Нам-то напрямую никто не позвонил, не уведомил.

— За это извините, — сказал я. — Совсем замотался, забыл предупредить.

— Понятно, — ответил Михалыч. — То есть, получается, портреты с проходной снимать?

— Какие ещё портреты? — не понял я.

— Так ваши же, с чёрной лентой наискосок. Тамара с пятого цеха делала, как хорошо получились, как живые, — проговорил он, и Архос у меня в голове хмыкнул.

— Так, стоп! Мы и есть все живые! — ответил я, не понимая, прикалывается надо мной исполнительный директор или нет. — Так что портреты снимайте. Всех, кроме Ростислава. Он, к сожалению, уже не воскреснет.

Я прислушался к своим мыслям и понял, что действительно сожалею об утрате кузена. Хоть он и был редкостной сволочью, но из рода Державиных.

— Хорошо, — ответил Михалыч, и я услышал улыбку, значит, всё-таки решил посмеяться. Что ж, это даже неплохо в каком-то смысле. — А то мы тут стараемся, стараемся, образцово-показательное предприятие готовим, а хозяева, хлоп, и помёрли. Непорядок.

— Образцово-показательное, говорите? — проговорил я. — Ну тогда и правда стоило воскресать из мёртвых. Неужели все цеха запустили?

— Да, — с гордостью ответил Михалыч. — В двух ещё, конечно, требуется изрядная доработка, но вот в трёх всё буквально с иголочки.

— То есть я даже могу деда с инспекцией пригласить, чтобы показать ему, куда его деньги ушли? — спросил я.

— Они не ушли, — ответил Михалыч. — Они работают и приносят ещё большие деньги. Через пару месяцев мы планируем стать вашим передовым заводом.

— О как! — сказал я. — И это вместо закрытия.

— Почитай вы завод и спасли, — проговорил Михалыч. — Так что зовите Игоря Всеволодовича. Стыдно вам не будет.

— Спасибо, конечно, — я уже сам с нетерпением хотел попасть на завод, чтобы посмотреть, как там всё изменилось. — Но и вы причастны к спасению предприятия. Будет вам премия к Новому году.

— Благодарствую, — рассмеялся старик. — Когда вас ждать?

— Сегодня или завтра. Как у деда свободное время будет, — ответил я.

— Мы хоть сейчас готовы, — сказал Михалыч. — Чай, не на показ работаем.

Закончив разговор с исполнительным директором вверенного мне в управление завода, я решил не откладывать в долгий ящик и набрал деда. Он ответил почти сразу, но голос его был напряжённый и уставший.

— Что-то случилось? — спросил он с удручающей безысходностью в голосе.

— Нет, хвала Стрибогу, — ответил я. — У тебя какие планы на вторую половину дня?

— Вообще-то я хотел напиться, — честно ответил дед. — Потому что меня откровенно вымотали последние дни.

— Понимаю, — ответил я, а у самого в памяти встали кадры посечённого взрывом небоскрёба. — Но у меня есть к тебе альтернативное предложение.

— Готов выслушать, — ответил дед.

— Я сейчас звонил на завод, они приглашают посмотреть, как там всё цветёт и пахнет. Сказали, образцово-показательное предприятие. Съездим, посмотрим? Может, настроение улучшится? — я понимал, что говорю немного сумбурно, но тоже ещё не до конца отошёл от утреннего происшествия.

— А я «за», — ответил дед. — Мне действительно не хватает хороших новостей и эмоций. Когда поедим? Сейчас?

— Нет, сейчас мне нужно съездить в академию, — сказал я. — Я же ещё студент ко всему прочему. А как пары закончатся, так сразу наберу.

— Ты сам-то собираешься как-нибудь расслабляться? — спросил дед.

— Да, — с оттяжкой выдал я. — Вечером еду к Белле. Вероятно, с кем-то с курса.

— Отлично, — одобрил Державин-старший. — После такого напряжения мозги надлежит проветривать, чтобы не свихнуться.

*

В аудитории меня встретили гробовым молчанием, из чего я сделал вывод, что слухи о моей смерти расходились с куда большей скоростью, чем слухи о моём воскрешении.

Первым оттаял Никифор Владимирович.

— А мы вас уже отчислили, — сказал он, глядя мне в глаза. — Посмертно.

— Обратнo-то зачислите? — спросил я. — В связи с воскрешением?

— Причина, конечно, уважительная, — проговорил Никифор, и тут я услышал смешки за своей спиной. — Но, к сожалению, это возможно только за подписью некроманта. Имеется?

Тут уже не выдержали Кропоткин и Громова и засмеялись в голос. Я всегда подозревал, что у нашего преподавателя имеется чувство юмора, но чтобы так меня разыграть?

— Проходите, Державин, садитесь, — улыбаясь проговорил он. — Рад, что вы снова с нами.

— Разрешите одно объявление? — попросил я.

— Конечно, — кивнул Никифор.

— Ребят, — я обратился к однокурсникам. — Сожалею, что сорвал поминки по мне, понимаю, многие рассчитывали на салат, горячее и что-нибудь выпить. Но я готов компенсировать. Сегодня вечером для всех желающих из вас вечеринка на Патриарших прудах. Кто будет, подойдите ко мне после пар, скину приглашение и адрес.

Уж не знаю, что вызвало такую бурную реакцию, но ребята возликовали, и я по привычке уже сорвал овалы.

— Привет, трупешник, — поприветствовал меня Кропоткин, когда я сел на своё место. — Ты — свинтус, конечно. Мог бы и предупредить старого друга, что понарошку кишки своих по Воробьёвым горам раскидаешь. А то я целый день сопли на кулак наматывал, думая, как мне твоей кобыле объяснить, что ты больше не придёшь.

Я пожал ему руку и приобнял в дружеском приветствии. Вот, как ему удаётся? Я всего лишь три минуты в аудитории, а уже улыбаюсь до ушей.

Следующим я обнял Олега. При этом он неудачно встал, свалил стул, на котором сидел, и ударился коленом о стол.

— У тебя, смотрю, всё в порядке, — сказал я.

— Да уж, — ответил он. — Что-то в этом мире незыблемо.

Катерина помахала мне рукой, и я заметил, что хоть её руки и были в перчатках, но теперь это были кружевные, просвечивающие и очень короткие перчатки. Судя по всему, она выздоравливала на глазах. Я быстро проверил её источник, и он оказался полон.

Никифор Владимирович продиктовал нам задание, а затем ушёл куда-то разговаривать по имперфону.

— Так-так-так, — проговорил Кропоткин, обернувшись ко мне. — И куда это мы идём сегодня на ночь глядя? Я что-то не помню на Патриарших достаточно вместительных баров для нас.

— А мы и не в бар, — ответил я. — Вечеринка у нас будет в тринадцатом доме по Ермолаевскому, у Донатовых.

— У Беллы! — Фёдор от изумления даже глаза раскрыл широко-широко. — Мало тебе

принцессы, ты ещё и поставщицу шампанского к императорскому двору охомутал!

Я склонился как можно ближе к нему.

— Вообще-то, это моя бабушка, — сказал я и приложил палец к губам. — Только тс-с-с!

— Могила, — сказал он и тут же спохватился. — Хотя некоторые, вон, и после смерти болтать умудряются.

— Считай, что это моя суперспособность, — ответил я и ухмыльнулся.

*

Дед забрал меня прямо из академии. Он как раз ехал из Кремля и решил набрать меня. Выяснилось, что подождать ему придётся каких-нибудь десять минут, на что он и согласился. Он решил сразу съездить на завод, чтобы потом никуда уже из дома не выходить.

— Как совещание? — спросил я его, попутно отдавая артефакты, которыми он снабдил меня утром. — Сказали что-нибудь дельное?

— А, — отмахнулся дед, — политика и официальная линия империи. Надоело, если честно.

— Что-то не так? — спросил я, чувствуя своими новыми органами эмпатии, что ему очень грустно и противно.

Я прикоснулся к его сознанию эмпатическими щупальцами и постарался снять ненужное напряжение. Эффект не заставил себя ждать, на губах Державина-старшего появилось лёгкое подобие улыбки.

— Они из Разумовского героя лепят, — ответил он. — Вместо того, чтобы лишить всех наград и предать забвению как врага империи.

Я немного поморщился, но затем примерно прикинул всё с точки зрения императора.

— На самом деле — правильно, — сказал я. — Так мы не уроним престиж ни на международной, ни на внутренней арене. Стоит только заикнуться, что начальник службы собственной безопасности, причём, ещё и бывший, практически провёл государственный переворот, и тут же всё посыплется. Внутренние враги поднимут голову. Внешние. С болезнью также: что-то одно тебя ослабляет, и тут же наваливаются другие болячки, которые только и ждали шанса, чтобы тебя уничтожить.

Всё это время дед внимательно смотрел на меня. И я видел в его глазах уважение. Нет, он давно уже привык со мной разговаривать на равных, но тут он ещё раз что-то для себя отметил.

— Конечно, ты прав, — сказал он, наконец. — Но мне, на твоём месте, было бы обидно.

— За что? — усмехнулся я. — Этот гад угрожал нашему роду, я его устранил. Всё. Остальное меня просто не касается.

— Да, ты мудр не по годам, — проговорил дед. — Я иногда просто поражаюсь тому, как зрело ты мыслишь.

Я пожал плечами.

— У меня перед глазами хороший пример, — сказал я.

— Так, а вот льстить не надо, не люблю, — мгновенно отреагировал дед, но тут же улыбнулся.

— Я возьму на вечеринку к Белле Карину? — спросил я, кардинально меняя тему.

— А почему нет? — задумчиво проговорил он. — Только вот одних я вас не отпущу. Вас будет сопровождать группа быстрого реагирования. Не хочу, чтобы после всего произошедшего с вами что-то случилось.

— Хорошо, как скажешь, — ответил я довольный, что смогу не только сам развеяться, но и сестре с этим помочь.

Тем временем мы прибыли на завод. Как я понял, Игорь Всеволодович не был тут долгие годы. Оно и понятно, не пристало главе рода лично заниматься управлением отдельных заводов. Всегда нужно уметь делегировать. Но в нашем конкретном случае что-то пошло не так.

Въезжали мы через обновлённые ворота. Охранник несколько раз сверил номера автомобиля со списком и только после этого пропустил, вытянувшись в струнку.

— Сурово тут стало, — одобрительно сказал дед.

— Так продукция двойного назначения, как-никак, — ответил я. — Порядок должен быть идеальный.

Михалыч нас ждал на небольшой площади возле того цеха, в котором я его впервые встретил.

— Рады приветствовать вас, Игорь Всеволодович, — сказал он и поклонился. — И Вас, Никита Александрович.

Я ободрил старика, показав ему «класс», и мы пошли на экскурсию по заводу.

Сначала я следил за реакцией Державина-старшего на происходящее. А он был явно впечатлён и удивлён, хотя пытался не подавать виду. Но потом я и сам едва сдерживался, чтобы не разевать рот от удивления.

В тех двух цехах, по которым нас провели царил идеальный порядок. И это при том, что рабочий процесс не прерывался ни на секунду. Всё оборудование исправно работало на своих местах, а люди контролировали каждое действие аппаратуры.

— Благодаря вашим поставкам, мы смогли максимально автоматизировать процессы во втором и пятом цехах, — сказал Михалыч, проводя нас мимо гудящих станков. — В связи с этим несколько человек высвободились для работы на других зонах ответственности, тем самым полностью устранили нехватку рабочих рук. Несмотря на это, первый цех у нас пока работает в две смены, а третий — в одну, но уже к концу недели мы выведем их на полный рабочий цикл.

Мне сложно было уловить все хитросплетения его речи, а вот дед, кажется, понимал его очень хорошо. Несколько раз он что-то уточнил по поводу готовой продукции, узнал сроки и, как я понял, остался в полном восторге.

Когда мы ехали с завода домой, он некоторое время молчал. А затем сказал:

— Никогда бы не подумал, что за столь малое время можно убыточное предприятие превратить в процветающее. Там даже люди нам улыбались. И не по принуждению.

— Программа мотивации в действии, — ответил я. — Люди знают, за что они работают и стараются работать лучше.

— Да, кстати, — дед посмотрел мне в глаза. — По поводу твоей программы: одномоментно внедрить все эти социальные улучшения на всех предприятиях не получится. Во-первых, это дорого. Дорого настолько, что затраты отобьются ещё не скоро. Хотя такими темпами, не удивлюсь, если раньше, чем я думаю. А, во-вторых, мне ответственных людей не хватает. Это ты готов вкалывать на благо рода днями и ночами, а твои кузены, например, относились к этому спустя рукава. Мол, работает, и ладно.

— Так сложно найти исполнительных и ответственных людей? — удивился я.

— Для этого мне нужно было бы размножить тебя. Жаль, что данная магия — лишь иллюзия, — усмехнулся дед.

— Что касается финансирования, — я вспомнил один аспект, который меня удивил несколько дней. — Я попрошу ещё.

— Зачем? — спросил дед. — Мы же все пункты твоей программы тщательным образом исполняем.

— Кое-что я всё-таки не учёл, — ответил я. — Помнишь, несколько дней назад череду диверсий на наших объектах?

— Как не помнить-то? Ростик на одной из таких и сгинул, — грустно заметил Державин-старший.

— Так вот, на этом заводе тоже была намечена диверсия, но её удалось предотвратить. И вот тут немалую роль сыграли криминальные структуры, которые раньше наш завод и разрушали.

— Если честно, — признался дед, — я пока не улавливаю суть твоих мыслей.

— Я хочу создать сеть оповещения. Грубо говоря, подкармливать местный криминал. Плюсоз сразу несколько. Основные: они сами к нам со злым умыслом не полезут, и другим не дадут. Да ещё могут вовремя предупредить о подозрительных людях или событиях.

— Уверен? — спросил он.

— Да, — ответил я, — полностью. Что же до ответственных людей. Пятьдесят человек у меня, конечно, нет. А вот одного порекомендовать вполне могу.

— Очень даже интересно, — Игорь Всеволодович приподнял правую бровь. — Кого ты можешь посоветовать столь же ответственного, как и ты сам?

— Ту, с кем мы, собственно, и составляли программу. Валентину Грымову, — ответил я и довольный разглядывал шокированного родственника.

— М-да, неожиданно, — проговорил, наконец, тот. — Ещё неделю назад я даже рассматривать не стал бы её кандидатуру из-за происхождения.

— Ага, — усмехнулся я. — А теперь она ещё подумает, соглашаться ли на наше предложение. И тоже из-за своего происхождения.

— Да уж, — вздохнул дед. — Но ты скажи, тебе принцессы мало? Ты ещё одну решил при себе держать? Запасную?

— Нет, — я рассмеялся. — Валя мне очень хороший друг, не более того.

«Друг, который сразу ринулся тебя спасти, — заметил на это внезапно проснувшийся Архос. — В отличие от принцессы».

«Я был в другом облиии, отстань».

— Скажи, а ты давно знал, что она — чей-то бастард? Или подозревал, может быть? — внезапно спросил меня дед.

— Да нет, — ответил я. — Дружим мы с ней давно, так как аристократы меня ровней не считали. А вот про магию я не знал.

— Вероятно, что-то чувствовал, — проговорил Державин-старший, задумчиво глядя в окно. — Я помню, Стас Громобой весь оплевался, когда ты для неё допуск в башню запросил. Он отказывался это делать наотрез. Мол, нечего делать простолюдинке возле аристократа. И дети не котята, не утопишь, а потом греха не оберёшься. Короче, я его еле уговорил. Подумал

тогда, увидишь ты истинную природу черни, да и перестанешь с ними общаться. А оно, видишь, как обернулось.

— Хорошо всё обернулось, — сказал я. — Кстати, Валя пока у Беллы поживёт. Так что объект выбирай в Крыму.

— У Беллы? Это вообще отлично, — одобрил дед. — Она её и манерам научит, и заодно подскажет, как выживать в этом серпентарии, что зовётся двором.

И я вновь услышал обиду в его голосе. Ещё бы, маги, с которыми он знаком не один десяток лет, чуть было не отправили на тот свет его внука.

Глава 15

Белла дала нам на разграбление свой самый маленький погреб. Но, к моему великому удивлению, ребята взяли совсем немного. И то, не потому что хотели выпить, а потому что легенда.

— Ты не представляешь, — сказал мне Кропоткин, разглядывая поднимающиеся пузырьки в бокале, — сколько всего мне про это шампанское рассказывали. А тут его можно просто взять и выпить.

Он сделал глоток и весь расплылся от удовольствия.

— Попробуешь? — спросил он меня, насладившись вкусом.

— Попозже, — ответил я.

Мне действительно не хотелось. А ещё я сам себе боялся признаться в том, что сквозь гул веселья я снова ощущал поднимающуюся тревожность. В улыбках друзей и однокурсников мне мерещились гримасы боли.

«Не отпускает, что ли? — спросил я Архоса. — Что нужно сделать, чтобы расслабиться?»

«Не знаю, — ответил тот. — Я анализирую всю поступающую информацию, но пока точно ничего сказать не могу. На данный момент тебе ничего не угрожает».

И я попытался перестать нервничать. Внезапно пришло сообщение.

«Привет, чем сегодня занимаешься?»

«У Беллы отмечаю всё сразу с курсом», — ответил я Варе и подумал о том, что мне, возможно, было бы спокойнее, если бы она была рядом. — «Может, приедешь?»

Ответа не было пару минут. Я уже успел подумать, что приглашения на свидания явно не мой профиль.

«Ничего страшного, если не сможешь. Главное, чтобы ты чувствовала себя комфортно, а то тут фрейлин нет».

В ответ мгновенно пришёл смайлик с высунутым языком. Что же, буду воспринимать это как согласие.

Вечер переставал на меня давить, и я начал предвкушать встречу. Странно, но капризная и избалованная, на первый взгляд, Варвара при близком общении вообще не выказывала подобных качеств, как будто становилась совсем другим человеком. «Возможно, — подумал я, — она чувствует, как к ней относятся и просто зеркалит это отношение?»

Как бы там ни было, мне с ней было хорошо. Более того, от одной мысли, что скоро она приедет, мне становилось уютно.

Я взял бокал шампанского и подошёл к небольшому бассейну, вокруг которого ребята и решили устроить основные посиделки. Катя, Олег, Федя и Карина сидели рядом на бортике и о чём-то увлечённо болтали.

— За зомби-Никиту! — провозгласил тост Кропоткин, завидя меня. — Что поднялся из мёртвых, чтобы сделать мёртвыми всех остальных.

— Ну уж нет, — ухмыльнулся я. — Я остался в живых для того, чтобы все были живы.

— Это даже круче, — согласился Фёдор. — И не менее пафосно.

Мы сдвинули бокалы, отозвавшиеся мелодичным звоном.

— Смотрите, — сказала Катерина, — что я теперь могу.

Перед нами на поверхности воды вырос дугообразный мостик сантиметров пятнадцати высотой. Затем ещё один рядом. И ещё, и ещё... Потом появился мостик, соединяющий два нижних. И снова. И опять. Через три минуты перед нами была целая стена из таких мостиков, вода в которых постоянно переливалась из одного в другой.

— Если разукрасить разными цветами и подсветить, — сказала Громова, — ещё красивее получится.

— Да, кстати, — Кропоткин встал и снял на видео переливающиеся мостики. — Ты же перестала быть нулёвкой. А ну колись, как!

— Секрет рода, — с излюбленным уже картинным высокомерием ответила она. — А, если честно, то сняла проклятие.

— И какой у тебя уровень теперь? — спросила Карина. — А то ты в прошлый раз ещё затруднялась сказать.

— Тройка точно, — Катерина кивнула каким-то своим мыслям. — Но, вполне возможно,

подросту ещё.

— Значит, ты от нас уйдёшь? — грустно спросил Олег.

— На самом деле, — сказала она, — магии меня и дома неплохо обучат. У меня дед просто мегамарг. А вот в бюрократии разбираться никакая магия не поможет. Только своим мозгом. Так что, скорее всего, я с вами.

— Ура! — завопили мы втроем и снова соприкоснулись бокалами.

— Никита тоже уже не нулевик, — сказал Олег. — Ещё и герой империи.

— Ну я-то точно никуда не собираюсь, — ответил я. — Мне хватает учителей в магии, а в плане крючкотворства я тут полностью согласен с Катериной, нужно знать все подводные камни. И хоть Палочник периодически бесит, но базу он даёт прекрасно.

Я осмотрел бассейн и его окрестности. Пришли почти все однокурсники, и это было здорово. С кем-то я общался больше, с кем-то меньше. С кем-то вообще не довелось пообщаться в этом году, но мне почему-то казалось, что все они — мои друзья. И от этого на сердце становилось тепло.

— Зато теперь, если на нас нападут, — сказал Кропоткин, — будет кому нас защитить. Мы за вами, ребят, как за каменной стеной. Полезет на нас, к примеру, какая-нибудь банда, а мы им: а у нас Никита Державин есть и Катерина Громова. И они в страхе убегут.

Я представил это и засмеялся. Остальные меня поддержали.

Однокурсники подходили, перекидывались с нами какими-то фразами и шли веселиться дальше. Не нравилось мне только, как ведёт себя Лев Куракин, который выпил слишком много игристого напитка и теперь лез со алкогольными комплиментами к Белле, но я рассудил, что она вполне сможет сама за себя постоять.

— А у меня вообще чувство дежавю, — вдруг сказала Катерина.

И я понял, о чём она. У меня было нечто подобное. Опять бассейн с подсвеченной водой, и мы все. Только вот Карины в прошлый раз не было. Сегодня она была немногословна и находилась, в основном, рядом с Кропоткиным. А он, кажется, не совсем понимал мою реакцию, поэтому не проявлял пиетета к моей сестре на полную катушку. И тут я вспомнил, что ещё давно собирался поговорить с ним. Ладно, сегодня вроде бы самое время.

— Ага, и сейчас на нас должны напасть! — зловещим голосом проговорил Фёдор.

— Не дай-то боги, — ответил Олег и засмеялся. — У меня с прошлого-то раза штаны никак не отстирываются. От земли, разумеется.

— Да уж, — согласилась Катерина. — Я теперь, наверное, всегда на наших вечеринках буду напряжена.

— Но только возле бассейна, — предположил я.

— Вот — да, — ответила она. — Но уходить не хочу, мне тут комфортно.

И тут я с ней был полностью согласен. Уходить куда-то в комнаты к камину не хотелось.

Я решил пойти поискать Валю, когда вдруг произошло волнение среди однокурсников. Кто-то даже вскрикнул, но, скорее, от удивления, чем от ужаса. Я напрягся, но ощущение тревоги было на обычном для сегодняшнего дня уровне. Сильная штука — это дежавю, заставляет искать опасность там, где её нет.

Через минуту мне стали ясны причины волнения. К нам шли две девушки, в которых даже в приглушённом освещении угадывалось родство. Ах вот, куда делась Валя! Пошла встречать сестру.

Я встал, приветствуя принцессу:

— Привет, Ваше Императорское Высочество.

А она по привычке обняла меня за шею.

— Я скучала, — шепнула она мне на ушко.

Остальные растерялись, но пока мы с принцессой обнимались, они встали и тоже поприветствовали Варвару.

Девушка огляделась.

— А у вас тут уютно, — сказала она. — Можно мне тоже шампанского?

*

Император сидел в компании Магнуса и постоянно тербил левый манжет рубашки.

— Что-то ты какой-то напряжённый, — заметил пришлый маг. — Договаривались посидеть, вспомнить былые денёчки. А ты хмурый и молчаливый, как памятник поэту.

— Да не могу я расслабиться, — ответил монарх. — И последние события этому вообще не способствуют.

— Ну тут сам виноват, я тебе всегда говорил, что собственная безопасность превыше всего. И доверять на сто процентов никому нельзя, — Магнус отхлебнул чего-то вкусного и безумно дорогого из бокала.

— Даже тебе? — усмехнулся император.

— Мне в первую очередь, кстати, — Магнус поставил бокал и протянул руки к трепещущему

в камине огню. — Может быть, я из этих, из рептилоидов, и готовлю захват вашего мира.

— Ну, если ты его уже тридцать лет готовишь, то опасаться нечего, — хохотнул Ярослав Иванович.

— Не скажи, может, я слишком основательно готовлю, — маг подумал-подумал и добавил: — Хотя ты прав. Столь долгое планирование никогда не идёт на пользу захватчика.

— А ещё, — у императора даже кулаки сжались от негодования, — у меня дочь ушла в неизвестном направлении. Как в той песне, помнишь, что ты мне пел как-то на очередных посиделках: «Такая-сякая сбежала из дворца...»

— Аха-ха, — Магнус откинулся в кресле. — Я, кажется, даже знаю того Трубадура, к которому она убежала.

— Да, мы его сегодня чуть не лишили жизни, — сказал монарх и отпил из своего бокала.

— Ну, а что ж ты хочешь? — удивился Магнус. — Сначала чуть любимого на тот свет не отправил, а затем не разрешаешь к нему ехать? Это свинство, Ваше Императорское Величество. Причём вселенского масштаба.

— Я думал, хоть ты меня поддержишь, — вздохнул император. — А лучше, приведёшь её обратно, потому что безопасность я задействовать не хочу. Отправил за ней группу, конечно, но не позориться же, забирая её силой. А ты меня свиньёй обзываешь.

— Возвращать не буду, — отрезал Магнус, — она уже совершеннолетняя. А вот проследить, чтобы ничего плохого не случилось, — это всегда пожалуйста.

— Буду премного благодарен, — ответил монарх. — Ты меня всегда выручаешь, спасибо огромное.

— Свои люди, сочтёмся, — сказал на это Магнус, подмигнул императору и встал.

*

Теперь мы сидели практически все в одном-едином кружке. Не каждый день удаётся попить легендарного шампанского в компании с наследницей престола. Вот и собрались все вокруг принцессы, ловя каждое слово.

Даже Белла присоединилась к нам на какое-то время. Правда, перед этим ей пришлось окатить Куракина ледяной водой, чтобы пришёл в себя, но это происшествие прошло практически незамеченным.

Варваре же было интересно пообщаться с людьми, которые не входили в её окружение и не были запрограммированы на безусловное подчинение. Впрочем, темы поднимались совершенно разные. Некоторые принцессу вообще не касались, но она увлечённо следила за ходом беседы. Валя сидела рядом с ней, и я не переставал изумляться, насколько

гармонично они смотрятся вместе.

— А как ты смогла поднять уровень? — спросил в какой-то момент Щетинин у Громовой.

— Мы сможем повторить?

Я подумал, что этот вопрос волнует всех собравшихся. Да, люди уже смирились, что они — пустое место в мире магии, но им тоже хотелось хоть что-то из себя представлять.

— Вообще, это тайна рода, — ответила она, и парень сразу приуныл. — Но техники есть. У нас, вот, Никита Державин в этом разбирается.

— Так, я точно не эксперт, — поспешил откреститься я. — Просто предложил попробовать.

— А что? — не унимался Щетинин.

— Ну я, например, в ледяную воду прыгала, не умея плавать, — ответила Катерина. — На пике эмоций уровень действительно повышается. Но не сильно и ненадолго.

— В любом случае надо попробовать, — сказал Елецкий. — Нам надо любую возможность использовать, чтобы до вас дотянуться.

— А я в землю закапывался, — сказал Олег, и все перевели взгляд на него. — Эта штука и правда работает, вот только на второй раз эмоции уже притупляются и выйти на прежний уровень не получается.

— А постоянно повышать ставки тоже не вариант, — согласился я. — Ладно, ребят, я обещаю, что, когда отдохну, попробую выработать какую-нибудь общую программу для минимального поднятия уровня для нулевиков.

Ребята захлопали мне.

— Молодёжь, — взяла слово Белла. — А что это вы не танцуете? Мы вот в вашем возрасте уже бы третий медляк требовали бы.

— Точно, — поддержала её принцесса. — Кто желает потанцевать?

«За» оказались все. Другое дело, что пара досталась не всем.

Я, как и следовало ожидать, танцевал с принцессой, когда вдруг заворочался и засуетился Архос.

«Ты чего? — спросил я. — Что-то не так?»

«Что-то надвигается, — ответил мой ментальный учитель. — А я никак не могу понять, что именно».

«Угроза? — спросил я. — Какого рода?»

«Смертельная, — ответил Архос. — Полагаю, всем собравшимся грозит смертельная опасность. Надо срочно уходить!»

— Что-то случилось? — спросила принцесса, чувствуя, как я напрягся.

Я сделал ей знак подождать.

«Куда бежать? — я чувствовал, как ощущение тревоги взлетело вверх за мгновение. — Какая ещё угроза? Мы же только что пережили смертельную опасность. И не одну!»

«А эту не факт, что переживём, — мрачно ответил Архос. — Уходим из здания!»

Но организовать эвакуацию из Беллиного дома я не успел. Что-то взорвалось совсем рядом. По ощущениям, взрыв был сильнее, чем во дворце и даже в крематории. А затем пол ушёл из-под наших ног, а вода в бассейне забурлила.

Глава 16

Было слышно, как что-то массивное рушится и складывается совсем далеко. На улице надрывалась сирена, разбавленная людскими воплями. Сработали сигнализации автомобилей. И снова всё перекрывали звуки обрушений.

Хотелось закрыть глаза и проснуться. Ситуация до боли напомнила мне ту, что сложилась во дворце Царицынской усадьбы пару дней назад. Я мотнул головой и отогнал от себя наваждение. Тут вокруг мои друзья, поэтому никаких потаканий слабостям быть просто не может.

Варвара и Валентина бессознательно взяли за руки, образовав усиленную линию обороны. В их свободных ладонях зажглось пламя. Катерина Громова, распрямившись, поставила на всякий случай защиту вокруг себя и ближайших ребят, в том числе и вокруг Карины.

Я оглядывался, пытаюсь понять, с какой стороны ждать нападения. Я был готов усилить принцесс либо Громову, да кого угодно, чтобы оказать достойное сопротивление.

В этот момент возле меня и оказалась Белла.

— Я говорила, что они придут за тобой, они и пришли, — сказала она. — Теперь попробуют выяснить, кто именно из присутствующих эфирник.

— Посмотрим, кто из нас сильнее, — проговорил я. — На нашей стороне пара сильных магов огня, и я кое-что могу.

— Не вздумай! — зашипела на меня бабушка. — На тебя открыта охота! А каждый эфирник имеет собственный почерк, как менталист. И ещё личный отпечаток в пространстве. Стоит тебе воспользоваться эфиром, как ты обнаружишь себя для противника. Поэтому держись, как хочешь, но про эфир забудь.

Это она сказала мне на ухо максимально направленно, чтобы никто больше не слышал. А затем во всеуслышание заявила:

— Уходим быстрее! За мной, к чёрному ходу!

Надо отдать должное моим однокурсникам, победив первый шок, они собрались и беспрекословно выполняли указания Беллы, принцессы или мои. Я, правда, подозревал, что они будут выполнять чьи угодно распоряжения, лишь бы оказаться в безопасности, но это были уже мелочи. Главное, что не было паники.

Мы организованно двинулись за Донатовой. Но в этот момент снова тяжело ухнуло совсем рядом, кажется, за стеной. Пол под ногами снова куда-то поехал. Карина не удержалась на ногах, но Кропоткин, шедший позади неё, тут же подхватил её на руки. Так, эта в относительной безопасности, ясно.

Когда Белла открыла дверь чёрного хода, там ничего не было. Или не так. Там была стена соседнего дома. Он рухнул, полностью забаррикадив нам выход.

— Никита, — сказал мне Олег, пытаюсь говорить, как можно более доверительно, — усиль меня, я расчищу нам проход.

Я покачал головой.

— Нельзя. Они именно этого и ждут.

Он понимающе кивнул, но я видел, что мой друг расстроен. Дело в том, что он надеялся снова ощутить силу в своих заклетьях, а я обломал его. «Ничего, — подумал я, — как-нибудь потом у тебя ещё будет шанс».

В этот момент снова грохнуло, но уже у нас над головами. Мне был знаком этот звук. Кто-то обрушил верхний этаж, в надежде похоронить нас заживо. Или вынудить меня воспользоваться эфиром.

Под ногами пролегла глубокая трещина.

— Идём к парадному входу, — распорядился я.

Сверху грохнуло ещё раз.

— Там открытое пространство, — с сомнением ответила Белла, пробираясь тем не менее в указанном направлении. — Они нас туда специально гонят.

— Они думают, что у них там преимущество будет, — ответил я, отправляя ребят мимо себя к выходу. — Но мы постараемся сделать так, чтобы его не было.

В этот момент, словно в сюрреалистическом фильме зазвонил телефон. Это был начальник группы, отправленной с нами.

— Нападают с трёх сторон, — коротко доложил он. — Параллельно с нами действует группа элитной охраны.

— Это императорские, сейчас, — я взял у принцессы пароль для взаимодействия групп и передал своим. — Есть возможность что-то сделать? — спросил я.

— У нас напротив снайпер, сейчас попробуем выяснить, что он видит. Пока противник не обнаруживает себя, видно лишь последствия его действий.

— Мои говорят, что все выходы из здания, кроме парадного, заблокированы, — добавила Варвара, поговорив со своей группой.

— Бейте на поражение, — сказал я своим. — У нас тут двадцать с лишним отпрысков аристократов и принцесса. Нельзя ими рисковать.

Я так сказал, словно сейчас не было никаких рисков.

— Вас понял, — сказал руководитель группы, а затем добавил. — Связи со снайпером нет, так что будем действовать по ситуации.

— Мы выходим к прудам, — сказал я. — Остальные пути отрезаны.

— Вас понял, сейчас займём оборону, — на заднем фоне послышался шум.

— Что это? — спросил я.

— Две полицейских машины прилетели, оценивают обстановку.

— Маякните им, что вы свои, и продолжайте.

— Есть.

Только сейчас до меня стал доходить весь уровень нереальности происходящего: нападение посреди Москвы на частный особняк с громадными разрушениями.

Тем временем мы достигли парадной двери. Сзади обрушивался особняк Беллы. Я шёл последним, посчитав по головам всех присутствующих. Когда кому-то из них собирался упасть очередной кусок здания, я незаметно откидывал его энергетической паутиной. Хоть этому я научился прекрасно.

Нас действительно профессионально гнали в подготовленную ловушку. «Вот только, когда она захлопнется, ещё неизвестно, кто в ней окажется», — решил я. И вместо того, чтобы паниковать, глубоко вздохнул и расслабился.

*

Когда я вышел, оказалось, что Белла, Катерина, Варвара и Валентина, а также Карина уже

держат оборону. В нас летели ледяные сосульки и водяные лезвия, грозящие рассечь пополам.

Одно, устремившееся ко мне, я едва успел нейтрализовать наспех сделанным смерчем. И всё же я успел ощутить мощь заклятия. Если бы маг, сделавший это лезвие, сосредоточился лишь на нём одном, меня не спасло бы ничего.

— Мои обходят с правого фланга, — сказала Варя. — Сейчас они нас прикроют.

Наверху летали два экипажа патрульной службы. Им, кажется, удалось нащупать, где спрятался маг воды, и они попытались его уничтожить.

Огромная сосулька с вмёрзшими ракушками и песком пробила лобовое стекло автомобиля, растерев водителя по сидению. Экипаж тут же потерял управление и стал заваливаться на землю, грозя уничтожить с собой остальных блюстителей закона.

Я, не размышляя, потянулся к ним, обмотал машину паутиной и попытался затормозить падение. Но из-за того, что автомобиль закрутило от удара, моя паутина наматывалась на него, практически не замедляя падения. Тогда швырнул ещё одну в стену полуразрушенного здания, зацепил автомобиль с другой стороны и зафиксировал в двух руках. Это было, как держать его на руках. У меня было полсекунды. И я решил бросить его в пруд. Там у полицаев ещё был шанс выжить.

Машина плюхнулась, ломая лёд и поднимая кучу брызг.

— Против нас водник? — спросил я у Беллы, на лице которой застыло странное выражение, которое я принял за безысходность, но на деле оно было значительно сложнее.

— Ледяной водник-абсолют, — прошептала она.

— Что это значит в тактическом плане? — спросил я.

— То, что вода нам с Катериной не подчиняется. Контроль полностью у него, — бесцветным голосом проговорила она.

«Абсолют, — думал я, — опять абсолют. Интересно, кто-то из тех, что пытался разобраться со мной утром, или кто-то ещё? Мои сказали, что атакуют с трёх сторон. Могут ли быть это три абсолюта? И выстоим ли мы в таком случае?»

За спиной снова что-то взорвалось и загрохотало. Особняк стал заваливаться в разлом, возникший под ним.

— Прощай, — одними губами проговорила Белла.

— Против нас маг земли, — шепнул Олег, вжимавшийся в колонну. — Но не наш, какой-то дикий, который не знает, что находится внизу.

— А что там находится? — спросил я.

— Наше оружие, — тихо проговорил Олег.

— Скоро тут твой отец будет? — продолжал я свой допрос.

— Недостаточно быстро, чтобы мы выжили, — ответил мой друг.

И тут в нас полетел целый шквал острых, как кинжалы, ледышек.

«Архос, — сказал я. — Мне нужно видеть их траектории. Ни одна не должна попасть в наших».

И какая-то из магий, собранных во мне, подсветила ледышки в темноте, а другая позволила реагировать гораздо быстрее, чем обычно. Когда я видел, что та или иная ледышка угрожает кому-то из моих друзей, я мгновенно выбрасывал энергетическую нить и хватал этот обломок замороженной воды.

«Ты сейчас даже не паук, — прокомментировал Архос самым невозмутимым голосом. — Ты же хамелеон самый настоящий, жрущий мух».

«Благодарю за сравнение, — ответил я. — Но мне пока некогда смеяться, извини».

*

Параллельно с этим справа показалась группа из четырёх магов.

— Какого они уровня? — спросил я принцессу, у которой вместе с Валею получился отличный щит, испарявший больше половины грозивших нам ледышек.

Она посмотрела на группу сопровождения и поморщилась.

— От четвертого до седьмого, — ответила она.

— Этого недостаточно, — сказал я.

— Я знаю, — ответила она. — Но что можно поделать?

— Отзывай их, — сказал я. — Против нас абсолюты, их раскидают, как слепых котят.

Но сделать она ничего не успела. По её группе ударили сразу с двух сторон. Со стороны Патриарших глыбой льда, распадающейся на лезвия, а со стороны Садового кольца открылся разлом, в котором закипала лава.

Маги из отряда заняли позиции защиты, но от сил, которые им противостояли, защиты не было. Через минуту магов просто смело в разлом и накрыло сверху громадной замороженной глыбой. Пар заслонило от глаз остальное.

По улицам слева и справа бегали в панике люди, некоторые из них едва одетые. Я старался не отвлекаться на них, занимаясь лишь защитой своих. К сожалению, сейчас это был максимум того, что я мог сделать.

А ещё вокруг стоял жуткий шум, смешавшийся из всех звуков, начиная от всё ещё обрушающихся зданий и разрывающейся земли до сигнализации машин и криков людей.

*

— Водник пользуется водой из Патриарших, как я понимаю? — уточнила Варвара.

— Так и есть, — кивнула Белла.

— А мы не можем?

Бабушка лишь покачала головой.

— Так давайте её испарим, — предложила принцесса. — И лишим его тем самым подпитки.

— Это ж сколько сил надо, чтобы этот пруд испарить? — изумилась Катерина.

— Ничего, — ответила Варвара. — Мы с Валею вдвоём и Химкинское водохранилище, если надо, испарим.

Я прикинул размеры упомянутого водного объекта и хмыкнул. А принцессе самомнения не занимать.

— Только убедитесь, что полицаи уже покинули озеро, — выпалил я, не желая, чтобы хоть кто-нибудь пострадал из-за меня.

— Вроде нет никого живого, — ответила Варвара.

— А что вы будете делать с магом земли? — грустно спросил Олег, наблюдая за приближающимся к нам разломом, с бурлящей в нём лавой.

— Давайте решать проблемы по мере их поступления, — сказала Варвара и взяла Валю за руку.

Действуя, словно единый организм, они закрыли глаза и вдохнули. А затем к Патриаршим устремилась струя пламени. Причём, сразу было видно, что колдовали девушки, потому что их огонь напоминал дыхание дракона и выглядел очень красиво. А ещё был невероятно эффективным и выпарил пруд за считанные секунды. Которых у нас было всё меньше и меньше.

*

Всё это время в нас продолжали лететь ледяные лезвия, сосульки, осколки и прочая наледь.

До тех самых пор, пока в пруду не осталось ни капли.

Я, если честно, не представлял, как можно вести огонь такой плотности в одиночку. Маг, как мне показалось, не просто был абсолютом. Его кто-то усиливал. Тоже самое и с магом земли. Откуда взялась лава? Значит, есть третий. Логически я заключил, что третьим был эфирник. Возможно, не самого высокого уровня, поэтому не высовывался, а лишь усиливал заклятия магов из своей группы.

К сожалению, убедиться я в этом не мог, так как воспользоваться эфирным зрением было смерти подобно.

Наконец, вода закончилась. А вместе с ней и подпитка мага. Я понял, что его скрывало раньше. Он воспользовался пеленой из капель, чтобы скрыться за ней от глаз простых людей. Магическим взором его можно было вычислить только примерно.

«Ты был маленьким?» — внезапно спросил меня Архос.

На самом деле именно в этот момент я обдумывал, как обезвредить мага воды, при этом абсолюта. И я не особо был настроен ностальгировать о своём детстве.

«Зачем сейчас этот вопрос? — поинтересовался я. — Нас тут убивать вообще-то пришли».

Очевидно зная, что у мага из его группы возникли проблемы с водой, активизировался маг земли. Поверхность треснула сразу в нескольких местах, а самый большой разлом образовался на месте прудов. Оттуда, ни секунды не медля, утробно клопоча, начал выливаться расплавленный камень.

«Из рогатки умеешь стрелять? — спросил Архос. — Используй паутину, как резинку».

Это было настолько же просто, насколько гениально. Молниеносно нагнувшись, я подобрал из-под ног камень.

«Не такой большой, — выпалил Архос. — Зашибёшь. А язык всегда пригодится».

Я согласился и через секунду вставлял в импровизированную пращу камень вдвое меньше. Прицел, воздушные потоки, вжух... Мне показалось, что я услышал глухой удар. И тут же маг упал без сознания. Если я не промахнулся, он должен выжить.

Осталось только выяснить, где спрятался маг земли, чтобы выкурить его и тоже вырубить. Хотя второй язык уже без такой сильной надобности.

Я выхватил телефон и набрал последний номер.

— Слушаю, — отозвался безопасник. — Один нападающий готов, если что.

— Мне нужно узнать, где второй, — ответил я.

— За вашими спинами. В завалах. А третий... Третий, судя по всему, в гнезде нашего снайпера. Но он никаких визуально фиксируемых действий не предпринимает.

«Это вы просто не видите», — подумал я. А вслух сказал:

— Благодарю. Наблюдайте дальше. По возможности устраняйте.

— Есть.

Надо было уходить. Ребята сообща сдерживали потоки лавы, но вот с разломом совладать не получалось ни у кого. Расплавленный камень норовил стечь под ноги и обжечь.

— Развлекаетесь? — спросил знакомый голос.

И в тот же самый миг я понял, что разлом перестал ползти к нам и увеличиваться.

Я поднял глаза на говорившего.

Магнус был всё в том же белом костюме с блёстками.

— Ничего себе! — выдохнул Кропоткин. — Хочу себе такой же!

Остальные хранили удивлённое молчание.

— Ну, как сказать... — начала было Валя.

— Не, — Магнус пожал плечами. — Я просто шёл мимо, смотрю у вас тут шоу, и баньку решили истопить, — он махнул рукой на пруд. — Только она, кажется, испарилась. Перестарались, да. А вообще, я смотрю везде, что ни Москва, то реновация, — он оглядел поваленные и развалившиеся на куски здания, остановившись взглядом на нашем особняке. — Тоже человекник решили вкорячить сюда? Как по мне, сомнительное решение. Понимаю, благоустройство дело беспощадное... Но Патриаршие-то за что? И что теперь тоже плиткой захреначить?

Мы мало понимали из того, что он говорил. Максимум, что он недоволен учинённым беспорядком. И лишь позже я понял, что он делал на самом деле. Он нас успокаивал отстранённой болтовнёй. Когда он задал последний вопрос, мы все уже отошли от горячки боя и совершенно здраво соображали.

— Спасибо, — сказал я.

— Да ладно тебе, — ответил Магнус. — Это просто самая быстрая схема для выхода из спутанного сознания.

Я понял, что со стороны наш разговор казался абсолютной дикостью. Но он понял, что я его поблагодарил именно за наше успокоение.

Тем временем Магнус подошёл к вырубленному мной магу и взял его за ногу. После чего потащил за собой, нисколько не заботясь о сохранности лица абсолюта, которым тот считал все встречные камни и остатки льдин.

— Кстати, здорово ты его! — похвалил меня этот странный маг. — Прямо десять из десяти. Я только хотел его вырубить, смотрю, он уже валяется. Из тебя выйдет толк, это я хорошо вижу.

— Благодарю, — ответил я.

— Ладно, ребят, — Магнус поудобнее перехватил ногу абсолюта. — Пойду. Мне ещё чернозёмку с его подельником забирать. Вы дальше-то сами справитесь?

— Да, — кивнула Варвара, внезапно вступив в разговор. — А куда вы его? Мы вообще-то допросить собирались нападающего.

— А, не переживай, — махнул рукой Магнус. — Я сам допрошу, потом отцу твоему всё расскажу. Кстати, с вами, — он ткнул в нас с Варварой пальцем, — я ещё отдельно поговорю.

Вслед за этим открылся портал, в котором Магнус и исчез вместе с волочащимся за ним абсолютом.

— Это кто был-то? — с расширенными от удивления глазами спросил Кропоткин.

Я оглядел свою группу. Все выглядели более-менее. Только протрезвевший уже Куракин сидел, привалившись к колонне с окровавленной лодыжкой.

— Надо у Варвары спросить, — предложил я.

— А я-то откуда знаю? — фыркнула та. — Я его сегодня первый раз увидела. И сначала подумала, что это Разумовский смог как-то вернуться. Но нет. Этот на месте Разумовского нас стёр бы в порошок и не заметил.

Раздался звонок от начальника моей охраны.

— Никита Александрович, — голос у него был явно озадаченный. — Противника больше не наблюдаем. Всё чисто. На подлёте военные и группа быстрого реагирования.

— Опоздали они чуток, — проговорил я. — Магнус среагировал быстрее.

Глава 17

Маг шёл по коридору упругой походкой военного. Он привык получать приказы, а затем отчитываться об их успешном выполнении. Иногда что-то шло не так, и приходилось получать дополнительные вводные.

Ситуация, с которой он столкнулся на этот раз, была максимально нестандартной для него. И теперь он шёл по вызову начальства. Ничего хорошего это не сулило. Тем более, как объяснять гражданским кураторам военную специфику, он понятия не имел.

За двумя толстенными сейфовыми дверями его ждал крохотный кабинет, в котором не было ничего, кроме стен и подвешенного на одну из них экрана. Ни окон, ни стульев, ни столов, ни шкафов, ни тумб. Ничего. Только он, экран и спрятанная где-то видеокамера.

На экране только жёлтый смайл на чёрном фоне и больше ничего.

— Докладывайте, полковник, — сказал смайл, когда двери за вошедшим закрылись и щёлкнуло несколько замков.

— В ходе операции группа провокации вычислила, где находится объект, и предприняла меры по выводу объекта на ситуацию, в которой он непременно должен был... — бодро начал отчитываться вошедший.

— Вы сейчас с кем разговариваете? — спросил смайл, у которого приподнялась одна бровь.

— В смысле? — не понял вопроса полковник.

— Я ни слова не понимаю из того, что вы говорите, — констатировало жёлтое подобие лица с экрана. — Вы можете человеческим языком рассказать про операцию? Всё хорошо? Метку поставили?

— Понял, — отрапортовал военный и задумался, так как не совсем понимал, чем его язык отличается от человеческого, по мнению начальства. — Метка установлена не была. К сожалению.

— Почему? — насторожился смайл. — Вы же докладывали, что операция полностью проработана и никаких случайностей быть не может!

— Дело в том, что группа провокации исчезла, — сказал полковник. — А объект вместе с сопровождающими лицами покинул место операции.

— То есть, — с едва сдерживаемой яростью, которая прорывалась даже сквозь изменённый механический голос, — переводя на человеческий язык, вы хотите доложить, что фактически операция провалена, я правильно понимаю?

— Цели операции на данный момент не достигнуты, но о полном провале...

— Вы издеваетесь? Вы уничтожили несколько кварталов в центре Москвы! Москвы, повторяю! И всё это просто так? Я хочу знать, почему!

— Как я уже говорил, — полковнику всё сложнее было сдерживаться, но привычка к субординации длиною в жизнь брала своё, — группа провокации просто исчезла, не успев передать в координационный штаб никаких данных. Последняя информация, которая

пришла от них содержала оптимистические прогнозы. Абсолюты воды и земли заняли заранее подготовленные позиции. Охрана объекта была взята под контроль и частично зачищена. Из непредвиденных моментов только лишь появление принцессы и имперской охраны второго звена, включающей магов от четвёртого до седьмого уровня. Но они не могли представить сильной угрозы, так как абсолютов усиливал эфирник третьего уровня с базовыми умениями огня и воздуха. Операция шла, как по часам, объект вынудили выйти из здания, и он должен был воспользоваться эфиром...

— Но не воспользовался? — спросил смайл, который стал немного понимать речь военного.

— Нет, не воспользовался, — ответил полковник. — Иначе я бы повесил на него метку.

— Так, может быть, это не он запустил столб эфира в небо? — смайл на экране начинал злиться.

— Наша группа аналитиков считает, что больше некому, так как именно объект был вызван на разбор императорской комиссией магов. Просто так туда не вызывают, — ответил маг-военный.

— Но его же отпустили, значит, не он. Иначе он уже пылал бы на Красной площади! — высказал смайл своё мнение.

— Там разве до сих пор так казнят? — удивился военный. — Я думал, они ушли от столь варварских методов казни.

— Неважно, — рыкнул смайл. — Что случилось с группой потом? Кто их убил? Где тела?

— Ни на один из этих вопросов нет ответов, — произнёс военный, продолжая стоять по стойке смирно. — Группа просто исчезла в единый миг. Ни тел, ни следов, ничего. Словно их просто переместили куда-то вне нашей зоны доступа.

— Телепортировали? — удивился смайл.

— Нет, — ответил полковник. — Тогда бы мы знали. Просто исчезли.

— Ищите, что я могу сказать, — проговорил смайл. — А по поводу объекта вы всё-таки уверены?

— Никаких других подозреваемых у нас нет.

— Ясно, — ответил смайл. — В таком случае санкционирую операцию по захвату объекта. Только подготовьтесь лучше на этот раз и не облажайтесь. Возьмите больше людей, если надо. Эти абсолюты на чёрном рынке по пять копеек за пучок.

Полковник, обладавший немного другой информацией, посчитал за благо промолчать. Услуги двух абсолютов-наёмников им обошлись в годовой бюджет небольшой страны.

— А если окажет сопротивление? — поинтересовался маг-военный.

— Эти вводные я передам вам в течение суток после внутреннего совета, — ответил смайл.

— Вас понял, разрешите приступить к планированию новой операции.

— Валяйте, — ответил смайл и отключился, не успев увидеть гримасу, которую скорчил военный.

*

Императору, несмотря на позднее время, было не до сна. Он, как заведённый, ходил из угла в угол. Ситуация складывалась не из простых. Он-то надеялся, что после смерти Разумовского всё образуется, но куда там. Стало только хуже. И непонятнее.

Магнус сидел в удобном кресле и беззаботно грыз яблоко.

— Обожаю антоновку, — сказал он. — В меру кислая, но, главное, богата железом.

Император остановился и воззрился на своего гостя.

— У меня иногда складывается чёткое ощущение, что ты надо мной издеваешься, — высказался он. — Мою дочь второй раз за неделю чуть не убили, а ты яблоки обсуждаешь!

— Ну не убили же! — равнодушно заметил пришлый маг. — У неё отличный защитник в лице Никиты Державина. Хотя... она и сама кому хочешь навалит. Особенно, воссоединяясь с сестрой.

— Ай, — отмахнулся монарх, — про это-то зачем?

— А что? — ответил Магнус. — Ты просто не видел, как они вдвоём работают. Патриаршие за семнадцать секунд вскипятили и ещё за тридцать восемь выпарили. Ещё ни один чайник ни в одном из миров даже близко не достиг таких показателей.

— Всё бы тебе хиханьки, — раздосадовано покачал головой император. — Ты мне лучше ещё раз про нападавших расскажи. Кто они? Откуда? Кто их нанял? Кто был их целью?

— Обычные наёмники, — ответил гость, затем поискал глазами мусорное ведро, не нашёл, вытащил из кармана салфетку, завернул в неё огрызок, и этот свёрток тут же растворился в воздухе. — О нанимателе ничего не знают. Поверь, мои методы допроса более чем действенны. Их услуги купили в даркнете, и тут даже я не смогу проследить. Но думать-то тебе надо не об этом.

— А о чём? — император снова остановился и воззрился на собеседника.

— А о том, что кем бы ни был наниматель, он всерьёз взялся за твою семью. И, если хорошо так поразмыслить, то два нападающих мага-абсолюта — это, конечно, страшно, но вот

курующий их и усиливающий эфирник — это куда хуже. Знаешь, почему?

— Говори уже, — раздражённо бросил Ярослав Иванович. — Не люблю всех этих подводок.

— Просто хочу, чтобы мозги твои заработали, — ответил Магнус, вставая. — Как бороться с эфирником? — спросил он императора в лоб.

— Не знаю, — ответил тот. — Слава богам, у нас их истребили ещё лет пятьсот назад.

— Ответ неверный, — сказал пришлый маг и подошёл к окну, за которым ночная темень расцвечивалась весёлыми огнями. — Ты просто не сможешь бороться с эфирником, потому что не увидишь его магии. Тут у вас просто сеть отсоса энергии организована, а вы в ус не дуετε. Почему? Потому что не видите!

— Но...

— Это должно помочь выйти на заказчиков, — перебил императора Магнус. — Вопрос-то не в этом. Накаркали вы с зарубежными абсолютами, это да, просто в цвет. Но! Ты смотри, за последний месяц это уже третье покушение на Варвару. А что твои следователи? Есть версии? Или всё объясняют различными факторами?

— Потому что нечего сбегать! — монарх вычленил лишь одно обстоятельство из речи собеседника. — Сидела бы дома, во дворце, и никаких покушений бы не было! Надо бы её под домашний арест для острастки.

— Это лишь облегчит задачу тем, кто на неё ведёт охоту, — проговорил пришлый маг. — Ты, кажется, не понимаешь, что не сможешь подготовиться к войне, если слеп и не видишь сборов вражеской армии.

— К чему ты всё это ведёшь? — напрямую спросил император.

— Всё очень просто, — Магнус сел обратно в кресло. — Для того, чтобы противостоять эфирникам, тебе нужен свой эфирник.

— Но они же все истреблены, — потеряно проговорил император.

— А Санлайт закрывается навсегда, конечно, — непонятно к чему ответил гость. — Я тебе русским языком с диалектом вашего мира объясняю, что даже среди нападавших был эфирник. Хреновенький, конечно, и, судя по умениям, скорее воскрешённый, чем живой, но всё-таки был. А это означает, что за всем этим стоят именно эфирники. А их ты не увидишь, как ни старайся. Они работают с другим уровнем магии.

Император сел за свой рабочий стол и закрыл лицо руками.

— Я ничего не понимаю, — признался он. — Что я должен сделать сейчас?

— Надо найти эфирника и взять на службу, — терпеливо повторил Магнус.

— Если я увижу такого, закон предписывает мне уничтожить его, — развёл руками Ярослав Иванович.

— Вот поэтому у вас и бардак. Если бы меня столетиями изводили, я бы, честно говоря, тоже сильным добродушием не страдал бы, — Магнус смотрел на императора в упор. — Единственный твой шанс — меняй к хренам законы и нанимай эфирника. Только нужен такой, кто за тебя умрёт. Хочешь Валю за него выдавай, хочешь земли ему жалуй, но держи при себе всегда.

— Представляю, что мне скажет совет магов, — покачал головой император.

— А вот их как раз можно и казнить, — проговорил Магнус и широко улыбнулся.

Монарх сверкнул на него глазами.

— Да не всех, не всех, — спохватился тот. — Так, человек двух-трёх для острастки.

*

Я и не припомню, когда у нас в башне было столь людно. Деду отдали два этажа, дяде Славе, Белле и Вале по этажу. Единственный момент, который настораживал, все они оказались у нас потому, что их дома стали непригодными для проживания.

И, если Державинский небоскрёб ещё хоть как-то выстоял, и его обещали отремонтировать в самые сжатые сроки, то особняк Беллы восстановлению не подлежал. Но бабушка держалась молодцом и лишь сказала, что всё равно в ближайшее время планировала вернуться в Крым.

Я же, убедившись, что все оказались в безопасности, заперся у себя, попросив никого меня не беспокоить. Нужно было многое обдумать. Ну и сказывалось то, что разгрузить нервы с прошлых передряг так и не получилось. У нас было всего-то часа полтора-два в особняке, пока мы расслаблялись и ржали над всем подряд.

А сейчас мне было не до смеха.

Я подошёл к бару и взял первую попавшуюся бутылку. Бокал отыскался в соседнем шкафчике. Поискав удачное место для того, чтобы предаться грусти наполоам с алкоголем, я заметил стол с огромным зеркалом за ним. У этого зеркала нужно было собираться на приёмы и смотреть, чтобы все предметы гардероба полностью соответствовали этикету.

Я сел на один из удобных и невероятно презентабельных стульев, налил себе горячительной жидкости в бокал и уже хотел было чокнуться с зеркалом, когда увиденное в нём заставило меня отпрянуть, чуть не расплескав содержимое бокала.

— Ну чего началось-то? — спросил меня Архос из зеркала. — Ты же меня уже видел!

Я взглянул в элегантного мужчину, что отражался в зеркале вместо меня. Да, тонкие, иногда до остроты, черты лица, аккуратная бородка и пронизательные глаза. Ровно тот же

образ, что я видел, когда лежал с остановившимся сердцем. Просто на этот раз на нём не было шляпы, а шею обвивал атласный шарф.

— Предупреждать же надо, — ответил я. — А то сейчас пришлось бы мне сердце во второй раз запускать.

— Ну ты же уже знаешь, как это делается, — усмехнулся он. — Так что не страшно.

— А вдруг оно в какой-то раз откажется заводиться? — решил уточнить я.

— Это обычный насос, — отмахнулся от меня учитель. — Заменить запчасти и использовать дальше.

— Как у тебя всё легко, — я поднял свой бокал. — Поддержишь меня?

Архос в зазеркалье спохватился и взял свой бокал — отражение моего.

— За что пьём? — спросил он.

— За мою несостоятельность, — ответил я и осушил бокал одним глотком, чувствуя, как жидкость обжигает пищевод. — И полное несоответствие званию Примарха, что бы оно там ни значило.

— Нет, — Архос отставил бокал. — За это я пить не буду. С чего ты взял, что ты несостоятелен?

— А ты не видел? — я налил себе ещё. — Людей, которые были со мной, едва не превратили в подушечку для ледяных иголок. А затем чуть не утопили в раскалённом земляном супе.

— Против нас было два абсолюта и эфирник, — Архос пожал плечами, поднёс бокал к носу и принюхался. — Как здорово ощущать запахи, боги вы мои!

Я пропустил его последнюю фразу мимо ушей.

— Ну и что? — продолжал я себя накручивать. — Я же должен быть сильнее всех! Примарх, как ты говоришь, самый крутой. А по итогу против трёх магов ничего толком противопоставить не могу!

— Я позволю себе повториться, — проговорил мой наставник, аккуратно пробуя жидкость из бокала, — но двое из них были абсолютами.

— Это не должно влиять на мою обороноспособность, — отрезал я.

— И ещё ты не мог пользоваться эфиром, — заметил Архос.

— Вот это тоже, кстати, подстава: магий во мне пруд пруди, а пользоваться ничем нельзя, сожгут нахрен! Да и не умею я ничем толком пользоваться-то, — я махнул второй бокал и

почувствовал, как слегка зашумело в голове.

— Ты работаешь над этим, — проговорил Архос и опустошил свой бокал. — Нельзя в единственное мгновение стать всемогущим. Более того, зачастую тебе будет казаться, что ты топчешься на одном месте. Вышел, так сказать, на магическое плато.

— Что такое магическое плато? — спросил я.

— Это когда занимайся не занимайся, уровень ты уже не поднимешь. Всё, ты дошёл до своего предела и упёрся в него. Девяносто девять магов из ста этим и ограничиваются.

— А сотый что делает? — мне действительно была до лампочки судьба тех, кто останавливается и не развивается дальше.

— А сотый... — Архос внимательно наблюдал за тем, как я, наполняя свой бокал, одновременно лью жидкость и в него. — Сотый меняет подход, интенсивность, направленность. Одним словом, всячески ищет лазейку, как ещё увеличить свой уровень.

— И у него это получается?

— В девяносто девяти случаях из ста — нет, — ответил мой наставник из зазеркалья.

— То есть это слишком сложно? — я уже прикидывал, как буду преодолевать свои блоки, скрипя зубами.

— И да, и нет, — начал было Архос.

— Только давай без этих твоих присказок, — попросил я.

— Они слишком быстро сдаются. Называют себя несостоятельными и несоответствующими собственным представлениям, — ответил учитель.

Мне понадобилось несколько секунд на обдумывание того, что он сказал.

— Уел, — согласился я. — Но у меня такое паршивое чувство из-за того, что не смог раскатать этих магов. Эх!

— Просто ты забыл, что можешь прокачать эфиром собственную магию воздуха и ею смести даже абсолютов, — Архос поднял бокал. — Давай всё-таки за могучего Примарха, который надерёт все враждебные задницы и сокрушит все неприятельские черепа.

— Я же не использовал это, полагая, что вообще нельзя трогать эфир... — проговорил я, понимая, что ещё и допустил ошибку в обороне. Но учитель с бокалом в руке смотрел на меня из зеркала очень воодушевляюще. — За Примарха! — согласился я. — И за возможность иногда совершать ошибки!

И мы выпили.

Однако ещё не успели наши бокалы встать на стол по обе стороны от зеркала, как сзади раздался новый голос. И тоже уже знакомый.

— Простите, что без разрешения, — Магнус прошёл ко мне и протянул руку, которую я и пожал. — А ты, я смотрю, продолжаешь отдыхать, — проговорил он. — Да ещё и в компании, — непонятно откуда появившийся маг кивнул на зеркало. — Забавная зверушка.

— Ты меня видишь, что ли? — удивился Архос.

— Ну а как тебя не увидишь? — с шутливым вызовом спросил Магнус. — Ты же, вон, половину зеркала занимаешь.

Происходящее начало напоминать мне театр абсурда.

Тем временем Магнус поднял бутылку, из которой я разливал горячительное.

— Ух, зверская штука, — сказал он уважительно. — Позволишь?

Я кивнул. Ну а что мне оставалось делать? Гость взял себе бокал, налил в него на два пальца янтарной жидкости, а затем плеснул и нам с Архосом.

— Ты, правда, извини, что ворвался, — проговорил Магнус. — Но человеческим путём меня бы к тебе не пустили.

— Почему? — спросил я.

— Да потому что ты сам попросил никого до завтрашнего утра к тебе не впускать, — развёл руками Магнус. — А у меня с этим всегда проблема.

— С чем? — не понял я.

— Ну, где я и где утро, — он поднял бокал. — Выпьем?

Я снова кивнул, понимая, что мне уже хватит.

— Ничего, я тебе такое заклятие от похмелья потом покажу, — сказал Магнус. — Мне его один старик пасечник по дружбе передал. Ты просто не представляешь, сколько молодых ведьмочек потом за это заклятие... Впрочем, я отвлёкся. Давай, Никит, за тебя. Ты поистине великий маг! В будущем! — поправился Магнус. — Неотдалённом.

— Вот и я тоже самое говорю! — встрял Архос, затем они соприкоснулись бокалами, и уж только после этого я подставил свой, чтобы не опоздать.

А когда мы выпили, я с подозрением принялся переводить взгляд с одного на другого и обратно.

— Вы уже спелись, что ли? — удивился я.

— Почему ты так решил? — спросил Магнус.

— Когда бы мы успели? — фыркнул Архос.

— А я почём знаю, — ответил я. — Один мне прочит какие-то там лавры правителя или что-то вроде того, ты тоже туда же — великий маг. Вот я и думаю, когда вы успели сговориться?

— То есть мысли, что мы оба просто говорим тебе правду, ты не допускаешь? — поинтересовался Магнус, наливая жидкости из бутылки только себе и моему наставнику.

Я удивлённо глянул в свой бокал, но тот оставался пустым.

— Тебе стоит пропустить, — сказал Магнус.

— Он просто переживает из-за сегодняшнего инцидента, — проговорил Архос, обращаясь к гостю. — Полагает, что недостаточно хорошо справился.

— Ах, вот оно что! — понял тот. — Даже не парься. Из твоих никто и не пострадал. Ты отработал на сто пятьдесят процентов. Вообще молодец, я, собственно, потому и тут.

— Наконец-то, мы дошли до цели твоего визита, — я закатил глаза, осознавая, что изначально общаюсь с Магнусом на «ты», и это меня абсолютно не напрягает. — Я так понимаю, что не компанию и бесплатную выпивку ты искал.

— А тебя не обманешь, — усмехнулся гость. — Поражаюсь твоей проницательности.

Архос хрюкнул на этот пассаж.

— Ладно, хватит, — попросил я. — Я так понимаю, серьёзные вещи-то будем обсуждать, а?

— Очень, — Магнус враз подобрался. — Только без юмора далеко не ускакать и врага не одолеть. Я пришёл, чтобы предложить свои услуги. Потенциал в тебе охренительный просто, но его надо правильно развить. То же твоё эфирное сердце если задействовать, то тех самых абсолютов можно как щенков раскидывать. А это даже не самая сильная магия из тех, что в тебе таятся.

— Но эфир — это же изначальная магия, — удивлённо произнёс я. — Что может быть сильнее неё?

— Слушай, ну эфир — это основа, любой коктейль шарахнет сильнее. Сейчас это вообще не столь важно. Я хочу услышать твоё принципиальное согласие или, наоборот, несогласие на обучение, — сказал Магнус и выпил с Архосом.

— Архос? — спросил я. — Ты к этому как относишься?

— А как? — удивился мой ментальный наставник. — Магнус тебе может дать такие знания, которых у меня нет. Ты же знаешь, я — узкий специалист в области магии.

— Тогда я согласен, — и что-то даже дрогнуло в моём голосе, хотя он прозвучал излишне пафосно и торжественно.

— Отлично, и вот тогда первый вопрос по существу, — Магнус откуда-то достал кусок вяленного мяса и раздал по кусочку нам с Архосом, а затем обратился к моему учителю: — Ты долго там за зеркалом отсиживаться собираешься? Или всё-таки составишь нам компанию во плоти?

— Я бы с радостью, но пока нет такой физической возможности, — тип за зеркалом пожал плечами.

Я сначала думал, что ослышался, но нет, они действительно разговаривали о том, чтобы Архосу стать самостоятельным человеком. Или пауком. Или всем сразу.

— Пф-ф, — высказался на это Магнус. — Проще пареной репы. Надо-то минут пятнадцать времени и литра два крови, — он многозначительно посмотрел на меня.

— Его таким не проймёшь, — ответил Архос. — Он за друзей готов хоть всю отдать. Борюсь с этим, борюсь, но бесполезно.

— Тем более, выходи, — проговорил гость, — будем его вместе уму-разуму учить, — а затем посмотрел на меня. — И тебе полезно — в два раза больше пинков — двойное ускорение в счастливую жизнь.

— Да я-то, в целом, за, — я видел, как у моего ментального учителя загорелись глаза. — Всё думал, как мы будем переживать период всяческих ухаживаний, — он развёл руками.

Я буквально не успевал мыслями за развернувшимся диалогом.

— Ты-то сам не против, чтобы Архос обрёл тело? — спросил меня в лоб Магнус.

— В принципе, нет. Вот только не совсем понимаю, зачем это сейчас, — ответил я.

— Насчёт «зачем» я объясню, — проговорил Магнус, снова наполняя бокалы, на этот раз все три. — Вот, например, целуешься ты с принцессой. У вас там уже обнимашки, шуры-муры, вот это вот всё. Ты её то за грудь, то за попу ухватишь. И всё уже идёт к этому делу, ты понимаешь. А у тебя в голове в это время наблюдательный пункт другого разумного существа, а? Автоуайеризм, во... Или даже не авто. Короче, стрёмно тебе не будет от этого ощущения? Нет? А вот Архосу, думаю — да.

— Блин, — я чувствовал, как кровь прилила к ушам. — Ты ещё так это всё описал прям...

— Мерзко? — с предвкушением спросил Магнус.

— Натурально, — ответил я. — Что, наверное, да. Если Архос не обидится...

— Обижусь? — взвился мой наставник. — Думаешь, приятно быть лишь составной частью

кого-то? — и тут же сбавил обороты. — Хотя, конечно, быть частью великого Примарха — это честь.

— Тогда мы согласны на тело, — кивнул я. — Сейчас займёмся?

Магнус не отвечал. Он словно к чему-то прислушивался.

— Я ещё хотел бы узнать, кто на меня охотится и зачем? — проговорил я, понимая, что совсем скоро мне понадобится заклятие непрошенного, но такого нужного гостя.

— Эфирники, — совершенно другим отстранённым тоном проговорил Магнус, продолжая сосредоточенно слушать что-то недоступное нашему уху. — Они пятьсот лет собирались, чтобы взять реванш за истребление своих родов, и теперь не потерпят никого на своём пути...

— А... — начал было я.

— Так, — Магнус оживился и посмотрел мне в глаза. — Чрезвычайные обстоятельства. Мне нужно срочно исчезнуть на некоторое время. Ты, — он указал на меня, — постарайся не сдохнуть за то время, пока меня не будет. Ты, — он указал на Архоса, — не дай ему умереть. Задачи ясны?

— Да, — ответили мы хором.

И мой гость тут же растворился в воздухе.

*

Дорогие читатели, поздравляем вас с новым годом!

Желаем, чтобы добрая магия наполняла каждое мгновение вашей жизни!

Пусть ваше эфирное сердце будет настолько большим, чтобы перерабатывать все невзгоды в жизненный опыт и уметь радоваться самым незначительным мелочам!

Волшебных вам праздников! Улыбок близких вам людей и бесконечного тепла домашнего очага!

А мы вернёмся к вам с продой 3 января 2024 года.

Подарки принимаем лайками, тёплыми пожеланиями в комментариях, подписками и наградами.

Всех обнимаем и поднимаем за вас бокалы с лучшим шампанским из погребов Беллы Донатовой:)

Ваши авторы

Из Кремля вылетали рано утром. Император решил, что с него хватит московской жизни, пора в столицу. Варвара ехать не хотела, но ей нужно было о многом поговорить с отцом, поэтому она не сопротивлялась его решению.

В конце концов, Никиту можно будет вызвать и в Питер, а пока ему точно нужно отойти от последних происшествий. Она видела, в каком состоянии он был, когда они расставались. Принцесса думала, что его надо как-то приободрить, но затем решила не лезть. Он — сильный мужчина и сам знает, как действовать.

Отец тоже был не в духе, но и его тоже можно было понять. Столько событий свалилось на него всего за одну неделю. Однако, по мнению Варвары, это не было поводом замыкаться. Наоборот, пора сближаться внутри семьи. А то поздно будет.

Она под села к отцу. Он посмотрел на неё и спросил:

— Тебя что-то беспокоит?

— Да, — ответила принцесса. — У меня довольно много вопросов. Сможешь удовлетворить моё любопытство?

— Насколько компетентен сам, — развёл руками Ярослав Иванович.

— Перво-наперво: кто такой Магнус? Возможно, заодно пойму, почему он себя ведёт так развязно, — Варвара внимательно наблюдала за мимикой отца, чтобы определить степень правды, с которой он решил говорить.

— Он из другого мира, — развёл руками монарх, и, судя по его реакции, это была чистая правда.

— Странно, что его до сих пор не казнили наши абсолюты, — заметила на это Варвара.

— Казнили бы, если смогли бы. Но он им не по зубам. Я вообще сомневаюсь, что в нашем мире есть сила, которая его может хотя бы затормозить, не говоря уже о том, чтобы остановить, — император задумчиво глянул в окно.

— Вот это новость! — впечатлилась девушка. — А где же он был такой непобедимый во время битвы с Разумовским?

— В каком-то из других миров, — проговорил монарх.

— То есть мир не один? — спросила Варвара.

— Как капель воды в океане, — ответил Ярослав Иванович. — А то и в разы больше. Что же до Магнуса — это очень интересный тип. Сам себя он называет странником меж миров. Какие у него цели и задачи? Зачем он приходит к нам? Куда потом уходит? Мне ответы на

эти вопросы неведомы.

— Так зачем же ты его подпустил к себе так близко? Я вчера, если честно, была ошарашена тем, сколь много он себе позволяет в твоём присутствии, — на самом деле в принцессе не было негодования, зато интересно той было до ужаса.

— О, это давняя история, — проговорил император. — В пору своей молодости я любил ходить в народ, переодевшись.

— Это я уже по существованию Вали догадалась, — сказала принцесса.

— Дочь, ну хватит... — Ярослав Иванович состроил страдальческое лицо. — Я же признал свои ошибки. Так вот, как-то раз в одном баре рабочего квартала ко мне подсел человек и доверительно сообщил, что императору не так стоит собирать информацию о своём народе. Точнее, не только в момент отдыха, но и в момент труда. Я сначала подумал, что это кто-то из моей службы безопасности, а когда понял, что это не так, решил поднять тревогу... и не смог.

— Многообещающее начало знакомства, — подняла бровь Варвара.

— О, ещё какое! — улыбнулся император. — Я помню, тогда уже с жизнью попрощался, на что Магнус сказал мне не дрейфить и пообещал показать настоящую жизнь народа.

— Показал? — уточнила принцесса.

— Показал, — кивнул император. — Я даже несколько законов принял в защиту населения, когда вернулся во дворец.

— Но на глубокие реформы тебя, как я понимаю, не хватило? — продолжала допытывать отца Варвара.

— Человек слаб, — он развёл руками.

— Ты не человек, а император, — заметила на это дочь.

— Магнуса тогда поблизости уже не было, а я потерял направление, в котором надлежало идти, — ответил монарх. — Мне даже показалось, что лучше всё оставить, как есть, и тогда моё правление останется светлым в памяти граждан.

— Каких именно? — усмехнулась Варя. — Таких, как Шуйский или Тихоцкий?

— Не наседай на меня, — проговорил император и блеснул глазами. — Мы про Магнуса говорили.

— Да, — согласилась принцесса. — Отодвинем этот разговор подальше. И что, Магнус, получается, всемогущий? Как боги?

— В чём-то, полагаю, нет, — ответил Ярослав Иванович, затем подумал и добавил неожиданно даже для себя. — А в чём-то, возможно, и превосходит их.

— Ого! — Варвара уважительно покачала головой. — Тогда ты прав, таких людей надо держать в союзниках.

— Вот именно, — кивнул монарх. — Тем более, он очень доброжелательный. И переживает чуть ли не за каждую былинку.

— А это прекрасное качество, — согласилась Варвара и поневоле вспомнила Никиту. — Тогда вопросов по нему больше не имею, но есть ещё несколько не по этой теме.

— Кстати, — император решил не переходить пока на следующую тему. — Он посоветовал тебе чаще общаться с Валею. Говорит, что магическая петля... Не спрашивай, сам толком не понял, про что он. Так вот, магическая петля у вас одна на двоих. И, чем больше вы будете находиться вместе, тем лучше для вас, так как в каждой будет формироваться своя собственная, не зависящая от других петля.

— Магическая петля? — переспросила Варвара.

— Да, он ещё сравнил её с кругами кровообращения, — продолжал монарх. — И сказал, что именно из-за этого у тебя проскакивали бесконтрольные выбросы магии.

— То-то я и думаю, почему у меня рядом с Валею получается то, что без неё не выходит, — себе под нос пробурчала принцесса.

А в памяти её всплывали недавние эпизоды. Бадабумс в подвале заброшенного цеха, стена дворца в Царицыно и, наконец, сопротивление магу огня на Патриарших, а затем полное испарение оттуда воды. Каждое из этих действий ей в одиночку было бы не под силу. Но вместе с сестрой она делала это походя, даже не отдавая себе в этом отчёт.

В ней появлялась некая целостность, которой не хватало всю прошедшую жизнь. Даже сейчас, сидя в самолёте, который стремительно нёс их домой, она не чувствовала комфорта. Её тянуло к сестре.

На вечеринке, устроенной Никитой, Валя сказала ей, что они вместе с Беллой собираются в Крым. Это было ещё до нападения. Что ж, усадьба Беллы совсем недалеко от Ливадии... В голове Варвары начал зреть план.

— И да, насчёт Вали, — прервал Ярослав Иванович течение мыслей дочери. — Я ей подобрал неплохую семью. Это дальние родственники нашего Тарковского...

— Нет-нет, — всё ещё находясь в задумчивости, проговорила Варвара. — Ей не нужна никакая новая семья, у неё уже есть.

— То есть! — в голосе императора послышались раздражённые нотки.

— То есть Валя будет воспитываться в семье Донатовых, — сказала принцесса, не заметив изменившегося тона отца. — Белла согласилась помочь в вопросе превращения пацанки из трущоб в светскую леди.

— Я что-то не понял, — на этот раз в голосе Ярослава Ивановича уже звучала ничем не прикрытая сталь. — Почему вопрос с моей дочерью решают без меня? И вообще, кто так сказал?

— Я сказала, — ответила Варвара, и от её ответа повеяло таким льдом, что император тут же начал остывать. — Я сама обратилась к Никите и попросила определить Валю к Белле. Я не хочу, чтобы она вдруг оказалась в плохой семье, понимаешь?

— Да, но, — монарх явно сбавил тон, — там хорошая семья.

— Для тебя, может быть, и хорошая, а для человека, привыкшего жить в трущобах, неизвестно, — отрезала Варвара. — С них станется, ещё попрекать начнут или прошлое припоминать. Либо того хуже, начнут стелиться перед императорским бастардом и лелеять влажные мечты породниться.

— Ты так это всё отвратительно описала, — заметил Ярослав Иванович.

— Как есть, — ответила Варвара. — Я не знаю никого лучше Беллы, кто мог бы воспитать настоящую леди.

— Но она же — маг воды, — достал свой последний аргумент император. — Как она сможет учить владению огнём.

— Нанять мага для обучения — нет ничего проще, — ответила принцесса, и в этот момент ей в голову пришла неожиданная мысль. — И вообще, — глядя в глаза отцу, проговорила она, — на первых этапах я могу её учить вместе с Хунь Ли.

— Ты, что, хочешь летать туда-сюда? Это небезопасно! — монарх понимал, что контроль над ситуацией с собственной дочерью стремительно выскальзывает из его рук. — Да и потом, с теми потерями, что есть, нам будет крайне сложно обезопасить периметр Ливадии.

— Ты же давно хотел отработать вариант с двойником-иллюзионистом, — задумчиво проговорила Варвара.

— Ты чего удумала? — не выдержал Ярослав Иванович.

— Я, пожалуй, тоже поеду в Крым, — принцесса не отвечала, а проговаривала план, родившийся у неё в голове. — Вместе с Валей. От маминых глаз подальше. Прикинемся ученицами Донатовой. На меня только надо будет тоже накинуть иллюзию. А при дворе пусть остаётся мой двойник. Только желательно немой, чтобы мне потом за сказанные глупости краснеть не пришлось.

— Ты понимаешь, что ты говоришь? — спросил поражённый император.

— Абсолютно, — ответила ему дочь. — Избегаю очередного покушения.

— Но мне же надо будет отрядить тебе охрану, и...

— Нет, это лишнее, — оборвала его принцесса. — Во-первых, они меня полностью демаскируют. А, во-вторых, как показала практика, маги-защитники четвёртого и даже седьмого уровней против наших нынешних врагов бесполезны. Мы с Валею и то сможем дать более серьёзный отпор. Абсолютов же ты не сможешь отправить вместе со мной.

— Не смогу, — согласился монарх. — А эфирника у нас своего нет.

— Эфирника? — напряглась принцесса.

— Забудь, — отмахнулся он. — Это государственная тайна.

— Нет уж, раз начал, говори, — снова добавив льда в голос, сказала принцесса. — Мне можно, я тоже в каком-то смысле государственная тайна. Эфирники существуют?

— Да, — кивнул император. — Магнус сообщил мне, что среди нападавших был эфирник, который усиливал абсолютов.

— Вот даже как, — тихо проговорила Варвара, у неё в памяти что-то шевельнулось. — Я думала, что они — чисто миф, как рептилоиды.

— Нет, — Ярослав Иванович покачал головой. — Они существовали несколько сотен лет назад, а затем устроили переворот в Италии, и их всех вырезали. А затем законодательно запретили. Но, как оказалось, они выжили. И не только выжили, но и сколотили свою организацию. А теперь угрожают нам с тобой.

— Немудрено, — пожала плечами принцесса. — Я бы тоже расстроилась, если бы мой род уничтожили, а затем на законодательном уровне запретили. Да ещё и память постарались бы вымарать. И, конечно же, попыталась бы что-нибудь предпринять.

А в голове у Варвары снова зашевелились воспоминания. Никита что-то спрашивал про эфирников. Хотел найти литературу про них, но она тогда не слишком серьёзно к этому отнеслась. А затем он взял рукописную книгу... дневник. Она залезла в телефон и проверила библиотечную запись «Дневник Маврокордато». Ей кажется, или эта фамилия была в списке уничтоженных родов? Уничтоженных, как теперь становится ясно, за умение пользоваться эфиром, чем бы он ни был. Нужно обязательно будет сопоставить всю имеющуюся информацию.

— Всё это так, только основная проблема в том, что мы не видим эфирную магию и никак не сможем защититься. Именно поэтому Магнус рекомендовал нам взять на службу эфирника, — ответил на это отец.

— Ну, допустим, найдём мы эфирника по объявлению в даркнете, — хмыкнула Варвара. — И что? Он к нам работать, что ли, пойдёт? Да его твои абсолюты тут же сожгут на Красной

площади ко всем богам!

— Да, проблема... — протянул император. — Без него нас убьют, а нанять законы не позволяют.

— Папенька, — принцесса добавила максимальное количество сарказма в голос, — основная проблема — это ваша мягкотелость. Правильно Магнус сказал, надо менять законы, если они во вред короне! Разве примера Никиты Державина мало? Ты едва не позволил казнить человека, рисковавшего жизнью и ради меня, и ради тебя, и ради империи. Поверь, этот список можно продолжать долго. Но я же видела, ты был готов казнить его.

— Мне просто не позволили бы поступить иначе, — развёл руками Ярослав Иванович.

— Слушай, — Варвара наклонилась поближе к отцу, чтобы больше никто не услышал её слов. — Ты — император или подставка под корону? Ты просто не представляешь, чего ты избежал. Повернись процесс не в пользу Никиты, я бы этого терпеть не стала, уж поверь.

— Дочь... — император хотел дать ей отповедь и не мог.

— Подожди, — сказала она почти с тем же выражением, что это говорил Магнус, показывая на своей ладони смерч. — И вот снова. Тебе для сохранения головы, причём, не только твоей, нужен на службе эфирник. А тебе законы не позволяют. И ты боишься переделать эти самые законы! Ну что ж, тебя убьют, поздравляю!

— Да мне же не дадут! — прорычал монарх, обнажая в голосе бессилие.

— А ты не спрашивай! — зло проговорила Варвара, откинувшись в кресле. — Не поверю, что у тебя на каждого из этих абсолютных клоунов нет папочки. Плюс мы с тобой уже видели, кто нам лоялен, а кто нет. Вот и начни уже интриговать, как нормальный правитель. Этого подкупи, того шантажируй, третьему пригрози, четвёртому дочь или сына пристрой, куда надо. Вот и всё! Нам все тринадцать голосов не нужны, достаточно девяти.

— Дожили, — мрачно проговорил император. — Уже яйца начали учить курицу.

— Ты меня сам воспитывал будущей императрицей! — парировала принцесса. — Я не собираюсь быть красивой куклой с прилипшей улыбкой, которая подмахивает нужные кому-то документы. Это мечта Разумовского, а не твоя. А мозги-то у меня на месте.

— На месте, — расстроенным голосом подтвердил монарх.

Он вынул смартфон, как бы намекая, что не хочет больше поддерживать разговор на эту тему. Варвара хорошо его знала и понимала, что теперь лучше помолчать. А отец примет нужное решение.

Однако Ярослав Иванович недолго листал новости. Внезапно его лицо исказилось.

— Вот же настырные! — проговорил он. — Их в дверь, они в окно.

— Что случилось? — совершенно другим, пропитанным дочерней заботой голосом спросила принцесса.

— Да вот, смотри, — довольный, потому что удалось перевести тему, проговорил монарх и дал ей свой телефон, чтобы она прочитала.

‘Во Франции, Португалии и Дании после длительных тестовых испытаний заработали первые установки телепортации. Сообщают, что на данный момент эта передовая технология ещё слишком дорога в использовании, поэтому доступна буквально единицам. Сегодня мы с вами узрим первых довольных аристократов, перенёсшихся из одного места в другое мгновенно.

Надо заметить, что создатели заверяют, что они ведут работы по удешевлению телепорта, чтобы данная технология получила массовое распространение’.

— Это как-то связано с тем, что мы обсуждали? — спросила Варвара.

Император нахмурился, но тут же вспомнил, что именно Разумовский устроил презентацию телепорта.

— Не знаю, дочь, — ответил он. — Очень даже может быть.

*

Магнус испарился, так и не поделившись заклятием от похмелья, поэтому на завтрак я поднялся с жуткой головной болью и красными глазами. Хорошо, что всё это списали на мою усталость от сыплющихся на мою голову приключений.

Я поздоровался со всеми и даже в таком состоянии отметил, что отец выглядит гораздо лучше, чем несколько дней назад. Насколько я знаю, он каждый день ездил на терапию к Вяземскому, и это давало свои плоды.

После еды дед пригласил меня поговорить. Мы устроились в гостиной на том же этаже, что и столовая.

— Ты как? — спросил он, усаживаясь в мягкое кресло. — Видок у тебя тот ещё.

— Очень плохо спал, — ответил я и почти не соврал, спал я сегодня действительно ужасно.

— Надо думать, после таких-то перипетий, — кивнул дед. — Начальник группы защиты сказал, что вы всё время были на связи?

— Да, — ответил я. — Насколько это позволяли обстоятельства. Они, молодцы, отработали хорошо. Жаль, только против магов они бессильны.

— Всё так, — согласился дед. — Ещё и снайпера потеряли.

— Всё-таки убили? — я почему-то загрустил, мне не хотелось думать, что, прикрывая меня, кто-то погиб. — Очень жаль.

— Его семья уже получила компенсацию, — заверил меня дед. — Сделаем всё, что в наших силах.

Мы ещё поговорили на различные темы, но именно эта не давала мне покоя больше всего. Именно на ней я заикнулся. Я понял, что во всех последних передрыгах мне не хватало одного — оперативной информации.

И когда я возвращался к себе на этаж, кроме мысли о том, чтобы как-нибудь справиться с похмельем, во мне жила идея об эдакой сети осведомителей, которые доносили бы до меня всю необходимую информацию.

«Лучше поздно, чем никогда, — язвительно заметил на это Архос. — Кажется, ты начинаешь учиться».

«Прости, дорогой мой наставник, — сказал я, чувствуя, что каждое его слово отдаётся болью в моей голове, — но я не очень хорошо сейчас соображаю и поэтому понятия не имею, о чём ты».

«Я, конечно, не Магнус, у меня рассолового заклинания нет, но немного облегчить твои муки смогу, чтобы ты смог соображать», — проговорил мой наставник.

В следующую минуту я не то что бы почувствовал себя хорошо, но всё-таки некоторое облегчение появилось. По крайней мере, не хотелось отрубить себе голову, чтобы она болела где-то в другом месте.

«Лучше? — спросил Архос. — Теперь можешь понимать намёки?»

«Лучше, — ответил я. — Но лучше пока без намёков. Я думал о большом количестве информаторов, которые смогут делиться со мной оперативной информацией практически из любой точки. Понимаю, что это невозможно, но...»

«Почему же? — мой ментальный наставник явно бравировал, так как располагал некими знаниями, а также считал, что ими обладаю и я. — Ты всё время забываешь, кто ты».

«Примарх?» — спросил я.

«Примарх аэрахов, — наставительно проговорил Архос. — Ты — паук! Сколько раз тебе говорить?»

И тут я вспомнил, как ещё в самом начале моего нахождения в этом мире, когда меня несправедливо бросили за решётку, Архос говорил мне о том, что надо вызвать пауков...

Конечно!

Пауки!

Они же буквально везде. И от восьми глаз точно ничего не скроется!

«Архос, ты — гений! — сказал я с подъёмом; даже голова почти прошла. — Осталось понять, как этим воспользоваться».

«Я всего лишь твой учитель, который наблюдает за тем, как долго ты ещё будешь доходить до очевидных вещей, — по его голосу я слышал, что на самом деле он доволен. — А воспользоваться этим очень просто. Достаточно только научиться».

«Будешь намекать, что я тупой, останешься без тела, — в шутку сказал я. — Усёк».

«Шантаж своих друзей не красит Примарха, — ответил на это Архос. — Впрочем, предлагаю приступить к занятиям».

И только я подумал о том, как множество восьминогих подручных будут собирать для меня любую информацию, как меня озарило. Я посмотрел на вытяжку в своей комнате и заметил маленькую паутинку. Полагаю, если забраться в воздуховоды, межбалочные перекрытия и в прочие лакуны здания, то обнаружится достаточно маленьких и спорых на ногу пауков.

«Так вот, значит, как аэраховская бабка узнала о моей инициации, — кажется, я только что открыл для себя грандиозную вещь. — И вот почему отец перенёс меня в другой мир. В том было не спрятаться».

«А ты думал, — подтвердил мои догадки Архос. — Это был единственный способ сохранить тебя. Твой отец — гений, хоть и двуногий».

«Почему же ты мне раньше не говорил об этой возможности? — спросил я своего наставника, хотя понимал, что он ничего не делает просто так. — Можно было бы столько сил сэкономить».

«Моя основная задача — научить тебя, — ответил на это Архос. — Раньше ты был не готов, чтобы воспринять этот урок. А сейчас ты всё выучишь в полном объёме. Идём туда, где нас не засекут и паутины побольше».

Я усмехнулся его заговорщицкому тону, и тут же у меня снова прострелило голову.

«Сейчас, — сморщившись проговорил я, — только таблетку от головы приму».

«Лучшее средство от головы — топор, — сказал на это Архос. — А пить тебе действительно не стоит».

*

Когда Михаилу Николаевичу Орлову по тайным каналам пришло приглашение встретиться, он сначала долго сидел и хлопал глазами. Потому что раньше его так вызывал Разумовский.

А он точно был мёртв.

И лишь через долгие минуты он вспомнил, что Виталий Кириллович упоминал его, как своего наследника для связи с «нужными людьми». А фактически это означало, что случись что с Разумовским, выйдут на него.

Они и вышли.

Некоторое время Михаил Николаевич вообще не хотел ехать. И так едва всё успокоилось. Его чудом оставили без серьёзного наказания. Он полагал, что не последнюю скрипку в данном концерте сыграло его решение поддержать Державина. Все знают, что принцесса по нему течёт, а она могла доставить ему проблем.

Также у него были запланированы переговоры с Игорем Всеволодовичем Державиным, где он надеялся на некоторые преференции в спорном участке бизнеса.

Одним словом, он занимался извлечением выгоды из сложившейся обстановки. А тут его снова потянули в болото предательства, из которого он едва выбрался.

Но его природная неудовлетворённость тем, что он имел, заставила Орлова всё-таки принять приглашение.

Человек, приехавший к нему на встречу, был не простой шестёркой, это он видел, но и не из главных.

— Как вы поняли, — проговорил связной, — нам нужен новый куратор.

— Зачем? — поинтересовался Орлов. — Я полагал, после смерти Разумовского всё рухнуло.

Они сидели в парке на проверенной лавочке. Виталий Кириллович уверял, что это самое защищённое от прослушки место. Мол, он сам оставил немало артефактов-глушилок поблизости.

— Что вы, — засмеялся приезжий. — Разумовский только себе плохо сделал, у нас всё работает как часы. Мы жалеем, конечно, что доверились ему, но всё идёт по плану.

— А в чём именно заключаются ваши цели? — поинтересовался Орлов. — Виталий Кириллович мне весьма пространно объяснял про внедрение телепортов и прочее.

— Ну, — связной уклончиво качнул головой, — телепорт — это лишь часть большой программы. Нет, нам нужна полностью подконтрольная Российская империя, поэтому тут либо государственный переворот либо развал на отдельные части. Разделяй и властвуй, знаете ли.

— Знаем, конечно, — ответил Орлов. — Вот только вы же знаете, что у меня есть клятва лично императору и я не могу нанести вред ему, либо его семье.

— Вы же прекрасно работали с предыдущим куратором, — ответил связной. — И мы знаем обходы этого самого блока. Тем более, вы никакого вреда лично императору или его семье и не нанесёте. Только информация и больше ничего. От вас даже не потребуется ничего внедрять в голову императору.

— А если я соглашусь? — поинтересовался Михаил Николаевич.

Связной посмотрел на него с улыбкой, которая говорила: «А куда ты денешься? У тебя просто нет другого выбора», а затем вынул из кармана салфетку, на которой была нарисована корона.

— Это исключено, — фыркнул Орлов. — Меня не потерпят на троне. Снесут тут же вместе с головой.

— Не тут, — возразил связной. — Совсем скоро намечается большой передел европейского пирога, вот один из небольших восточно-европейских кусочков может быть вашим.

— Это очень щедро, — проговорил Михаил Николаевич, не веря своему счастью.

— Более того, у вас будет выбор, — продолжил связной. — И кое-какие активы можно будет получить и тут.

Орлов вынул из кармана платок и вытер высокий лоб с широкими залысинами от крупных капель пота.

— Хорошо, — голос его едва подрагивал. — Я согласен. Что от меня требуется?

— На данном этапе не так много: быть на связи и поставлять необходимую нам информацию.

Глава 19

Приняв таблетку, я прилёг, ожидая, чтобы у меня прошла голова. Вот как люди вообще пьют? А ведь есть и такие, кто каждый день выпивает, и ничего, живут, работают.

В дверь постучали. Я повернулся на кровати, и в этот же момент словно огромный шар перекатился внутри черепа. Вот это спецэффекты.

— Войдите! — сказал я, с трудом поднимаясь и принимая вертикальное положение.

Дверь открылась, и в мою комнату вошла Валя. В платье, вполне подходящем высшему свету, выглядела она великолепно. Практически ничего в ней не напоминало ту тень, что проскальзывала ко мне когда-то под покровом ночи.

Таблетка постепенно начинала действовать, и мне становилось легче.

— Привет, — сказала Валя. — Неважно выглядишь.

— Спасибо, — усмехнулся я, хотя подозреваю, что это больше напоминало гримасу боли. — Ты, как всегда, великолепна в комплиментах.

— Ну а что? — она пожала плечами. — Меньше бухать надо. Ночами. В одиночку.

И по ударению на последнее слово я понял, что это основная претензия.

— Прости, — сказал я, — обсуждал со своими личностями сложившееся положение дел и никак не мог позвать тебя на это совещание.

— То, что ты пил за пятерых, это я вижу, а насчёт остального... — в глазах девушки резвились озорные чёртики. — До чего-то договорились?

В этот момент я вспомнил разговор с дедом по поводу управленца для завода.

— Договорились, — кивнул я. — Правда, не с ними, а с Игорем Всеволодовичем.

Валя подняла бровь, видимо, не совсем понимая, насчёт чего я хочу с ней поговорить.

— Ты же хочешь улучшить условия жизни для простых людей? — уточнил я.

— Смотря для каких, — ответила та, присаживаясь на кресло у стены рядом со мной.

— Для рабочих, — проговорил я. — Проще говоря, дело такое: я рассказал деду, что программу мы с тобой вместе составляли. Это было сразу после того, как он мне пожаловался, что ему не хватает управленцев. И в связи с этим к тебе есть предложение.

— Я же завтра с Беллой в Крым уезжаю, — усмехнулась Валя. — Вот поговорить на дорожку зашла. Потом-то времени уже не будет.

— Так речь как раз про Крым, — ответил я. — У Державиных там есть несколько объектов. Один в непосредственной близости от Ореанды. Просто, на мой взгляд, ты отлично смогла бы управлять отдельно взятым предприятием и внедрять туда все наши наработки.

Она смотрела на меня такими глазами, словно я ей подарил небо и землю, а ещё луну со звёздами в придачу.

— Так ты, что, серьёзно?

— Абсолютно, — сказал я. — Не думаю, что тебе будет круто целыми днями пить шампанское и учиться манерам.

— У меня уже пузырьки из носа лезут, — внезапно шёпотом призналась мне Валя. — Я не могу больше пить это шампанское. Так что — да, я согласна на небольшой такой завод. Вот только не взбунтуются ли рабочие от такого управляющего?

— Ещё скажи, что ты им позволишь, — хохотнул я. — Пара горящих задниц, и остальные

будут пахать, как миленькие.

— Пара, хм, — усмехнулась Валя. — Может, ограничусь и парой. А там как пойдёт. Слушай, — внезапно она взяла меня за руку и слегка сдавила в своих ладонях. — Скажи мне правду, что ты со мной сделал в Царицыно?

Я немного обалдел от столь резкой смены темы, поэтому некоторое время просто сидел и смотрел сквозь собеседницу, обдумывая, что можно на это сказать.

— Ничего особенного, — попытался соврать я, но услышал, как фальшиво звучит мой голос. — Просто привёл тебя в чувство после того, как из тебя земляными сосульками дуршлаг сделали.

— Вот именно, дуршлаг, — глядя мне прямо в глаза и буквально пронзая взглядом, сказала она. — Можешь не врать. Я же всё видела.

— Что ты видела? — удивился я.

Вот уж неправда. Что она могла видеть, когда я точно знаю, что она была мертва?

— Я всё видела, — повторила Валя. — Только не глазами, а... — она запнулась, подбирая слова, — как будто откуда-то сверху. Словно душа покинула тело, как показывают в фильмах, и я видела, что мертва. А ты... — она отвела от меня глаза, в которых появилась влага. — После того, как уничтожил Разумовского, ты склонился надо мной. А затем ты латал меня, как тряпичную куклу, — она усмехнулась сравнению. — Я видела серебристые нити, которыми ты пришивал мою аорту к сердцу, видела кого-то внутри тебя, с кем ты советовался. Видела пламя, которым ты запаивал прорехи. Я всё это видела, и не говори мне, что это просто глюк сознания, и ничего подобного не было.

Она всхлипнула. Я молчал. Мне просто нельзя было посвящать её сейчас во все тонкости.

— А затем, — продолжила она, справившись с собой, — меня потянуло куда-то прочь от тела, но я держалась. Я видела, что ты меня вот-вот спасёшь, и держалась за тебя. Ты отрастил прозрачную руку и ею массировал моё сердце, чтобы запустить. Не смей говорить, что этого не было! Я не сумасшедшая! А потом... Потом я очнулась в твоих руках...

Я продолжал молчать. Расскажи я ей сейчас всю правду, подставился бы очень сильно. Раз уж на меня ведут охоту, не погнушаются ничем.

— Скажи мне, что ты сделал, — попросила Валя, сжимая мою руку ещё сильнее. — И как?

— Я не буду тебе врать, — решил я, наконец, — заявляя, что тебе всё вообще привиделось. Но и правду сказать пока не могу.

— Почему? — спросила она, заглядывая мне в глаза.

— Потому что за эту правду люди горят на кострах, теряют голову на плахе и получают пулю

в затылок, — ответил я. — Если хоть кто-то узнает, что я с тобой сделал, меня уже без всяких разбирательств превратят в памятник запрещённому.

— В смысле? — переспросила она.

— Устранят, — отрезал я. — Причём, тебя тоже. Поэтому просто не лезь и не проси меня тебе всё рассказать. Считай, что от ранения у тебя начался бред и тебе всё привиделось. Так нам обоим будет безопасней. Усекла?

Она кивнула, вроде бы соглашаясь, но на губах её играла непокорная улыбочка. Мол, я всё равно когда-нибудь добьюсь от тебя правды.

— Ладно, — сказала она. — При таких ранениях действительно может показаться всё, что угодно. Например, любовь в чьих-то глазах.

Я тяжело вздохнул. Эту тему я хотел затрагивать ещё меньше, чем предыдущую.

— Когда-нибудь, — проговорил я, — надеюсь, что скоро, всё это закончится, условия поменяются, и я смогу всё тебе рассказать. А пока позволь мне самому нести за всё ответственность, не впутывая никого больше в это.

Она смотрела на меня, слегка склонив голову, с такой ехидной ухмылкой, что я понимал, мне не отвертеться.

— А про любовь тоже нельзя? — спросила она. — Сожгут?

— Послушай, — решил я сказать всё сейчас, чтобы не возвращаться к этому вопросу. — Ты мне невероятно дорога. Я очень хорошо к тебе отношусь и желаю только счастья. Если и говорить о любви, то это... — я замолк, подбирая слова.

— Такая же любовь, как к Карине, — грустно усмехнувшись, договорила за меня Валя.

— Да, — я развёл руками. — Ты мне — сестра, лучшая подруга, соратник. Разве этого мало?

— Ладно, — сказала Валя, поднимаясь с кресла. — Мне пора собираться. Но, если что, знай, мои чувства к тебе ничуть не изменились. И я готова умереть ради тебя.

— Давай лучше будем жить ради друг друга, — сказал я, улыбнулся и обнял Валу, прижав к себе.

*

«Мы сегодня тренироваться будем? — спросил меня Архос, когда Валя ушла, а я без сил упал обратно на кровать. — Или выходной?»

Я подумал о том, что каждый потраченный впустую день может стоить мне жизни. Что-то где-то недоработал, и на тебе — именно в этом месте пробой случится.

«Будем, — ответил я. — Непременно будем».

Через полчаса мы уже были в спортзале. Сегодня тут никто по идее появиться не должен, значит, можно свободно тренироваться с Архосом.

«Объясни мне основные принципы, пожалуйста, — попросил я. — Так сказать, самые азы, чтобы я не промахнулся».

«У паука всё начинается с паутины, — ответил Архос. — Так что её нам сделать и предстоит. И на первый раз большую, чтобы ты на нормальном масштабе всё понял».

«Какие-то тонкости в строении? — поинтересовался я. — Мелочи, которые надо учесть?»

«На уровне двух метров от пола натяни направляющие, — сказал он. — А затем само должно пойти. Ты же паук».

Я закрыл глаза и представил, что я на самом деле паук. Кровь привычно двигалась в такт с ударами сердца, и я ощутил разливающееся по организму тепло. А в следующий момент я понял, что уже изменился.

Открыв глаза, я понял, что теперь смотрю на мир иначе. Углов обзора стало больше, но они при этом стали более плоскими. Впрочем, и привычное человеческое зрение никуда не делось.

Направляющие я закинул по наитию, и они сразу же закрепились на стенах и выступах спортзала. С круговой паутиной тоже проблем не возникло. Она сама ложилась так чётко и красиво, что оставалось удивляться, откуда я обучился подобному мастерству.

«Примарх, — приговаривал Архос. — Поистине королевская паутина».

Но мне было не до его восхищений. Мне нужно было научиться вызывать пауков, чтобы они стали моими глазами и, по возможности, ушами.

«У пауков нет ушей, — вздохнул на это мой ментальный наставник. — Звуки они чувствуют, как вибрацию».

«Но интерпретировать-то могут? — спросил я. — И как-то передать, чтобы это потом можно было переложить на слова?»

«Теоретически — да, — согласился Архос. — Я-то тебя слышу и понимаю. Так что различие звуков заложено в понимание пауков».

Когда паутина была готова, я долгую минуту любовался ею. Мне хотелось засесть в ней и ждать добычу. При этом человеческая часть моей натуры прикрывала ладонью лицо от неуместности происходящего, с её точки зрения.

«Теперь на сочленении сегментов нужно оставить каплю, впитавшую в себя магию аэрахов.

Для этого возьми капельку слюны, скатай с волокнами паутины в упругий комочек, добавляя специальный магический секрет. Он должен выделиться сам, так как ты сейчас в состоянии полутрансформации».

Я сделал всё, как он сказал, и с третьего раза у меня получился прозрачный и блестящий липкий шарик, который я с лёгкостью подвесил на сочленение нитей паутины.

Затем я заполнил ими каждое перекрестье. У меня получилась утренняя паутина в росе, о чём я не замедлил сообщить Архосу.

«Да это вообще произведение искусства, — ответил он. — Жалко будет рушить, когда закончим».

Я взглянул на своё творение, и та часть, что принадлежала аэрахам, загрузила. Потому что вышло действительно хорошо.

«Теперь учимся управлять, — сказал Архос. — Чем дальше нить от центра, тем безобиднее пауки придут на твой зов. Так для этого мира и данной климатической зоны это будут какие-нибудь цветочные пауки, домовые, крестовики, ткачи и тому подобное. Повыше уже более ядовитые виды. В нашем случае вряд ли кто-то откликнется, так как климат не тот. А вообще это нити каракуртов, чёрной вдовы и иже с ними».

«А мне кто-нибудь из них опасен?» — спросил я.

«Нет, — ответил Архос. — Ни один паук не тронет Примарха. Он, скорее, умрёт».

Я решил, что это очевидный плюс. И минус одна фобия.

«Дальше идут всякие банановые пауки, — продолжал Архос. — Африканские птицееды, ядовитые тарантулы и много-много. Чем ближе к центру, тем смертоносней паучки. Причём, для каждой местности и мира градация опасности своя. Всего этой паутиной ты сможешь призывать около двух тысяч различных видов. Как настроишь».

Но мне уже было интересно самое сердце моего творения.

«А если затронуть центр паутины? — спросил я. — Кого можно призвать тогда?»

Архос притих, словно подбирая слова.

«Центр паутины вызывает самих аэрахов, — ответил мой учитель, видимо, решив, что мне нужно это знать. — Но на твоём месте я не стал бы рисковать. На зов может прийти твоя бабка... А ты ещё не готов сразиться с ней».

«Понятно, — подумал я, — в центр не лезем».

«Теперь сам принцип вызова, — преподавая очередной урок, Архос становился ментором до мозга костей. — Берёшь любой отрезок паутины и заставляешь его вибрировать, словно

струну. Капли магии на перекрестьях создадут уникальную вибрацию. Ты её будешь слышать, как музыкальный звон, а вот пауки воспримут это, как призыв. Попробуй самую ближнюю к тебе ниточку дёрнуть».

Я сделал всё, как он сказал, и через некоторое время изо всех щелей ко мне полезли небольшие коричневые и бежевые паучки.

«Это обычные домовые пауки. Они — самые лучшие соглядатаи, если речь идёт о здании. Даже в твоём отлично убираемом жилище их тысячи. Они есть везде. Прикажи паре из них сбегать на другие этажи и кого-нибудь тебе показать. Только давай им образ того, кого хочешь увидеть на первом этапе. Им пока сложно с тобой взаимодействовать».

Одного из пауков я попросил найти Валю, а другого — деда. Остальных отпустил.

«Теперь откопируй большую паутину и масштабируй её так, чтобы копия уместилась у тебя на ладони. Так, правильно, — Архос контролировал каждое моё движение, и я был уверен, что он вмешается, если я что-нибудь буду делать не так. — Теперь отметь, какая из паутинок вызывает домовых пауков. Всё правильно. Нужны будут именно домовые, вызываешь на ладони паутину, дёргаешь вот эту нить между указательным и средним. Ждёшь своих соглядатаев. Приказываешь. Позже, когда вы хорошо отладите связь, паутина будет не нужна вовсе. Ты сможешь вызывать их ментально. Словно по телефону. Всё понял?»

«Да, спасибо, — сказал я. — Надо, наверное потренироваться?»

«Надо бы, конечно, — с сомнением ответил мой наставник. — Вот только проблема в том, что большая часть пауков в это время года спит. И вряд ли ты сможешь вызвать кого-то, кроме домовых. Но попробуй, почему нет?»

И тут мне пришла обратная связь от тех особей, которых я позвал, чтобы найти мне Валю и деда. Сначала у меня перед глазами возникла картинка с седым стариком, который усиленно что-то искал в интернете. Вот только угол был немного странный. Паук находился за его спиной, и, в основном, я видел её да седую шевелюру. Но я понял, что при желании могу попросить паука передвинуться так, как мне удобно.

Следующей я увидел Валю. Она собирала чемодан, на лице же её явственно читалась грусть. Но слёз в глазах не было, что меня порадовало. Тут она чихнула, и я понял, что глухо, с эхом, но вполне слышу звуки. Это было грандиозно!

Я решил попробовать вызвать ещё кого-то. Но, как и ожидал Архос, на мой призыв приползла парочка сонных крестовиков и ещё какой-то паук, который, кажется, сам не понял, как, где и для чего оказался, поэтому просто прополз мимо.

Но дух экспериментаторства во мне требовал продолжения опытов. Подёргав все нити с краю, я передвинулся ближе к центру. Но, как я понял, не водились у нас слишком уж ядовитые и опасные пауки. И тут я, сделав молниеносное движение, запустил паутину ещё ближе к центральным перекрестиям.

«Не стоит, — успел вставить Архос. — Тренируйся пока с домовыми пауками».

Впрочем, ничего сразу и не произошло. Меня даже постигло разочарование. То, что казалось мне грандиозным открытием, на деле оказалось не очень уж работающей магией.

«Были бы мы где-то в Австралии, — заявил на это Архос, — ты бы сейчас не жаловался».

Да я и не жаловался. Просто душа требовала больших масштабов.

Я приготовился ещё раз вызвать маленьких домовых пауков, чтобы приучить к себе, как вдруг посередине зала заметил странную особь. Это был чёрный мохнатый паучок, особенность которого заключалась совсем не в этом.

Он рос. Причём, настолько стремительно, что пока я подошёл к нему, он вымахал чуть ли не на четверть зала и продолжал расти.

— Прекратить разрастание вширь! — распорядился я, и паучок остановился.

Вид его, хоть и грозный из-за размеров, вызывал, скорее жалостливую улыбку, чем что-то ещё. Лапы паучка иногда пробивала дрожь, все восемь глаз суетливо бегали туда-сюда, а шерсть местами свалялась и вытерлась. Но самым курьёзным во всём этом был бант. Точнее, представление о банте паука, у которого доступ был лишь к ржавой проволоке и трубам.

— Штуренкнарзофонивапер Аксипур, шестнадцатый, по приказанию Примарха прибыл, — отрапортовал паучок и замер.

— Штурен... что? — переспросил я.

— Штуренкнарзофонивапер — это имя моё, — ответил тот. — Аксипур — принадлежность рода, ну а дальше номер. Я — тарантул.

Я задрал голову, всем своим взглядом выражая скепсис.

— И где же ты так вымахал... Шту... Будешь Штопором, лады?

— Как будет угодно Примарху! — выпалил паук. — Вымахал я в канализации, когда там какую-то радиоактивную жижу разлили. Питался крысами, иногда черепахами, вот и вымахал.

— Понятно, — сказал я. — А как ты попал в канализацию?

Паук вместо ответа приподнялся и начал перебирать лапками.

— Да не стесняйся, — сказал я. — Рассказывай.

— Дело в том, что я — фамильяр, — начал паучок. — Это сущность моя. А меня продали, как обычного тарантула какому-то садисту. Он над нами опыты ставил да лапки отрывал, а

потом смотрел, сколько живыми продержатся. Я единственный уцелел, потому что убежал. И вот в канализации тринадцать лет ждал своего часа, — он поправил бант из проволоки, чтобы тот, по его мнению, выглядел лучше. — Но я всегда был готов прийти на зов.

Мне почему-то показалось, что бант из проводов имел совершенно другую цель.

«А парень, кажется, неплохой, — заметил Архос. — Только жизнью побитый».

— Хорошо, — сказал я тарантулу. — Что ты умеешь?

Тот чуть ли не по стойке смирно встал и голос сделал ниже, чтобы производить впечатление весомости.

— Я всё умею, — сказал он. — Вот, что прикажете, то и умею. Могу ядом жалить, могу ездовым пауком работать, в разведку могу, с врагами биться могу, курьером работать... да всё, что угодно. Только прикажите!

Я задумался, оценивая собеседника. На самом деле в голове у меня была картина, как я на боевом пауке крошу войско эфирников, а затем прямо на нём же скачу к башне принцессы и прошу её руку и сердце. Интересно, сколько децибелов выдаст Варвара, увидев такого громадного паука? Вопрос, конечно, риторический.

А тарантул, кажется, воспринял моё молчание за сомнения в его полезности.

— Только не бросайте меня, прошу, — он весь съёжился, став чуть ли не вдвое меньше, и голосок стал заметно тоньше, выдавая в нём подростка. — Не отсылайте! Я не хочу обратно в канализацию! Я буду служить вам верой и правдой! Буду всё делать! Вот увидите, я полезный! Я не подведу! — и все восемь его глаз пронзительно посмотрели на меня с такой мольбой, что я прочувствовал все те годы, что парнишка жил в бегах, прячась от всего живого.

«Ну что, Архос, — проговорил я. — Возьмём фамильяра? Говорит, пригодится».

«Фамильяр — это самый полезный питомец, — проговорил учитель. — А если учитывать, что сам просится в служение, а оно ему не навязано, такой будет верен до конца».

— Ладно, Штопор, — сказал я пауку. — Беру тебя в услужение!

— Спасибо, спасибо, спасибо! — зачастил тот и вдруг бросился на меня.

Я решил, что это от избытка чувств, но рефлекторно закрылся руками и зажмурился. А когда открыл глаза, паука передо мной уже не было.

Зато саднило левое предплечье. Я глянул на него и увидел тридцатисантиметровую татуировку тарантула. Я чувствовал его. Он вёл себя, словно ласковый котёнок, благодаря меня за избавление от бродячей жизни.

«Так вот, значит, как заводят питомцев», — подумал я.

«Вот это я называю эффективной тренировкой, — задумчиво проговорил Архос. — Надеюсь, ты всё запомнил из того, что я рассказывал».

Я взглянул на ладонь и вызвал на ней копию большой паутины.

«Да, — ответил я. — Это был один из лучших уроков за последнее время. Спасибо, учитель».

Глава 20

Валерий Чернышёв на семейном ужине был столь же молчалив, как и обычно. Вот только на этот раз он не был увлечён просмотром новостей или спортивных сводок. Он внимательно следил за своими домочадцами.

А в мозгу у него всё звучали слова маленького человечка из Поднебесной, который заявил, что Олег ужасно боялся в детстве, когда его закапывали братья. Он же недосилок. Ему даже из не особо глубокой ямы выбраться было сложно. Понятно, почему он по жизни такой пришибленный.

Остальные дети словно и не замечали Олега за столом. Они переговаривались между собой, делились новостями, что-то передавали друг другу, а его будто и не существовало. Он, правда, отвечал тем же и улыбался чему-то, изображённого на экране смартфона.

Валерий задумался. С тех пор, как Олег поступил на спецкурс в академию, он сильно изменился. Возможно, большую роль в этом сыграл Державин, но без желания самого человека такое просто невозможно.

Но самое большое впечатление младший сын на него произвёл вчера, когда Валерий по тревоге явился на Патриаршие. Олег, оказавшийся там, мало того, что сразу ввёл отца в курс дела, так ещё и показал, какие разрушения есть и что откуда взялось. Благодаря его помощи, Чернышёв-старший справился с тем, что наворотил пришлый маг земли, буквально за несколько часов.

Положа руку на сердце, Валерий был уверен, что ни один другой его ребёнок не смог бы столь точно и правильно всё описать.

А это всё значило, что надо постепенно ломать выстроенную между ними стену.

— Дети, — сказал он громко, чтобы его слышали все. — После еды всех жду у себя в кабинете. Кроме Олега.

От его взгляда не укрылось, что младший сначала поднял взгляд с надеждой, затем снова погрузился и уткнулся в смартфон. «А ведь ты сильнее их всех, — подумал Валерий. — Одиночество не сломало, а закалило тебя».

В кабинете он не предложил детям садиться, что было для них тревожным знаком. Так он

делал только тогда, когда у него были к ним претензии. И именно сейчас молодые Чернышёвы вспоминали, в чём они провинились, но на ум ничего не приходило.

— Мне бы ещё Алексея сюда под руку, — проговорил Валерий, оглядывая двух молодых мужчин и девушку. — Но он уже выпорхнул отсюда во взрослую жизнь.

— Что-то произошло? — спросил Глеб, старший из оставшихся сыновей.

— Произошло, — кивнул Валерий. — Но не вчера, так что не ломайте себе голову. Вчерашний инцидент лишь подтолкнул меня к некоторым мыслям. Ответьте мне лучше вот на какой вопрос: вы зачем Олега в землю по отрочеству закапывали? У вас, что, развлечений других не было.

— Наябедничал? — зло проговорил Матвей, что был старше Олега на два года.

— Нет, — Валерий в упор посмотрел на Матвея. — Он ни слова мне не сказал. Более того, он даже не знает, о чём я с вами тут говорю. И не узнает. Снова будет думать, что я вас посвящаю в дела семьи, а его побоку. Я узнал это на заседании императорского суда.

— Ого! — Матвей присвистнул. — Слышал, Глеб, скоро нас казнят.

— Хватит ёрничать! — повысил голос Чернышёв-старший. — Ответьте мне, почему вы гнобите своего брата?

— Так это, — взяла слово Олеся, дочь Валерия. — Ты же сам его не признаёшь частью рода, а почему мы не должны?

— В смысле не признаю? — нахмурился абсолют.

— Ну ты постоянно, когда с мамой скандалишь, выдаёшь ей, что Олег — нагулянный.

— Так! — глаза Валерия сверкнули яростью. — Вы что себе позволяете! Подслушивать чужие разговоры — это позор! Это первое. Второе, я никогда не говорил прилюдно, что он не наших кровей, значит, и мнения такого быть у вас не должно. Я его признал, и вы должны, понятно? И третье, он хоть и никакой, но маг земли, так что я могу ошибаться в своих личных выводах.

— И что же нам теперь сюсюкаться с ним? — с вызовом в голосе поинтересовался Глеб.

— Никто тебя не просит сюсюкаться, он первый будет против. Но ты себя представь на его месте, когда тебя с рождения вся семья, кроме матери, шпыняет, и поймёшь. Хочешь, лично тебя месяц тебя гнобить буду?

— Не хочу, — ответил Глеб. — Я из дома уйду.

— Скатертью дорожка, — ответил Валерий. — Я хочу, чтобы ты понял меня.

— Я, кажется, понимаю, — сказала Олеся, — но в одночасье поменять своё отношение не смогу. На это уйдут месяцы, если не годы.

— Дети мои, — сказал на это Чернышёв-старший. — Вы хотя бы логику включали иногда, если уж братских чувств не испытываете к нему. Наш Олег дружит с Никитой Державиным. А тот, на минуточку, очень хорошо дружит с принцессой. И есть мнение, что совсем скоро он станет её мужем, а, как следствие, консорт-императором в будущем. Понимаете, к чему я клоню?

— Обычно семьи, близкие к императору, неплохо возвышаются, — ответил на это Матвей.

— Вот именно, — поднял указательный палец Валерий. — Вот именно. Олег — наш билет к возвышению рода, не хороните его больше в земле, ясно?

*

Перед тем, как зайти в академию, я оглянулся и увидел спешащего ко мне Олега. Он размахивал рукой, призывая меня подождать его. Я уже было приготовился, что он сейчас либо за что-то зацепится, либо подвернёт ногу, либо вовсе упадёт. На самом деле вариантов была масса.

Но нет, он вполне успешно преодолел разделявшее нас расстояние, и у него даже шнурки не развязались. А ещё я заметил в нём тень уверенности, которой раньше не было.

Неужели на него так подействовало наше столкновение на Патриарших? Вряд ли. Он со мной и в другие переделки попадал, но ничего подобного не происходило.

Когда он протянул мне руку, я заметил перемены и в настроении. Обычно он бывал мрачно-весёлый, а сейчас — на самом деле радостный.

— Привет, — сказал я. — А ты прям светишься. Случилось что?

— Да нет, — проговорил Олег. — Особо вроде бы ничего не произошло. Разве что, представляешь, брат старший вчера подошёл и извинился за то, что когда-то с другими меня закапывал. Я вообще до сих пор в шоке!

Перед моими глазами немедленно предстал Ван Ли, рассказывающий Валерию Чернышёву о тренировке его младшего сына.

«Значит, он им всё-таки дал нагоняй, — решил я. — Что говорит в его пользу, как отца. Хоть где-то плюсы».

— А ты какой-то задумчивый, — проговорил Олег, глядя на меня. — От битвы ещё не отошёл? Но ты хорош был. Я смотрел на тебя и просто охреневал, как ты всех спасать своими воздушными пинками успевал. В нашу сторону столько всего летело! И ни-ко-го серьёзно не поранило!

— Перестань, — улыбнулся я. — Я не люблю лесть. На самом деле нет, не о том я думаю. Ты сегодня после пар как, свободен?

— Определённо не тороплюсь, — ответил Олег, открывая дверь внутрь. — Нужна моя помощь?

— Да, — я ещё не придумал, в какие слова облечь свою просьбу, а затем сказал: — Нам нужно снова наведаться в библиотеку. Обозначилась у меня пара тем, в которые я хочу окунуться глубже.

— Если это не что-то запрещённое, как в прошлый раз, — проговорил он, заговорщицки подмигивая, — то я только за.

— А если запрещённое? — уточнил я.

— Тогда тем более! — хохотнул он. — Ладно, говори, не томи.

— Во-первых, я понял, что совершенно не смыслю в магической боёвке. Как-то не до этого мне было. Хотелось бы изучить этот вопрос. А, во-вторых, меня заинтересовала литература по фамильярам. Сможешь что-то подсказать? — я невольно посмотрел на правое предплечье, скрытое сейчас тканью пиджака и рубашки.

— По фамильярам — вполне. Есть замечательная книга Голицына, а ещё Петра Кропоткина, прадеда нашего Фёдора, — сказал Олег.

— Ух ты! — восхитился я. — А наш друг открывается с неизвестной ранее стороны. А что по поводу магических боёв?

— Тут я тебе с книгами вряд ли смогу подсказать, — ответил друг, и я уже хотел было расстроиться, что придётся копать самому. — Но! — он поднял вверх указательный палец. — Мы же на спецкурсе с возможностью посещения пар у других потоков. А наша академия считается одной из лучших по магическим боям.

— Вот даже как, — для меня это на самом деле оказалось открытием. — А я даже и не знал.

— Одну секунду, — попросил Олег.

Мы с ним уже стояли перед дверью аудитории, и занятие начиналось через считанные минуты.

— Вот, — он ткнул в экран, — ближайшая тренировка состоится завтра утром перед парами в спортивном дворике академии.

— Отлично! — сказал я и открыл дверь, пропуская Олега. — Надо будет обязательно наведаться.

Кропоткина сегодня на парах не было. Мы быстро прошли, сели на место и поздоровались с

Катериной. Затем я глянул на остальных и поймал на себе пристальный взгляд нескольких пар глаз.

— Всем привет, — сказал я и поднял руку. — У всех всё в порядке после нашей последней вечеринки?

Но ответить никто не успел. Дверь распахнулась, и в аудиторию стремительно вошёл Никифор.

— Записывайте, — проговорил он, — сегодняшнюю тему. Годовая отчётность родов и кланов. Различия, льготы, сроки.

Затем он взглянул на меня.

— Никита Александрович, — сказал он. — Слышал, вы снова в историю попали? И на этот раз практически со всем курсом, да? Если так пойдёт и дальше, Чернышёв-младший главным неудачником академии быть перестанет.

— Полагаю, мне не обязательно занимать его место? — ответил я, прекрасно понимая, что преподаватель хотел просто пошутить.

После пар мы отправились в библиотеку. Там я набрал рекомендованные Олегом книги Голицына и Кропоткина. К моему удивлению, библиотекарь смогла посоветовать мне ещё пару книг. А также несколько учебных пособий по второму интересующему меня вопросу, по боевой магии.

По крайней мере, будет чем сегодня заняться. Сяду в своё любимое кресло и буду читать, пока не устану.

*

Император наконец-то оказался в привычных ему с детства стенах, где он чувствовал себя гораздо увереннее, чем в Москве. Тут всё вокруг подкрепляло тысячелетнюю власть его семьи, и никто не смел ему что-то возразить. По крайней мере, так хотелось думать.

Все последние часы ему не давал покоя разговор с дочерью. Очевидно, она была во многом права, если не во всём. Нужно было менять законы, нужно было интриговать, нужно было шантажировать.

С последнего, вероятно, стоило начать. У него в кабинете был специальный сейф, который раньше принадлежал его отцу, а до того деду и так далее. Не было в этом сейфе ни золота, ни драгоценных камней, ни денег, ни яиц Фаберже, а только одинаковые папки без надписей, но с условными обозначениями на углах. Пополнялись они регулярно, даже слишком, только вот Ярослав Иванович никогда ими не пользовался.

До сегодняшнего дня.

Он открыл сейф, провёл пальцем по корешкам. На коже остался тонкий слой пыли. «Наверное, давно надо было этим заняться, — подумал он, и вытянул нужную папку. — А то я — за закон, а беззакония не потерплю. Сейчас и проверим».

Положив папку на стол, император сел за него, открыл скреплённые бумажные листы и погрузился в чтение. А оно, надо сказать, оказалось весьма увлекательным.

К тому моменту, как его оповестили, что князь Владимир Шуйский по его приказанию прибыл, папка была изучена от корки и до корки. А император едва мог сдержать гнев.

— Рад приветствовать Ваше Императорское Величество в полном здравии и благоденствии, — проговорил старый маг Шуйский, вот только в его равнодушном голосе не было ни намёка на радость. — Если вы по поводу моего демарша на рассмотрении дела, то прошу простить. Стар я стал, нервы ни к чёрту, вот и субординацию пограл на корню.

— Хорошо, что вы это понимаете, — холодно проговорил император. — Только вот по закону я должен бы вас за такое наказать.

Он, не вставая, наблюдал за абсолютом такой же огненной стихии, как была и у него, и размышлял, выстоял ли он против Владимира один на один, или нет.

— Вы же понимаете, что моё недовольство было вызвано именно несоблюдением законов, в связи с этим и уход подразумевает стремление отстоять закреплённые в документах правила, — нагнав пафоса в голос, проговорил Шуйский.

— Допустим, — сказал на это император. — Но вы же понимаете, что время течёт, всё вокруг изменяется. Нет ничего незыблемого вокруг нас. Даже мы сами смертны, а значит, склонны к изменению.

— Для того, чтобы устоять на ногах в бурном потоке времени, и нужны незыблемые столпы, за которые честным людям надлежит держаться, — отбил атаку оппонент.

— Возможно, вы и правы, — заметил на это император. — Но что вы скажете на то, что ещё совсем недавно в нашей империи существовал запрет на летающие автомобили. Самих автомобилей ещё даже не придумали, а запрет уже был. Как вам такое? Конечно же, закон изменили, и машинам разрешили летать.

— При всём моём уважении, — проговорил Шуйский, — летающие автомобили никак не угрожают целостности империи. Вы думаете, я — совсем ретроград и не принимаю никаких изменений? Нет же, я знаю, что существует целая законодательная власть, которая эти самые законы пишет, а затем внедряет в общество. Говоря образно, очень даже может быть, что изобретут нечто такое, что позволит человечеству отказаться от чистки зубов. Но это не значит, что надо бросать чистить зубы прямо сейчас. Они сгниют и выпадут. Понимаете, о чём я?

— Я понимаю, — ответил император, видя, что его собеседник упирается, отказываясь

видеть простые истины. — Но считаю, что время для изменения законов уже пришло. И это вопрос безопасности империи. Именно приверженность устаревшим правилам нас тянет на дно. И вы себе даже не представляете, насколько сильно.

— Вынужден вам возразить, но соблюдение законов никак не может повредить государству, — проговорил старый абсолют. — Я, как законопослушный гражданин, настаиваю на этом. Державин-младший угрожает нам всем. Моё мнение в этом плане осталось неизменным.

— Что ж, — Ярослав Иванович тяжело вздохнул и открыл папку на одном из заложенных мест. — Я утверждаю, что вы, Шуйский, повели себя недальновидно, руководствуясь при этом политикой двойных стандартов.

— Что! — мгновенно вскинулся тот. — Каких ещё двойных стандартов? Вы о чём?

— Дык вот, — император ткнул в папку перед ним. — Не далее, чем летом прошлого года ваша дочь Анна совершила наезд на пешехода.

— Это был несчастный случай! — заявил Шуйский.

— Пьяной.

— Поклёп!

— Задним ходом, на пешеходном переходе, полосе встречного движения... — монотонным голосом продолжал зачитывать факты о ДТП.

— Это всё наглая ложь, — процедил абсолют. — У неё слишком много недоброжелателей.

— Так у меня тут и фотографии имеются, — проговорил монарх. — И даже ссылка на видеозапись есть. Её потом кто-то изъясил из архива, всё так, но в распоряжении службы собственной безопасности она имеется до сих пор. Как, кстати, и анализы вашей дочери. Непонятно, как до машины-то смогла дойти в таком состоянии.

Шуйский весь нахохлился, словно воробей при первых холодах.

— Все мы — люди, — сказал он. — У неё несчастье в личной жизни было. Это можно понять. Это не угроза империи.

— Да что вы всё заладили? — император перевернул страницу. — Ваш сын Игнат долгое время занимался контрабандой леса в Поднебесную, маскируя незаконные вырубку лесными пожарами... Это тоже никак не угрожает империи, так? Когда его уличили в контрабанде и взяли с поличным, на следствие и суд было оказано давление. Прокурора, который требовал судить вашего сына по закону, а не по регалиям отца, посадили на пять лет по сфабрикованному делу.

Шуйский помрачнел.

— Я тогда не знал, — сказал он. — А узнал, когда всё решилось. Поздно было что-то делать. Но прокурора выпустили из тюрьмы досрочно.

Император поцокал языком, словно досадуя о жизненных перипетиях собеседника.

— Да уж, — сказал он, — тяжело, когда за твоей спиной проворачивают дела твоим именем, не так ли?

— Что там ещё? — хмуро спросил Шуйский.

— О, тут много всего, — император полистал страницы папки. — И подпольные казино, запрещённые в империи, и ставки на спорт, и микрокредиты. И всё это принадлежит вашим внукам. Но вот вопрос: почему же их не трогают, а? Они же нарушают закон?

— Да, — едва слышно сквозь зубы уронил старый маг.

— Значит, их надо казнить? — Шуйский вскинул глаза на императора, который уже давно и пристально смотрел на него из-под бровей. — Я посчитал, тут на восемь смертных приговоров, которые надо поделить на шестерых. Это же будет по закону, да?

— Не надо их казнить, — чуть ли не одними губами проговорил абсолют. — Я всё на себя возьму.

— Так это и так всё на вас, голубчик мой, — проговорил Ярослав Иванович. — Ты вместе с ними пойдёшь, понимаешь? Только последним. А ещё надо узнать, почему так долго имперская безопасность закрывала глаза на все эти прегрешения, так? Я понимаю, что у вас достаточно заслуг перед империей и изначально всё спускалось на тормозах именно из-за этого. Но всему есть предел. И, глядя на неприличную пухлость этой папочки, у меня закрадывается ощущение, что у вас были слишком тесные отношения с Разумовским. Иначе я узнал бы об этом раньше. А это уже знаете, чем пахнет?

— Госизменой, — мёртвым голосом проговорил Шуйский.

— А что у нас за госизмену-то полагается по закону, а? — император уже откровенно издевался.

— Смерть и забвение рода.

— Во-о-от, — сказал император, словно похвалив усидчивого, но тупого ученика за правильный ответ. — Тут уж восемь смертных приговоров покажутся ерундой, правда? Их ещё до завтрака пережить можно.

— Чего Вы хотите? — спросил Шуйский, понимая, что вряд ли уже выйдет из этого кабинета.

— А я разве не сказал? — совершенно искренне удивился монарх. — Совсем скоро нам предстоит модернизация законодательства. Нужно будет внести правки в некоторые важные

документы. Так вот, я хочу, чтобы в этом вопросе вы заняли сторону короны.

— Хорошо, — одними губами проговорил Шуйский.

Глава 21

Я пришёл на тренировку четвёртого курса по боевой магии и открыл учебник на соответствующем разделе. Мне было интересно, как они применяют заклятия во время тренировочного противостояния. Это же надо себя как-то ограничивать? Или специальные понижающие силу артефакты стоят? Но последних я не нашёл.

Старшекурсники откровенно зевали и передвигались по полю арены весьма лениво, словно из-под палки. Только два-три человека с огромным энтузиазмом взялись за дело и принялись мутузить друг друга. Сразу было ясно, что им это нравится.

Но, конечно же, больше всех выделялся преподаватель. Я не знал его лично, но видел несколько раз в стенах академии. Огромный, усатый, с копной тёмных волос, издалека больше похожих на шапку. Мускулистое тело без капли жира намекало на то, что он занимается не только боевой магией, но и тренажёрным залом не брезгует.

Он, как мог, придавал ускорение сонным студентам, выстраивая их на тренировочном поле, на котором, кстати, не было ни снежинки. И я сделал вывод, что поле снизу подогревается, как и на приличных стадионах.

Затем преподаватель разделил пришедших на занятия на пары и объяснил им, какие именно упражнения отрабатывать.

Я открыл учебник и принялся сравнивать приёмы и техники. Каждая пара сначала несколько минут отрабатывала всё в стороне, а затем выходила на центр открытого пространства, чтобы показать тренеру, насколько усвоен урок.

На поле передо мной сошлись водник и земельник. Если они и допускали некоторые вольности, отходя от описанных упражнений, то моих знаний пока не доставало, чтобы это заметить.

Примерно минут через десять после начала, когда на центр поля вышла уже третья пара, я начал получать от происходящего нереальный заряд адреналина. Мне хотелось самому выйти на площадку и зарядить несколько смерчей в спарринг-партнёра.

То ли кто-то прочитал мои мысли, то ли судьбе так было угодно, то ли просто по случайному совпадению через некоторое время преподавателя вызвали в деканат. А ко мне подошёл студент четвёртого курса со странно знакомыми чертами лица.

— Привет, — сказал он. — Я тебя знаю, ты — Никита Державин.

— Совершенно верно, — ответил я, пожимая протянутую руку. — С кем имею честь?

— Я — Виктор Громов, кузен Катерины. Спасибо огромное за помощь ей. У нас в роду уже легенды о тебе складываются.

— Сколько бы гадостей обо мне ни рассказывали, я всё равно знаю больше, — сказал я и улыбнулся.

Виктор же от души рассмеялся.

— Никаких гадостей, правда, — сказал он после. — Мой дядя Арсений только о тебе и говорил в последнюю нашу встречу. И скажу по секрету, очень сетовал, что ты не интересуешься Катериной, как женщиной.

Я закрыл лицо ладонями.

— Вот так, раз поможешь женщине, а тебя на ней тут же женить захотят, — проговорил я.

— Это точно, — согласился Виктор. — Я чего, собственно, подошёл. Вижу ты сидишь, записываешь, смотришь. Интересно?

— Да, — кивнул я, — очень.

— А хочешь сам попробовать? — Громов сделал приглашающий жест.

— Да я бы, может быть, и хотел бы, — начал я, порываясь встать, — но совсем не знаю, как и что надо делать.

— Это всё ерунда, — сказал Виктор. — Обычный тренировочный бой. Для новичков вешаем полущиты, а дальше всё как в обычной драке. Технику потом по учебнику подтянешь. Там, конечно, нудно, но зато всё по науке.

— Попробовать бы, конечно, было бы здорово, — сказал я, вставая.

— Давай со мной в спарринг вставай. Я-то тебя точно не зашибу, — Виктор открыто улыбнулся.

Я проверил его на желание мне навредить. Ничего. Заглянул в свой «тревожный чемоданчик». Пусто. Ничто не предвещает осложнений.

— Хорошо, давай, — сказал я и двинулся за Громовым на площадку.

Он мне дал небольшой артефакт, который создавал полупроницаемое поле вокруг меня, блокируя потенциально опасные воздействия. Вот только я сомневался, что это поле может хоть сколько-нибудь серьёзно повлиять на настоящее боевое заклятие четвёртого-пятого уровня.

— Ты не переживай, — сказал Виктор. — Я буду использовать заклятия первого-второго уровня, чтобы не вынуждать тебя защищаться сверх силы.

— А на кой мне тогда артефакт? — поинтересовался я.

— Пусть будет, вдруг я всё-таки переусердствую.

Такая постановка вопроса меня позабавила, но зато я теперь понимал, что должен быть готов к воздействию и более высокого уровня.

Вообще боевая магия — это музыка в мире магии. Это танец тела и ума, плетущего защитные или наступательные заклятия. Успех, собственно, битвы зависит от того, насколько ты правильно подберёшь магические инструменты к этой конкретной ситуации.

Виктор начал атаковать меня довольно слабыми волнами, не выше первого уровня. Но зато их сразу же появилось много-много, и отбиваться оказалось неожиданно тяжело. А нужно было ещё и наступать.

Я решил, что именно боевая магия мне просто необходима.

Не изобретая чего-то из ряда вон выходящего, я ударил по Громову тучей маленьких смерчков, которые он отбил, шутя, единым ударом. Так я особо и не ожидал, что он испытает хоть какие-то трудности с ними. Мне нужно было посмотреть, что именно он предпримет. И я увидел. Он протянул сквозь них холодную воду, и мои карманные торнадо просто замёрзли и распались.

Тогда он атаковал меня водными лезвиями. И тут я уже вспомнил абсолюта, который трепал нас на Патриарших. Только те лезвия выглядели действительно угрожающе, а эти... Они рассыпались от одного дуновения ветра.

— Отлично, — похвалил меня Виктор. — Можешь попробовать что-то посерьёзнее в атаке. Умеешь комбинировать?

Про комбинаторику в атаке я читал. Мне, как скрытому эфирнику, это знание нужно было позарез. Это когда одной стихией вызываешь некие подвижки в другой. И противник получает ущерб не от той магии, к которой был готов.

Мысля в подобном ключе, я присмотрел песок под нашими ногами. Был он не сглаженный водой, а изначальный — с очень острыми кромками. Полагая, что Виктор и тут будет готов, я приступил к обманному манёвру.

Я поставил перед собой воздушную стену, под её прикрытием формируя направленные воздушные потоки, рвущиеся снизу вверх. Стену я пустил на Громова, и он, конечно же, с лёгкостью справился с ней. Вот только он оказался совершенно не готов, что сразу же за этим ему в лицо ударят две струи песка, поднятые моими потоками.

В последний момент он всё-таки смог отшатнуться и поставить защиту. Но лишь от одного полностью, а от второго лишь частично.

Острые кромки песчинок, летящие с бешеной скоростью, взрезали кожу на его скуле,

оставив царапину. На щеке Виктора выступила кровь.

Безусловно, я был виноват в произошедшем сам. Это же тренировочный бой, и о таких скрытых ударах нужно предупреждать, но я почему-то понадеялся, что Громов справится с этим легко.

Но вышло не совсем так, и я его подзадорил. Плюс к этому нас обоих уже поглотила горячка боя. Он начал колотить меня лезвиями и сосульками, которые я едва успевал отбивать. Причём, уровень этой магии был уже отнюдь не начальным.

И вдруг он запустил в меня целую тучу ледяной шрапнели.

Пятого уровня.

Он тут же закрыл глаза, осознавая, что натворил.

А я в этот же самый момент отчётливо понял, что совершенно забыл активировать артефакт. То есть, по сути, я остался без какой-либо базовой защиты.

Не отдавая себе отчёт в том, что именно делаю, я поставил перед ледяной шрапнелью эфирное зеркало с наклоном вниз. Чтобы все эти смертоносные осколки легли между нами.

И лишь потом вспомнил, что эфиром пользоваться мне категорически запрещено.

Но, что сделано, того не вернёшь.

Громов аккуратно открыл глаза и тут же удивился тому, что увидел.

— Тебе удалось защититься? — спросил он. — Но как? Артефакт же не работал.

— Секрет рода, — ответил я и улыбнулся. — Прости за порез, я не специально.

— Да нормально всё, — прикоснувшись пальцами к ране, сказал он. — Это я расслабился, что ты — второго уровня и слабый противник. И, по классике, недооценил. Будет и мне урок.

Мы пожали друг другу руки, и как раз вовремя. К полю из здания уже спешил преподаватель четвёртого курса. Я же счёл за лучшее ретироваться, пока у тренера не появились лишние вопросы.

*

Проходивший мимо тренировочной площадки Константин Антонович внезапно остановился. Он с абсолютной очевидностью засёк кратковременное использование эфира. Он не мог сказать, кто точно это сделал, так как эфирником он был откровенно слабым, но зато мог отправить информацию людям, которые этим интересуются.

Он достал телефон и набрал сообщение.

«Обнаружено точечное использование эфира. Магическая академия, тренировка четвёртого курса».

Нужно было подойти и уточнить, кто это сейчас сражался на тренировочном поле. Вот только за спинами студентов четвёртого курса ничего нельзя было разглядеть. Все под два метра ростом и косая сажень в плечах.

— А ты чего тут делаешь? — хмуро спросил Ренат Маратович.

Между ними глухая вражда длилась уже лет пятнадцать. Бывает такое, что люди не нравятся друг другу с первого взгляда, а потом всю жизнь обходят стороной. Либо стараются не замечать, как и в случае Константина Антоновича и Рената Маратовича. Но на своей территории терпеть не будут.

— Да так, — улыбнулся преподаватель нулевиков. — Шёл мимо, решил глянуть, что проходите.

— Шёл мимо, так и иди, — ответил на это тренер по боевой магии. — Нечего тут ошиваться. Лучше своих книжных червей дебет с кредитом учи сводить.

После чего отеснил Константина Антоновича от прохода на поле и направился к своим ученикам.

Преподаватель в манжетах поверх пиджака пожал плечами и направился в своё крыло, решив не испытывать судьбу. А буквально через пять минут ему пришло подтверждение, что его информация принята. А ещё через десять пришёл запрос на личную встречу с куратором по Российской империи.

Это означало, что данные, отправленные им, были на самом деле ценные.

*

Константин Антонович, преподаватель, щеголявший в здании магической академии нарукавниками поверх пиджака, был крайне впечатлён их встречей с куратором. Всё было подготовлено по высшему разряду, так что никто не смог бы подслушать их.

За городом, но сравнительно недалеко от академии, располагался небольшой парк. Его чаще всего посещали люди, выгуливавшие домашних собак, поэтому в дневное время тут было пустынно. Да ещё над лавочкой, на которой ждал его человек, чувствовались купол тишины и дополнительная защита для отведения глаз.

На улице было холодно, но на самой лавочке сидеть было комфортно и уютно.

Личность самого куратора была скрыта артефактом, а голос изменён. Даже если бы Константина Антоновича принялись бы пытаться, с кем он выходил на связь, ответить он бы

не смог.

— Итак, вы заметили выброс эфира на вверенной вам территории? — уточнил куратор после того, как Константин Антонович присел в полутора метрах от него.

— Так точно, — ответил преподаватель, устраиваясь удобнее. — Утром, во время тренировки магического боя кто-то воспользовался эфирной магией.

— Кто это был? — спросил куратор, и в голосе его послышалась сталь.

— К сожалению, воздействие было столь точно и кратко, что я не успел определить, кто именно воспользовался данной практикой, — быстро, словно оправдываясь, затараторил Константин Антонович.

— Мог ли это сделать Никита Державин? — в лоб спросил куратор. — Он же был сегодня в академии?

— Державин был, — ответил преподаватель. — Но этот выброс не имеет к нему никакого отношения.

— Даже так? — удивился куратор.

— Да, это произошло во время занятий четвёртого курса. А Державин — слабосилок, несмотря на то, что подтянул уровень. Их курс боевой магией не занимается.

— Что ж, странно, — задумчиво проговорил куратор. — А у вас есть список студентов того курса, который тренировался в тот момент?

— Да, конечно, — ответил Константин Антонович. — Сейчас... Вот он. Куда скинуть?

— На номер для связи, — проговорил куратор. — Благодарим вас за сотрудничество. Деньги поступят на указанный вами счёт. Продолжайте наблюдение и докладывайте, как заметите что-то подозрительное.

— Благодарю вас покорнейше, — сказал на это преподаватель. — Какие-то особые распоряжения будут?

— Да, — немного подумав ответил куратор. — Присмотрите всё-таки за Никитой Державиным. Он представляет для нас повышенный интерес.

— Всё понял, — кивнул Константин Антонович. — Всё будет сделано. Хотел ещё у вас поинтересоваться...

Преподаватель академии понимал, что перед ним уже другой человек, а совсем не тот, кто его вербовал, но всё же этот должен быть в курсе различных проектов в стенах академии. Или нет?

— Я вас слушаю, Константин Антонович, — собеседник изучал нарукавники, сберегающие пиджак преподавателя.

— Я слышал, что с внедрением телепортов у нас в стране не вышло, — куратор тут же вытянулся в струнку, видимо, действительно не знал, что Константин Антонович посвящён в эту информацию. — И в связи с этим хотел спросить, может быть, разморозить проект по внедрению артефакта отбора силы в арку проверки уровня?

Если бы Константин Антонович видел лицо собеседника, то понял бы, что тот сбит с толку его формулировкой.

— Можно подробней? — спросил тот. — И, если можно, более простыми словами.

— Ну, вся эта афера с телепортом нужна для отбора сил у проходящих через него магов, насколько я понимаю, — проговорил преподаватель. — Я просто участвовал в подборе носителей для паразитов, поэтому в курсе.

— Всё так, — ответил куратор.

— Так вот, первоначально у нас был проект такую штуку вставить в арку проверки уровня. Мы через неё студентов дважды в год прогоняем. Силы у них, по большей части, неучтённые. Да и в пубертатном возрасте там этой магии, как у дурака махорки. Никто даже не заметит пропажи и искать не будет.

— Это действительно интересно, — кивнул куратор. — Я обязательно передам ваше предложение. Всего доброго.

*

Оставшись в одиночестве, Орлов просмотрел список студентов, который представил ему преподаватель академии. Собственно, дело оставалось за малым. Сравнить этот список со списком гостей, приглашённых на свадьбу Долгоруковых.

И таким образом можно будет найти дикого эфирника.

Самое странное во всём этом, что неучтённым магом эфира оказался не Державин. С другой стороны, а почему Орлов подумал на него? У него же развился уровень по магии воздуха. Эфирнику это не нужно, он пользуется другими ресурсами.

Наконец, завершив ручную сверку более чем тысячи гостей со списком студентов-старшекурсников, Орлов нашёл одно единственное совпадение.

*

Не успел я вернуться домой, как меня вызвали вниз.

— В чём дело? — спросил я Кристофа. — Почему нельзя решить вопрос без меня?

— Ваша светлость, вас ожидает курьер, — невозмутимо проинформировал меня слуга. — Строит из себя важную птицу. Говорит, что может отдать конверт исключительно вам в руки. И никак иначе.

— Хорошо, сейчас спущусь.

Курьер, ожидавший меня в холле, действительно выглядел необычно. Он, скорее, походил на клерка средней руки, нежели на мальчика на побегушках.

— Здравствуйте, — кивнул ему я. — Никита Державин, к вашим услугам.

Прежде чем ответить, курьер с видом человека, неумело строящего из себя аристократа, посмотрел в свой телефон, судя по всему, сверяясь с фотографией.

— Рад приветствовать вас, ваше сиятельство, — церемонно произнёс он. — Я представляю банк «Империал». И у банка для вас есть специальное письмо.

Во мне шевельнулось чувство тревоги.

— Что за письмо? — поинтересовался я.

Вместо ответа курьер открыл папку и достал оттуда конверт из твёрдой теснённой бумаги. Клапан был натурально запаян сургучной печатью, как в далёком прошлом. От всего этого представления у меня даже глаза раскрылись шире обычного.

Я потянул руки к конверту, но курьер остановил меня.

— Сначала распишитесь здесь... здесь... и здесь, — он убрал ручку и протянул мне конверт. — Банк «Империал» благодарит вас за выбор нашего учреждения и желает вам всего доброго.

Проследив за выходящим из дверей курьером, я опустил глаза на конверт. Судя по весу, он был почти пуст.

И предчувствия не обманули меня. Внутри был лишь электронно-магический ключ с надписью «Империал» золотом на чёрном фоне. И записка, текст которой заставил меня вращать в пол.

На ней значилось:

«С любовью, мама».

Только вот мама моя умерла, давая жизнь Карине. Могла ли она прислать этот конверт из прошлого? От чего этот ключ?

Слишком много вопросов. Мозг начинал плавиться от информации, одновременно свалившейся на меня. Внутренний датчик тревоги упорно поднимался к критической зоне.

Я решил, что в этом доме найдётся человек, способный мне помочь. Если, конечно, он не уехал куда-нибудь по делам.

Я вытащил телефон и набрал номер.

— Дед, привет, — сказал я, когда Игорь Всеволодович взял трубку. — Ты у себя?

— Да, читаю отчёт строителей и, мягко говоря, негодую, — ответил он. — Что-то случилось? У тебя голос какой-то странный.

— В общем, да, — согласился я. — Поднимусь?

— Конечно.

Через пять минут я был уже на этаже у деда.

Он покрутил в руках карточку и листок с подписью.

— Не знаю, — сказал он. — Почерк твоей матери я не помню, поэтому не могу сказать, её это или нет. А вот насчёт карточки очень даже могу. Это действительно карточка банка «Империал». С её помощью открывается индивидуальная депозитарная ячейка высшего приоритета.

— И что может быть в этой ячейке? — спросил я.

— Да всё, что угодно, — ответил дед. — От денег и золота до прав на какой-нибудь древний замок. Чтобы ты понимал, в таких ячейках хранятся только очень дорогие и секретные вещи. Например, копии родовых завещаний. Моё лежит ровно в такой же. И да, совсем недавно я его изменил.

«Спасибо дед, — подумал я, — не стал бы ты об этом упоминать, если бы меня это не касалось. Что ж, будем знать».

— А что-нибудь вроде бомбы там может быть? — спросил я. — Или яда?

— Исключено, — ответил дед. — Это самый защищённый банк в России. Ты представляешь, как они пекутся о своей репутации? Система безопасности там с лёгкостью может посоперничать с той, что применяется во дворцах императора.

— И всё же это подозрительно, — сказал я.

— Тут соглашусь, — проговорил дед. — Действительно подозрительно. Если хочешь, я поеду с тобой.

— Это было бы просто отлично, — ответил я. — Потому что я совершенно не понимаю, чего ждать от всего этого.

— Возможно, хотят устроить засаду где-то по пути, — пожал плечами дед. — Что ж, тут мы их сильно разочаруем. Потому что поедем мы на моей машине. Бери документы, а я пока вызову водителя.

К банку, располагавшемуся в историческом центре Москвы на Арбате, ехали практически молча. Странно, но строки «С любовью, мама» всколыхнули во мне целый сонм чувств. Причём, как в душе, так и в памяти самого Никиты Державина, от которого уже почти ничего не осталось.

Нас с ним объединяло то, что мы оба росли без материнской ласки. И вот эта пустота где-то внутри иногда напоминала о себе.

На входе нас ждали швейцары в форменных ливреях. Они распахнули нам дверь, за которой уже ожидал администратор.

— Никита Державин? — уточнил он, глядя на меня.

— Да, это я, — ответил я, протягивая документы.

Сверившись со своими данными, администратор пригласил нас в лифт. Поехали мы не вверх, а вниз и ехали довольно долго. Я насчитал этажей десять, не меньше. Выйдя, мы оказались в небольшом холле, обставленном весьма уютно.

Чувство тревоги зашкаливало.

Я почувствовал, что на моём лбу выступает пот.

В это сложно было поверить, но мне не хватало воздуха.

Тогда я прикрыл глаза. Вдох-выдох. Всё, тревожность прошла, уступив место уверенности. Кто бы не создал эту ловушку, я в неё не попадусь.

— Вам, Игорь Всеволодович, придётся остаться тут. Вход лишь для лица, на которое зарегистрирована ячейка.

— Я знаю правила, — кивнул дед и устроился на удобном диване, после чего посмотрел на меня и сказал: — Внутри с тобой ничего не должно случиться. Я буду ждать тебя здесь. Наши ребята стоят по периметру и не допустят нападения. Так что ни о чём не переживай.

Легко сказать, но, когда совершенно не знаешь, что тебя ждёт, очень сложно сохранить ледяное спокойствие.

— Возьмите, — сказал администратор и протянул мне странное устройство, с одной стороны которого располагался небольшой раструб, похожий на динамик. — Внутри по нашим правилам полная конфиденциальность: никаких камер и микрофонов. Визит рассчитан на час. Если нужно будет выйти раньше, нажмёте на эту кнопку и вызовете меня. То же самое, если время нужно будет продлить. Через динамик вы услышите обратный

отсчёт, когда ваш час будет подходить к концу.

Я кивнул.

Администратор нажал скрытую от глаз кнопку, затем набрал что-то на своём смартфоне, и передо мной распахнулась сейфовая дверь, которую вряд ли взял бы тот взрыв, что разворотил дедов небоскрёб.

Дождавшись, пока дверь за мной закроется, я подошёл к ячейке.

Открылась она от одного прикосновения электронно-магнитным ключом, причём совершенно бесшумно.

Внутри стояла небольшая коробка в упаковке из грубой бумаги. На клапане присутствовала такая же сургучная печать, как и на конверте.

Я вытащил коробку, сорвал бумагу и положил на небольшой столик.

Оставалось только открыть крышку.

Я поднёс коробку к уху. Никаких движений, тикающих звуков или чего-то подобного.

Только моё сердце колотилось в каком-то бешеном ритме.

Я закрыл глаза и вдохнул. Затем выдохнул, успокоив кровообращение, и открыл глаза.

Что там такого может быть?

«С любовью мама», — значилось в записке, которая лежала в моём кармане. Вот только не верил я этой записке.

Что ж, тянуть дальше бессмысленно.

Я потянул крышку наверх.

И ещё успел мельком увидеть, как будто что-то раскладывается. Сияющее и слепящее.

А затем наступила тьма. И в ней меня не было.

Я потерял сознание.

Восхождение Примарха - 3